

# ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(55)

**СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА**  
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**  
**ТЕМА НОМЕРА**  
**ГЕОПОЛИТИКА**  
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**  
**ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ**  
**ДЕБЮТ**  
**«КРУГЛЫЙ СТОЛ»**  
**ПУБЛИКАЦИИ**  
**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**EDITOR'S PAGE**  
**PRESSING TOPICS**  
**THE ISSUE'S MAIN TOPIC**  
**GEOPOLITICS**  
**FOREIGN AFFAIRS**  
**ECONOMICS & FINANCE**  
**DEBUT**  
**«ROUND TABLE»**  
**PUBLICATIONS**  
**NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

# ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,  
Председатель Совета —

**Вагиф Гусейнов**,  
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель  
главного редактора —

**Юрий Поройков**, к. филос. н.

Редакционный совет:

**Расим Агаев** (*Азербайджан*), к. ист. н.

**Михаил Делягин**, д. э. н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

**Владимир Егоров**, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**Сергей Караганов**, д. ист. н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике

**Андрей Кокوشин**, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

**Николай Михайлов**, д. э. н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

**Александр Назарчук**, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

**Алексей Пушков**, к. ист. н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»

**Александр Рар**, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

**Владимир Рыжков**, к. ист. н., профессор ГУ ВШЭ

**Леонид Слуцкий**, д. э. н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы

**Андрей Фёдоров**, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

**Александр Ципко**, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная  
за выпуск:

**Мария Кортунова**

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

# СОДЕРЖАНИЕ

## СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. «Старые новые» проблемы . . . . .5

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Юрий Марков. Феномен научно-технической агрессии . . . . .9

Павел Гуревич. Милосердие в окоёме жестокосердия . . . . .17

Борис Чернышёв. О приоритетных задачах и основном звене в политике  
(российская теория научного выбора и опыт истории) . . . . .24

## ТЕМА НОМЕРА: Российская элита – прогресс или стагнация?

Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций  
российских элит. *Часть III* . . . . .34

## ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (Украина). Битва за Евразию.  
Тектоническая геополитическая трансформация . . . . .43

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Джеймс Эктон (США). Обезоруживающий мгновенный  
глобальный удар и Россия . . . . .59

Эрнест Султанов. Энергетические шахматы: партия России . . . . .64

Эльдар Касаев. Арабские нефть и газ: выводы для России . . . . .71

## Информационное досье

Нина Петрова. О новом этапе в азиатской политике России . . . . .80

## ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман (Эстония). Куда ни кинь – всюду клин . . . . .83

Андрей Конопляник. «Эффекты домино» американской сланцевой  
революции . . . . .87

## ДЕБЮТ

Людмила Олейник. Иордания: вне зоны доступа . . . . .95

## «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

*Нужна ли нам идеология?* . . . . .99

## ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради» . . . . .121

Елена Комлева. Геология, горное дело и ядерное оружие . . . . .127

Анна Кортунова. Окно Овертона: ничто не истинно и все дозволено . . . . .135

## Философский клуб

Владимир Кантор. Христианство как европейская проблема  
(по мотивам русской философии в изгнании) . . . . .140

Ирина Сиземская. Идеи русского мессианизма в контексте  
отечественной историософской мысли . . . . .147

## ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. «И топят в пропасти забвенья...»  
*О книге А.И. Уткина «Первая мировая война»* . . . . .155

## Рецензия

Сергей Демиденко. Своевременная книга.  
*О монографии Э.О. Касаева «Катар в XXI веке:  
современные тенденции и прогнозы экономического развития»* . . . . .159

Тезисы статей на английском . . . . .162

Об авторах . . . . .166

# CONTENTS

## EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. «Old new» problems .....5

## PRESSING TOPICS

Yury Markov. The phenomenon of scientific and technical aggression .....9

Pavel Gurevich. Cruelty fringed mercy .....17

Boris Chernyshov. On priority tasks and the principal link in the politics  
(the russian theory of scientific decision-making and the experience  
of history) .....24

## THE ISSUE'S MAIN TOPIC: Russian Elite: Progress or Stagnation

Oxana V. Ghaman-Golutvina. The metaphysical dimensions of the russian  
elite transformations. *Part III* .....34

## GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev. Struggle for Eurasia.  
Tectonic geopolitical transformation .....43

## FOREIGN AFFAIRS

James M. Acton (USA). Conventional prompt global strike and Russia .....59

Ernest Sultanov. Energetic chess: Russia's game .....64

Eldar Kasayev. The arab oil and gas: resume to Russia .....71

## Informational file

Nina Petrova. About new phase in the Russian's Asia politics .....80

## ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman. We're stuck whichever way we turn .....83

Andrey Konoplyanik. The «Domino effects» of the American shale  
revolution .....87

## DEBUT

Ludmila Oleinik. Jordan: out of the access zone .....95

## «ROUND TABLE»

*Do we really need an ideology?* .....99

## PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. From the «Quiet notebook» .....121

Elena Komleva. Geology, mining engineering and nuclear energy .....127

Anna Kortunova. The overton window: nothing is true,  
and everything is permitted .....135

## Philosophical club

Vladimir Kantor. Christianity viewed as the European problem  
(inspired by the Russian philosophy in exile) .....140

Irina Sizemskaya. «Moscow as the Third Rome»: at the sources of Russian  
philosophy of history .....147

## NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. And sink it into the oblivion abyss...  
*About the book by Anatoly I. Utkin «The World War One»* .....155

## Review

Sergey Demidenko. Opportune book. *About Eldar Kasaev's monography  
«Qatar in the XXI century: Modern tendencies and prognosis of  
economic development»* .....159

SUMMARY .....162

OUR AUTHORS .....170

## **СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА**

### **«СТАРЫЕ НОВЫЕ» ПРОБЛЕМЫ**

2013 год завершился для России без каких-либо значимых перемен. Главным его итогом, сходятся во мнении многие наблюдатели, можно считать то, что почти все долгосрочные проблемы, которые стояли перед страной в начале года, так и остались нерешенными. Весь список сохранился практически полностью, но также появились новые и «старые новые» проблемы.

Главной из них стал двойной теракт в Волгограде. Террористическая война в России продолжается, при этом сегодня уже ясно, что ни о какой религиозной войне речи не идет. Наивно думать, что цель взрывов в Волгограде сводится к тому, чтобы, например, запугать людей. Настоящая цель современных терактов, за которые никто демонстративно не берет ответственности, — расколоть страну, оторвать от нее даже не столько Кавказ, сколько уже, например, Татарстан или Башкирию, и в конечном счете разрушить Российскую Федерацию. Именно эта угроза представляется самой острой для нашей страны на сегодняшний день. Именно на борьбу с ней власть должна бросить все свои силы и мощь органов правопорядка.

По данным опросов, репутация власти проседает во всем, кроме одного — в сфере внешней политики. Здесь наибольших успехов она добилась на сирийском направлении. То же справедливо в отношении Украины, но ситуация там находится в постоянном развитии, и ее исход во многом еще не ясен. Вариант, при котором российские деньги не помогут сохранить эту страну в российском русле, совсем не исключен, и даже весьма вероятен. При этом многие западные лидеры практически демонстративно проигнорировали сочинскую Олимпиаду. На этом фоне новое собрание земель как стратегического и морального противовеса Западу выглядит несколько преждевременным. Акценты Лукашенко и Назарбаева на том, что новый союз не означает восстановления СССР, выглядят весьма симптоматично.

Именно в этом году, приходят к выводу наблюдатели, российская правящая команда оформила новую доктрину. Если в течение предыдущих 20 лет Кремль строил правление на основе лозунга «Идем в Европу!», то теперь его кредо стал тезис о России как «уникальной

цивилизации». Если прежде российская система строилась как имитация либерально-демократических институтов, то теперь ее фундаментом стал принцип сдерживания Запада и превращения России в «Анти-Запад».

При этом борьба за Украину показала, что российская власть не собирается ограничиваться лишь риторикой, но обладает определенными ресурсами для продвижения своего державничества. Украинский Майдан становится мощным фактором воспроизводства страхов и предчувствий авторитарных элит. Майдан 2004 года стал толчком к переходу Кремля к жесткому авторитарному режиму. В свою очередь деморализация Запада означает, что у российского режима нет серьезных внешних препятствий для движения по этому пути. Поэтому прошедший год можно, полагают эксперты, также назвать годом политических репрессий и усиления давления на оппозицию, даже несмотря на милосердие президента под Новый год.

Прошедший год стал и годом странного управления. Институты и законы зачастую подменяются лишенными в полной мере легитимности структурами и механизмами. Так, реформа ЖКХ разрабатывается ОНФ, а «дорожные карты» по улучшению инвестиционного климата — Агентством стратегических инициатив. С управленческой точки зрения, полагают многие наблюдатели, нынешнее правительство давно пора бы отправить в отставку. И причин для этого множество: отсутствие авторитета, декоративные функции и проекты, неспособность (в том числе и политическая) к выработке и реализации долгосрочной стратегии...

Правительство превращается в такую же декорацию, как и системная оппозиция, которая стала еще более «системной», как партия власти, которой в затылок дышит ОНФ, как парламент, который все больше увлекается воспитанием народа, нежели развитием правовых институтов. Приоритет стабильности оборачивается нарастающей нерешительностью власти принимать решения, которые затрагивают ее изнутри. Профанация государственного управления становится отличительной чертой власти. Некоторая либерализация правил игры на выборах и допуск к ним внесистемной оппозиции оборачивается в действительности консервацией сложившейся системы.

А между тем рост российской экономики в 2013 году почти остановился. Замедление, начавшееся в середине 2012 года, перешло в резкое торможение. Экономика выросла всего на 1,2%. К концу года было официально признано: стагнация вызвана не только внешними факторами. Ускорение экономик развитых стран во втором полугодии никак не повлияло на динамику российской экономики. Не подействовал даже эффект базы (высокий рост в первом полугодии 2012 года и замедление во втором), давший повод ожидать оживления тем-

пов роста во второй половине 2013 года. Год завершился спадом инвестиций и сокращением промышленного производства.

Нет причин для изменения ситуации и в 2014 году. Единственным источником роста экономики остается частное потребление, поддерживаемое повышением зарплат бюджетников и кредитованием. Но в 2014 году темпы роста потребления замедлятся. В 2013 году бюджетные секторы обеспечили половину из 6% -ного прироста зарплат в экономике в реальном выражении, посчитали в Центре развития ВШЭ, на 2014 год такого сильного (10–11% в реальном выражении) роста зарплат бюджетников не запланировано (3%, по прогнозу Минэкономразвития). Темпы роста розничного кредитования, хотя и замедлились до двухлетнего минимума, беспокоят ЦБ, обещающего дополнительные меры по сокращению этого роста до приемлемых 20–25% в год. Причина — высокая закредитованность населения и темпы роста просрочки, которые в этом году впервые превысили собственно рост кредитования. Замедление роста доходов в 2014 году обострит эту проблему.

Спад инвестиций произошел, прежде всего, из-за государства, завершившего масштабные моностройки, и госкомпаний, завершивших крупные инвестпроекты, — так совпало в 2013 году. Плохая новость в том, что с середины прошлого года падают и частные инвестиции. Заметный рост инвестиций в номинальном выражении наблюдается только в добыче несырьевых полезных ископаемых, торговле и в сфере организации отдыха. Рентабельность в несырьевых отраслях ниже докризисной, что ограничивает инвестиции как за счет собственных средств, так и за счет кредитных.

В результате — стагнация, девальвация и небольшой рост безработицы — лучшее, что может случиться с российской экономикой в 2014 году. Когда инвестиции падают, а потребительский спрос выдыхается, даже 1,5% роста ВВП могут быть амбициозной целью. А скорее, в наступившем году экономику России ожидает полномасштабный кризис, пусть и не такой острый, как в 2008–2009 годах, полагают экономисты.

Чиновники солидарны с аналитиками: год будет тяжелым. Однако как долго продлится депрессия, мнения расходятся: от полугодия до «десяти тощих лет».

Таким образом, отмечают политологи, 2013 год ознаменовался тем, что В. Путин стал последовательно и отчетливо обозначать свою политическую позицию и программу как «консервативную». Этот консерватизм стоит на трех китах: общественно-этическом антилиберализме, суверенности и ограничении или полном отсутствии диалога с либеральной и даже креативной частью социума. Этический консерватизм президента в первую очередь предполагает защиту тради-

ционного понимания семьи от любых либеральных трактовок и тенденций.

Правящая элита отстаивает принцип суверенности принятия любых решений в России, что подразумевает возможный пересмотр иерархии международного и внутреннего права. Это означает произвольные попытки укоренения любых позитивных и универсальных стандартов в российской истории, постоянные обвинения в «навязывании» норм и их интерпретаций, а также готовность чувствовать себя оскорбленным и униженным всякий раз, когда в мире с Россией, как кажется, не обращаются на равных. Наконец, власти не интересны носители либеральных ценностей и креативный класс в целом. Она не считает этих людей прогрессивной частью общества. Более того, креативный класс в дискурсе власти становится одной из двух сторон главного политического противостояния — с «простым народом».

В. Путин по-прежнему остается доминирующей фигурой в российской политике, обладает решающим влиянием на правила игры и во многом определяет повестку дня. Несмотря на смягчение избирательного и партийного законодательства, политика в России так и осталась левой, а либеральный фланг по большому счету остается незаполненным.

Подводя некий итог, стоит отметить, что, как показали события в Волгограде, именно террористическая угроза представляется самой острой для нашей страны на сегодняшний день, именно на ней следовало бы сконцентрировать основные усилия правоохранительного сообщества. Именно из этой проблемы может вырасти паника, страх и поиски нового лидерства среди широких масс населения. Именно она является питательной средой для роста и русского, и мусульманского национализма в самых жестких формах. Заигрывание же с националистами, желание скрытно возглавить их движение, как показали уроки той же царской охранки, ни к чему хорошему привести не могут.

Другой крайне серьезной проблемой является экономическая стагнация, в которую впала страна. Все вместе эти угрозы могут привести к кумулятивному эффекту, который в потенциале способен разрушить страну. Именно на парировании этих угроз власти следовало бы сосредоточиться в первую очередь.



# **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Юрий МАРКОВ

## **ФЕНОМЕН НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ**

Многие проблемы, возникающие в процессе развития общества, обязаны научно-техническому прогрессу. Феномен техносферы носит всеохватывающий характер, внедряясь, в том числе, в человеческое мироощущение и межличностные отношения. Уже Ж.-Ж. Руссо понимал, что усложнение техносферы воздействует не лучшим образом на моральное сознание и благосостояние нравов. Ощущение нравственной прочности зависит от устойчивости самого человека по отношению к своим ценностным ориентациям. Изменение техносферы, разумеется, существенно усложняет жизнь самого человека, несмотря на рост бытовых и транспортных удобств.

В сущности, мы не успеваем вырабатывать должные оценки, например, к росту числа личных автомобилей, к изобретению противозачаточных средств, к различного рода инженерно-генетическим возможностям и т. д. Главная беда в том, что, хотя у создателей новой техники замыслы обычно самые радужные, моральные последствия не поддаются точному контролю и учету. Их возможная тяжесть и заключает в себе груз проклятия.

Ныне социологами уже замечено, что в обществе набирает силу феномен «компьютерных детей», которые явно отстают в образовании, плохо пишут и читают, теряют способность к разговорному общению. Они безразличны к природе, не считают нужным соблюдать чистоту в скверах и парках, а тем более — в пригородных лесах. Научно-технический прогресс, в том числе тонкие технологии, хорош лишь в условиях духовно-нравственной цивилизации. Противоречия между наукой, экономическими интересами и нравственными принципами происходят довольно часто. Игнорирование этих принципов нередко порождает сложные ситуации в обществе, в частности, при использовании тех или иных научных открытий и технических изобретений. В подобных случаях не мешает сделать остановку и поразмышлять над возможными последствиями. Определенная связь науки с нравствен-

ностью не вызывает сомнений. Например, стремление ученого найти истину предполагает определенную нравственную установку, поскольку истинное знание уже является благом. Но это не значит, что наука сама по себе может рассматриваться как некий нравственный институт, регулирующий социальные отношения.

Наука и этика — слишком различные вещи хотя бы потому, что научное знание рационально, тогда как нормы этики находят себе нишу в подсознании. Нравственный закон иррационален, в то время как законы науки являются характеристикой реально существующих вещей и процессов, отражаемых человеческим сознанием. Видеть в науке этическую систему противоестественно, даже если она дает человеку чувство господина природы. Будучи социальным институтом жизнеобеспечения, наука не становится от этого социально-этической моделью. В силу своего рационального характера наука разрушает этнокультурные барьеры, не заботясь, впрочем, о мирном сосуществовании людей. Эту заботу берет на себя этика.

Представляется актуальной проблема личной ответственности ученых. Нередко даже в учебных пособиях пишется, что ученый ответственен лишь за достоверность предлагаемых знаний, а не за последствия их практического применения<sup>1</sup>. Это значит, например, что создатели атомных бомб не несут никакой ответственности за уничтожение японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 года без какой-либо военной необходимости. Ученые, представляющие собой общественную элиту в рамках современной цивилизации, могут, не испытывая угрызений совести, создавать самые жестокие способы массового убийства и быть ответственными только за то, чтобы трудиться со знанием дела и не нарушать законов физики, химии, биологии и т.д. Не пора ли осознать простую вещь: безнравственное общество не имеет права на научно-технический прогресс, который в этом случае будет направлен против человека и против природы.

Бытует мнение, что наука всегда полезна в своих поисках истины и что получение истины при всех обстоятельствах будет полезно для общества. Это, к сожалению, не совсем так. Истина может лечь в основу новых технологий, реальное использование которых осуществляется не во благо, а во зло человеку и обществу. С помощью экономически эффективных технологий социальная система может быть разрушена, если повреждены ее нравственные скрепы. Поэтому речь должна идти не только и не столько о научных истинах, сколько о продуктах научного творчества в их отношении к целям и задачам реально существующих экономических и политических интенций в обществе.

<sup>1</sup> Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 449.

Например, мы не имеем пока морального права позволить клонирование человека. Полученные таким путем человекообразные организмы могут составлять угрозу для общества, возникшего в ходе естественной истории как высший продукт самоорганизации природных систем.

Сегодня чуть ли не все изобретения нам кажутся благом, поскольку всегда есть возможность указать на их полезность в том или ином отношении. Например, клонирование в растениеводстве, животноводстве, рыбном хозяйстве нам представляется безусловным благом, даже революцией в сельском хозяйстве. Таким способом мы могли бы даже восстанавливать вымершие биологические виды, поскольку ДНК сохраняется в костных останках. Вопрос о том, как клонированные организмы впишутся в существующие экосистемы, и сумеет ли общество поставить преграды расширению сферы клонирования за пределы допустимого (особенно, если общество само будет безнравственным), остается за кадром.

Напомним в этой связи, что в настоящее время на проведение ряда исследований в области геномной инженерии (например, на клонирование человека) наложен мораторий по причине опасности этих исследований для общества. Однако строгих гарантий здесь дать нельзя. Что произойдет с семьей и брачными отношениями? Ныне семья является фундаментом общества, клеточкой социального организма. А что будет потом, большой вопрос. Увы, в реальной действительности вышеупомянутый мораторий далеко не всегда выдерживается, поскольку в самом обществе существуют влиятельные силы, которым нарушение этических требований оказывается просто-напросто выгодно с точки зрения экономических и политических соображений. Иными словами, нынешняя цивилизация устроена так, что интересы обогащения и власти для определенных слоев и представителей общества становятся важнее, чем, например, соблюдение принципа справедливости. В современном жизнеустройстве слишком часто ложь способна обеспечить прибыльный бизнес. К тому же ложь и подлог можно легко замаскировать, сделать невидимыми для людей и правосудия. В частности, фальсификация в фармацевтическом производстве облегчается множеством различного рода сложностей по части контроля за изготовлением лекарственных препаратов и их реализацией в торговой сети.

К сожалению, нарушение медицинской этики становится обычным делом. Люди, которые обращаются в медицинские учреждения, ныне рассматриваются там не только и не столько как пациенты, сколько как покупатели медицинских услуг. Чем дороже оказываются эти услуги, тем важнее становится функция человека «быть покупателем» по отношению к функции «быть пациентом». Приходится признать, что финансово-экономические аспекты современной медицины вступают в конфликт с требованиями этики. Причем этот конфликт по

своей глубине и масштабу приобретает угрожающий характер. Аналогичная ситуация складывается в области фармацевтики по мере удорожания лекарственных средств. Обилие всевозможных препаратов, включая импортные лекарства, делает необходимой столь же обильную и порой весьма изощренную рекламу, доходящую до психологического давления на людей. Причем испытание новых препаратов на человеке обретает трудно контролируемый характер. Как показывает практика, добровольное согласие на проведение экспериментов получить не так уж трудно, особенно в условиях все большей недоступности лекарств для малообеспеченных людей.

Современная генетика все более уверенно вступает в сферу пищевых технологий. Так, например, генетически модифицированная соя (ГМ-соя) широко используется как минимум в 30% продуктов (включая мясные и колбасные изделия, детское питание), где ее содержание доходит до 70%. Контроль за использованием ГМ-добавок в России существенно ослаблен. Возможно, это происходит потому, что торговля генетически модифицированными продуктами приносит высокую прибыль, сравнимую с прибылью от торговли наркотиками. Продукты, импортируемые в Россию, в большинстве случаев (60–75%) содержат ГМ-добавки. Среди этих продуктов — картофель и соя, разрешенный ввоз которых неограничен. Помимо этого, существует множество каналов для нелегального ввоза других ГМ-продуктов.

Увы, как это нередко бывает, многие новшества научно-технического прогресса начинают свою жизнь в военном деле. Так, микроорганизмы позволили создать такую чудовищную вещь, как биологическое (бактериологическое) оружие. Основой этого оружия являются бактерии и вирусы, вызывающие массовые инфекционные заболевания через заражение продовольствия и источников воды. Противодействие бактериологическому оружию — непростая задача, поскольку зараженные продукты и вещи не имеют какого-либо запаха, цвета и вкуса. Действие микробов обнаруживается лишь по завершении инкубационного периода. Теперь задача другая — оздоровление биосферы с помощью микроорганизмов. Но современное общество пока не готово для выполнения этой задачи.

Тревожная ситуация складывается в области массового распространения достижений в области информационных технологий и систем связи. Феномен научно-технической агрессии здесь налицо. В частности, выясняется, что сотовые телефоны существенно воздействуют на головной мозг электромагнитными колебаниями, мощность которых в сотни тысяч раз выше нормы<sup>2</sup>. Последствия электромагнитного воз-

<sup>2</sup> Чернов И. Аллергия на... электричество // Природа и человек. («Свет»). 2007, № 10. — С. 4.

действия на мозг являются довольно тяжелыми, так что в некоторых европейских странах (например, в Голландии) уже появились специальные клиники для лечения от «электрической аллергии».

Социальные условия жизни ухудшаются практически во всех развитых странах. Падает доверие людей к социальным, экономическим, политическим и религиозным институтам. Человек ощущает себя все более беспомощным, все менее уверенным в своем будущем. Переход к информационной эре сопровождается осложнением межлических связей и отношений, ослаблением гражданского общества и всей системы ценностей. Будучи перегруженным информацией, человек уходит все дальше и дальше от подлинной коммуникации с миром. Если прежде человек распоряжался информацией, оптимизируя свое поведение, то ныне информация распоряжается человеком, делая его растерянным, теряющим свои личные качества. Информация, в сущности, теряет свое предназначение в обществе.

Качество жизненной среды, в которую мы погружаем человека благодаря различного рода техническим изобретениям, контролируется пока явно недостаточно. Подчиненное либерально-рыночным принципам российское законодательство вообще уделяет слишком мало внимания духовно-нравственной стороне нашей жизни. В современном обществе назрела объективная необходимость в проведении специальной этической экспертизы при принятии различного рода законодательно-правовых решений. Соответствующую экспертную комиссию по юридической этике следовало бы создать, в частности, при Государственной Думе РФ. Принятию новых законов должно предшествовать положительное экспертное заключение данной комиссии.

Целесообразность данного шага становится понятной, если учесть, что социально-экономические отношения и принимаемые законы имеют под собой определенные историко-нравственные основания, подлежащие обязательному осмыслению и учету. Противоречие между правовыми и нравственными нормами недопустимо.

В настоящее время существует множество областей деятельности, в которых практически отсутствуют либо явно ослаблены нравственные ограничения. Это касается, в частности, хозяйственной деятельности и научных исследований. Выше уже говорилось о разработках в области генной инженерии и практической ориентации технологий клонирования. Даже если окажется возможным практически значимое воспроизведение копий человека, нельзя быть уверенным в том, что эти искусственные организмы будут способны подчинить свое поведение нравственному императиву. Повторим: научные исследования имеют смысл лишь во имя благородных целей, в условиях благоприятного нравственного климата в обществе. В противном случае эти исследова-

ния сами становятся аморальными, стимулируя деградацию общества и приближая его гибель.

Успехи в области информационных технологий приводят к росту информации в обществе, которую человек не успевает должным образом оценить, осознать, пропустить через свою душу. Сопереживание делается формальным, суррогатным, поскольку за ним не следуют действия. Нравственное поведение всегда более значимо, чем чувства, за которыми ничего не следует. Еще хуже нравственная дезориентация, когда в СМИ начинают ругать то, что раньше хвалили, или наоборот. Это одна из причин нравственной деградации в обществе. На этом фоне прогресс в области информационных технологий уже не кажется этически оправданным.

Пожалуй, только исследования в области охраны окружающей среды изначально отвечают требованиям экологической этики и постольку не могут считаться аморальными. Охрана природы, в сущности, есть прямое требование этики, оставаясь в то же время сферой приложения науки. Экологическая деятельность обладает специфическим свойством: она не ставит перед собой цели обогащения. Главное здесь — контроль за качеством среды жизни. Сохраняя природу, мы сохраняем человека.

О господстве над природой посредством науки и техники теперь говорят мало. Это считается дурным вкусом. Однако и сегодня мы готовы видеть в научно-технических достижениях признаки совершенствования и развития общества. Между тем общество, по сути дела, вооружается против самого себя. Теперь предпочитают говорить о тенденциях глобализации, за которыми прячется идея разрушения национально-культурных образований и формирования Мирового правительства, определяющего новый мировой порядок для человечества. Идея мирового господства ничем не лучше идеи господства над природой, поскольку в обоих этих случаях мы сталкиваемся с явлением безнравственного общества.

Утрата этического контроля в обществе, чреватая апокалипсисом, может служить признаком глубинных социальных и экологических нарушений в социуме. Причем патологические изменения в человеческом сознании и психологии могут происходить, существенно не затрагивая интеллектуальных способностей. Возникает феномен так называемого вербального мышления и тяга к многословию. Увы, последнее нередко помогает делать служебную карьеру и занимать ответственные посты в обществе. В результате развитие сменяется процессами деградации.

Как показывает опыт, человек не может в полной мере оценить все последствия своих технических новшеств и достижений. Социальные и экологические последствия в большинстве случаев оказываются

непредсказуемыми. Общая беда в том, что технические решения, осложняющие ситуацию, обычно не принимаются в расчет правительствами, дающими добро на использование этих решений. Главные стимулы обычно связаны с экономической целесообразностью. Человек не привык ограничивать себя в материальном плане и постольку утратил способность к созданию цивилизации, в которой бы духовно-нравственные и интеллектуальные способности самого человека оказывались в центре.

Человек не осознает, что уничтожает самого себя как личность. Развитие науки и техники фактически вышло из-под контроля, сделало жизнь в целом непредсказуемой и не подчиненной самому человеку.

Чем больше получено результатов в области научно-технической деятельности, тем больше у человека возможностей разрушать социум и биосферу при отсутствии достаточно сильных духовно-нравственных регуляторов. Отсюда следует вывод, что в ходе истории роль указанных регуляторов должна возрасти, причем в опережающем темпе. Культ личной наживы, попирающий ценности духовных и моральных запросов, становится все более опасным в социальном и экологическом отношении. К сожалению, большинство людей начинают понимать это уже в конце жизни.

Современная наука даже готова претендовать на реструктурирование человека через клонирование<sup>3</sup>. Человек должен стать биологически, физически и социально иным, чем его сделала природа. Ученые надеются на то, что они усовершенствуют человека. В этой связи даже появилось новое интеллектуально-культурное движение — трансгуманизм, в рамках которого наука нацеливается на изготовление «сверхчеловека»<sup>4</sup>. Человек сможет управлять жизнью, в сущности, заменив собой Бога. На смену социальному конструированию, каковым был в свое время марксизм, приходит идея «конструирования человека» на основе технологических подходов.

Установка на искусственную трансформацию человека является не просто «технологической утопией», а свидетельством этической деградации общества. Не случайно в 2006 году был образован Российский комитет по биоэтике при комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Только вряд ли этого достаточно. Увы, мы пока не понимаем, что реальная жизнь, корни которой лежат в эволюции Вселенной, неизмеримо богаче и сложнее, чем фантазии биоинженеров. Клонирование есть путь к человеческому телу, лишенному духовно-нравственных качеств. А это

<sup>3</sup> Гончаров О.В. Геном и клонирование человека: философский аспект. — М., 2002. — С. 92.

<sup>4</sup> Летов О.В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма // Человек. 2009, № 1. — С. 20.

будет означать конец культуры, элиминацию исторических ценностей. Общество должно делать акцент на его гуманизацию, на развитие личности. Если ныне процесс формирования человеческой личности происходит в соответствующих образовательных учреждениях (школы, вузы и т. д.), то ныне становится актуальным, чтобы общество в целом взяло на себя функции «образовательного учреждения», творящего нового человека в ходе своего развития.

Совершенствование общества становится условием совершенствования самого человека, а такой человек в свою очередь обязан совершенствовать общество. И никаких биотехнологических усилий в этом случае не потребуется. Лишь изменяющееся общество способно должным образом изменить человека. Необходимо помнить, что этические качества человека есть глобальный феномен, за которым стоит общество в целом. И никакие локальные заботы о человеческом теле здесь не помогут.

Создаваемая обществом техносфера определенным образом отражает в себе различные дефекты человека и творимого им социального устройства. Между тем новая парадигма общества предполагает фундаментальные изменения в самом человеке. Новое общество без нового человека невозможно, даже если научно-технические открытия кардинальным образом преобразуют техносферу. Пора понять, что необходима коренная реконструкция современного общества, гарантирующая ведущую роль духовно-нравственных ценностей.

Павел ГУРЕВИЧ

## **МИЛОСЕРДИЕ В ОКОЁМЕ ЖЕСТОКОСЕРДИЯ**

Разгораясь по всему окоёму,  
мерцало дымное зарево.

*А.Н. Толстой*

### **Помилование**

Легко ли в наш жестокий век призывать милость к падшим? Не курьезно ли толковать о милосердии, когда Государственная Дума с неумолимой ретивостью куёт указы о запретах и наказаниях? Не уморительно ли рассуждать о неправомерности смертной казни, когда ярость масс обрушивается на педофилов, геев, мигрантов и террористов? Будет ли услышан голос гуманности, если мы проводили истекший год вместе с телами безвинных жертв в Волгограде? Да и новый год уже принес бедствия, связанные с террором.

Общество тратит огромные усилия на поддержание порядка. Усилена бдительность в аэропортах и местах скопления людей. На улицах появились дружинники. Серьезный счет выставлен политической оппозиции. Члены парламента стараются перекрыть все каналы, откуда может просочиться социальное зло. Не зря античный мудрец Пифагор спрашивал: «Что есть мудрость?» и отвечал: «Знание порядка».

Между тем социальное здоровье общества зависит не только от порядка, но и от милосердия. Ужесточая наказания, обуживая свободы, власть должна не забывать и о другом полюсе социума, который сопряжен с состраданием, милосердием и разумным всепрощением. Социальная философия давно уже показала, как стремительно меняется общество, озабоченное только сохранением существующего в нем порядка. В норму возводятся различного рода «утеснения», и неумолимая расправа с этими «отклонениями» вызывает раковую опухоль жестокости. От этого наваждения не избавился даже Платон, который, выстраивая идеальное государство, предлагал укрепить общество, казня и изгоняя неугодных... Для того чтобы достичь порядка, следу-

ет, согласно античному философу, очистить, удалить, выслать, изгнать и убить. В такой трактовке химера порядка сама превращается в беспредел. Между тем русская философия с огромной мощью религиозного убеждения доказывала: общество гибнет, если в нем перекрывается русло милосердия.

Николай Бердяев, этот пронизательный диагност общественных процессов, писал: «Милосердие проявляется в умении прощать — «прощать тихо и незаметно» (А. Швейцер). Прощению как форме любви к ближнему особенно большое место отводится в христианской этике, которая учит прощать не только «ближнему», но и «дальнему», и даже врагу. В своих молитвах мы просим Бога явить нам милосердие, простив нам наши грехи. Мы просим прощения у тех, кому причинили страдание; и мы должны уметь прощать тех, кто заставил страдать нас. Ибо Иисус Христос своими страданиями искупил наши грехи».

В конце минувшего года у нас появился повод поразмышлять на эту тему. Помилования заслужили участники группы «Pussy Riot» и олигарх Ходорковский. Тот, кто на протяжении десятилетия был на Западе символом политических репрессий и сомнительной юстиции, уже на свободе. Однако он может снова оказаться за решеткой, если станет угрожать власти и чинить ей неприятности. Значит, политика жестких наказаний изменится? Кто же может такое помыслить? Амнистия коснулась матерей, пенсионеров, инвалидов.

Политических заключенных почти всех освободили. Власть допускает более свободные выборы. У нее уже нет оснований бояться оппозиции.

Есть в отечественном боевике «Холодное лето пятьдесят третьего» щемящий эпизод. Два человека с чемоданчиками останавливаются на перекрестке. Один из них прикуривает папиросу, и они расходятся, посланцы общей судьбы, незнакомые друг другу и не сказавшие ни одного слова. Жизнь часто требует немоты или экономной краски, вроде выразительно поднятой брови Жана Габена.

### Реквием по мальчику

В минувшем году исполнилось 60 лет той амнистии. В соответствии с указом от 27 марта 1953 года из советских лагерей и колоний было освобождено около 1,2 млн человек. Накануне министр внутренних дел СССР Л. Берия направил Г. Маленкову секретную записку, в которой, в частности, отмечалось, что «содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, пре-

старелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью».

Л. Берия указывал, что из 2,5 млн заключенных ГУЛАГа лишь 220 тысяч человек являются особо опасными государственными преступниками. Кроме этого, министр отмечал, что «стремительный рост численности заключенных вызван тем, что в 1947 году были приняты указы об усилении уголовной ответственности за хищения и кражи. В местах заключения находилось около полумиллиона женщин, из которых 6286 беременных и 35 505 имеющих при себе детей в возрасте до двух лет. Кроме этого, заключенными ГУЛАГа были 238 тысяч пожилых людей, а также 31 181 несовершеннолетний.

Амнистия вызвала и всплеск уголовной преступности. Вместе с обычными гражданами в 1953 году на волю вышли и матерые уголовники. Дело в том, что у большинства из них были небольшие сроки, и многие бывшие воры, насильники и прочая уголовная «шушера» получили возможность выйти на свободу. В городе моей юности Улан-Удэ начались массовые убийства граждан. Если днем на улицах встречались еще одинокие прохожие, то ночью город был полностью во власти уголовников. Милиция не справлялась с таким всплеском преступности; если сотрудники и ходили в форме, то только группами и с оружием. По утрам на улицах собирали трупы ограбленных и убитых ночью.

Можно ли измерить благодетельность помилования? Как передать, к примеру, чувства Николая Чернышевского, уже примиренного со смертью, когда над ним сломали гражданскую шпагу и, бледного, опухшего, лишь на четверть часа поставили к позорному столбу? С чем сравнить ярость молодого Мишеля Лермонтова, который яростно выдохнул из себя про «пустых похвал ненужный хор»?

Милосердие все же знает меру. В одном случае акт жестокости может показаться случайным, а призыв к милосердию чересчур пафосным. Шел странник из Иерусалима в Иерихон и был схвачен разбойниками. Они сняли с него одежду — вероятно, единственное его достояние — и, избив, оставили на дороге. Следом за этим бесчеловечьем следует другое, может быть, еще худшее: идущие по той же дороге равнодушно проходят мимо этого лежащего, истекающего кровью человека. «Прошел мимо» священник, левит поступил еще хуже — «подошел», «посмотрел», «полюбопытствовал», как страдает и умирает человек, и пошел своей дорогой. В лице этих двух людей мимо израненного человека прошло как бы все сострадательное человечество. Одна половина этого человечества ранила его и бросила умирать на дороге, другая — проходит мимо его страданий.

Этот пример взят мною из книги архиепископа Иоанна Сан-Францисского. В наши дни валяющийся на дороге полутруп — отнюдь не

новость и не повод для справедливого негодования. Вряд ли сегодня вызовет потрясение факт, который относится к началу 1990-х годов России. В то время он стал для меня поводом для колонки «Реквием по мальчику», напечатанной в «Литературной газете». Факт этот порос уже быльем. Я же, о чем бы ни писал, мысленно возвращаюсь к нему. Газеты сообщили: в очереди за хлебом задавлен мальчик. Только и всего. Заурядный эпизод каждодневной хроники. Не уместны здесь ни комментарии, ни криминальные подробности, ни изобличительные возгласы. Когда ищут дневного пропитания, понятное дело, бывают раненые и убитые.

Как, вероятно, казнили родители, что отправили юнца за насущным. Тысячу раз устраняли в своем воображении эту непереносимую случайность. Как радовались те, кому после долгих метаний в очередях удалось разжиться буханкой. Возможно даже, что мэр, натолкнувшись на газетные строчки, на миг задумался: не навестить ли осиротевших родителей, не помочь ли горю? Может быть, и президент страны, которому по должности положено остро переживать народную боль, впопыхах подумал о телеграмме сочувствия...

Пустое... Никто и не торопился впустить в душу чью-то трагедию. Вон сколько их — осиротевших, обездоленных, отброшенных на дно жизни, онемевших от страшных предчувствий. Огромная страна, опутанная политическими страстями, и на миг не озадачилась: а был ли мальчик? О чем толковать, когда приходят и вовсе кошмарные вести: молодая женщина, впав в отчаяние от неотвратимых мучений, вызванных ростом цен, лишила жизни себя и детей...

Может быть, самое время остановить обезумевшую толпу отрезвляющим проповедническим словом? Не топчите детей, опомнитесь... Да кто услышит это в стране, где карательное ужесточение возведено в ранг государственной политики, где милосердие превратилось в анахронизм? Это же викторианская Англия, где, начитавшись романов Диккенса, детям стали подавать милостыню. Здесь призыв к покаянию вызывает только волны озлобления...

### Рукоплескания казни

В Санкт-Петербурге шел судебный процесс. Преступник, совершивший кровавые злодеяния, сидел на скамье, наголо обритый, поигрывая желваками. Полуприкрыв веки, он разглядывал прокурора, который только что произнес обвинительную речь. Какая мысль терзала сознание изобличенного? Возможно, он ощущал страх или муки раскаяния... А может быть, в его воображении жила неотвязная картина: он, еще не схваченный ментами, натывается на прокурора в безлюдном темном переулке... А потом я видел этого преступника, когда читали

смертный приговор: в ту пору еще не было моратория. Теперь его взгляд казался бессмысленным, остановившимся. Прозвучали последние слова о неотвратимой казни, и зал разразился аплодисментами.

Что меня поразило в этом разбирательстве? Не кровавые злодеяния садиста, не мертвенная тишина зала, не прокурорская непреклонность. Я был потрясен неожиданными рукоплесканиями... Только что в зале мелькнула злоеца тень с косой. Прозвучало слово о насильственном прерывании жизни. Возможно, я не прав, но мне кажется, было бы уместнее, если бы люди сидели молча, размышляя о странной цепочке событий, в которые мы вовлечены. Или, удрученные ликом смерти, без слов продвигались бы к выходу, чтобы вернуться к житейским делам. Но радостное освобождение присутствующих выразилось иначе — они рукоплескали казни.

Иной сразу выразит недоумение: что тут особенного, так было всегда. Разве толпы в Древнем Риме не рукоплескали, когда гладиаторы убивали друг друга? Не доставляло ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Человеческая жизнь редко в истории представляла собой особую ценность.

Миг современности и пласты вечности. Мы вглядываемся в пучину истории. Мы вызываем в сознании образ древней прародительницы. Ищем изображение человеческого лица в наскальных рисунках, в миниатюрах иссохшего пергамента. Во фресках величественной усыпальницы фараона. Мы разглядываем предметы утвари, орудия погребения, украшения. Вот он — человек.

А это кто же? Кровная месть метит жертвы. Еще живых, дышащих засыпают землей. Пленников бросают в пламя. По сигналу хана неудобным переламывают позвоночник. Потом кошмарное изобретение — гильотина... Окровавленная голова вызывает восторженный рев толпы. Изодранные пытки в подвалах. Фабрики смерти. Убийство, поставленное на конвейер. Цивилизованное зверство, не имеющее аналогов в истории.

### В горизонте жестокости

Жестокость, избавленная от всех ограничений, рождает ненависть к человечеству.

Инженер Николай Вермо из повести А. Платонова «Ювенильное море» постоянно воображает «радостную участь человечества». Но он все же размышляет, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Бесталоевой. «Зачем строить крематории? — с грустью удивился инженер. — Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветометзолота, различных стройматериалов и оборудования...»

Разве эти жуткие строчки имеют отношение к человеколюбию? Ведь это же сарказм писателя. Однако перечитаем сегодня партийные документы советского времени. Разве изобилие стройматериалов и оборудования не соотносится в них напрямую с «радостной участью человечества»?

Недавно пятнадцатилетний мальчишка сказал своей двенадцатилетней подруге, что очень ее любит, и потребовал половой близости. Приятельница отказалась, и тогда он ее задушил. Здесь как-то причудливо смешались две шекспировские трагедии: и про любовь, и про ревность. Да разве нас можно удивить этой историей? В конце минувшего года завершилось громкое дело об убийстве в станице Кущевской Краснодарского края. Десятки убийств, разбойные нападения, массовые изнасилования, незаконное хранение оружия. Полная безнаказанность и многолетнее царство самоуправства и страха.

Но ведь все это не самое потрясающее сегодня. Другие времена. Резолюция против насильственного извлечения органов у живых узников совести в Китае была принята на заседании Европарламента 12 декабря 2013 года. Резолюция осуждает преступные действия властей Китая по массовому извлечению органов у живых людей и требует от правительства КНР остановить убийства и наказать преступников.

Жестокость меняет обличье, расширяет свое пространство. Агрессивная запретительная политика, антигейский закон, ограничение свободы Интернета, закон об иностранных агентах, античеловечный закон Димы Яковлева. Безразличие к чужим страданиям. О милосердии взывают корпорации-монополисты, и в первую очередь энергетики. Власти мгновенно реагируют на их «мучения» и снабжают деньгами из бюджета. Но кто в стране озабочен тем, что у многих граждан меняется жизнь из-за значительного роста цен на простые продукты и одежду? По официальным данным, в минувшем году зарплата в среднем по стране поднялась на 3,6%. Но стоит вычестить из этой статистики рост чиновничьих и депутатских зарплат, как картина резко меняется.

По данным Росстата, каждый девятый гражданин России нуждается в государственной помощи. Но у экспертов Института социологии РАН — иные данные. Они считают, что без поддержки государства каждый третий житель России с трудом сводит концы с концами. Исследование социологов «Бедность и неравенство в современной России» отмечает, что к числу бедных сейчас относятся не только безработные, как было, к примеру, десять лет назад, а многие из тех, кто имеет работу, но это не избавляет его от бедности. Расчеты жизненного уровня сразу резко меняются, когда в статьи расходов включают лекарства. Но многие пенсионеры тратят на аптечные расходы до

трети той пенсии, которые они получают. Если не проявить милосердия, то можно опустить треть населения в хроническую бедность.

Средняя пенсия в России в пересчете на прожиточный минимум ниже в полтора раза, чем была в советский период. В Греции после страшного кризиса средняя пенсия тоже была снижена до 520 евро. Но мы же работаем не хуже греков. Что же касается средней продолжительности жизни, то она у нас была как средневропейская, -теперь мы занимаем по этому показателю 97-е место, а по здравоохранению в рейтинге Всемирной организации здравоохранения — 120-е. Если взять уровень стипендий по отношению к прожиточному минимуму, то расчетная стипендия снизилась в 4 раза у обычного студента, у аспиранта — в 6,5 раз, у студентов среднего специального заведения — в 8 раз.

Зато мы регулярно занимаем первые места по самым сомнительным показателям. Например, первое место в Европе по числу самоубийств среди молодежи, первое место в мире по числу брошенных и рожденных вне брака детей на душу населения, первое место в мире по смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, второе — по числу самоубийств среди населения в целом, третье — по распространению детской порнографии и т.д. Неслучайно по числу поданных в Европейский суд по правам человека жалоб мы также являемся мировыми лидерами. Недавно Министерство финансов России предложило увеличивать пенсионный возраст, сокращать еще быстрее работников бюджетной сферы, интеллигенцию, отменять остатки социальных гарантий.

Иоанн Златоуст справедливо сказал: «Богатые и сытые, равнодушно взирающие на голодных и нищих и не помогающие им, равны убийцам». Конечно, равны и те, которые, имея возможность помочь хотя бы одной жертве преступлений этого мира, проходят мимо человеческих страданий, занятые одним своим благополучием.

Милосердие подобно огню. Чем суше хворост, тем ярче он горит. Чем более свободны наши сердца от всего земного, чем полнее они наполнены верой в Бога, тем сильнее они чувствуют чужую боль и тем более способны они к милосердию.

Борис ЧЕРНЫШЁВ

**О ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧАХ  
И ОСНОВНОМ ЗВЕНЕ В ПОЛИТИКЕ**  
(РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ВЫБОРА  
И ОПЫТ ИСТОРИИ)

Умение мыслить и действовать стратегически не передается по наследству сменяющимся политическим элитам общества. Каждое новое поколение вынуждено идти методом проб и ошибок, прежде чем научиться правильно выбирать приоритетные задачи в решении проблем общественного развития. Бывший чиновник Стратегического комитета при премьер-министре правительства Великобритании Джефф Малган предпринял в книге «Искусство государственной стратегии» попытку разобраться в проблеме формирования и реализации стратегических целей на примерах опыта деятельности правительств ряда европейских стран. В ходе исследования ему удалось установить, что в числе сложившихся оснований при выборе приоритетных задач государства в стратегическом планировании оказались: интуиция, советы астрологов, давление политических конкурентов, следование некой идеологии, поиск путей наименьшего сопротивления, предвыборные политические обязательства<sup>1</sup>. Сам автор предложил свой вариант основания для выбора — определение соотношения между общезначимыми целями и существующими (в том числе финансовыми) возможностями государства, тут же отдав предпочтение способу «взращивания» стратегической интуиции, позволяющему схватывать суть вещей и подбирать работоспособные решения<sup>2</sup>.

К сожалению, среди оснований для выбора приоритетных задач не оказалось исходного пункта любого целеполагания в политике предварительного конкретно-исторического анализа политической ситуа-

<sup>1</sup> См.: Малган Дж. Искусство государственной стратегии. — М.: Изд-во Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2011. — С. 9–10.

<sup>2</sup> Указ. соч. — С. 41.

ции, вскрытия ее противоречий и закономерностей развития. Без этого любая постановка задач превращается в произвольное выдергивание любой из бесконечной цепи переживаемых проблем с приданием ей надуманного статуса приоритетности. Такой способ выбора можно сравнить с прыжком в бассейн, который забыли проверить, а есть ли там вода. Именно такая логика исследования прослеживается в этапах подготовки стратегического проекта, предложенного Д. Малганом<sup>3</sup>.

В этой связи неслучайно автор оказался не в состоянии объяснить причины установленных им самим семи «предсказуемых ошибок» правительств, «совершаемых по одним и тем же лекалам»<sup>4</sup>. К сожалению, методология научного познания в государственном управлении этих стран давно подменена лукавым отношением к фактам реальной действительности, что позволяет успешно скрывать основные причины экономических и социальных проблем многих государств, находящихся в плену политической доктрины неолиберализма<sup>5</sup>. Откровенное признание французского генерала Пьера Галуа о том, что «развитие капитализма в странах, где только ничтожное меньшинство населения имеет капитал, — это очевидная политико-экономическая ошибка»<sup>6</sup> никогда не попадет в число приоритетных задач власти. Точно так же, как и предложение Д. Малгана создать для чиновников правительства Великобритании базу данных о полученных ранее уроках истории в качестве «лекарства» от многократного повторения ошибок при стратегическом планировании осталось без внимания власти<sup>7</sup>.

Между тем случайно использованное автором книги понятие урока истории оказалось «ключом» к пониманию механизма научно обоснованного выбора приоритетных задач в государственном управлении, открытого в России почти 100 лет назад. Д. Малган не мог знать об этом, поскольку при подготовке своей книги он полностью исключил даже упоминание об опыте государственного управления в СССР.

В начале XX века председатель СНК В. Ленин увидел в уроке истории одну из важных методологических категорий в осмыслении и усвоении опыта пережитого. К этому его подтолкнул опыт многочисленных ошибок и неудач в социалистическом строительстве. Все внимание в анализе переживаемых проблем в Политических отчетах ЦК съездам партии он стал сосредотачивать не на описании наблюдаемых явлений, а на вытекающих из опыта истории уроках: «Не перечень, не

<sup>3</sup> Указ. соч. — С. 207.

<sup>4</sup> Указ. соч. — С. 58–62.

<sup>5</sup> См.: Харви Д. Краткая история неолиберализма. — М.: «Поколение», 2007. — С. 31, 55, 113, 244–245.

<sup>6</sup> Галуа П. Мир в поиске политического равновесия // Империя истории. 2001, июль/август. — С. 13.

<sup>7</sup> Указ. соч. — С. 451–452.

Основания для выбора приоритетных задач

В западноевропейских странах	Предложенная Д. Малганом	Предложенная В. Лениным
Не имеет границ — от интуиции, астрологии до предвыборных политических обязательств.	Определение соотношения между общезначимыми целями и существующими (в том числе финансовыми) возможностями государства	На основе конкретно-исторического анализа политической ситуации (поиск и определение соотношения главных противоречий, закономерностей развития; извлечение поучительных уроков опыта истории)

рассказ, а уроки опыта и задачи из них вытекающие». Этот ставший для него со временем привычный подход вылился в стройную систему методологических категорий исторического анализа политической ситуации, объясняющую механизм научного выбора не просто приоритетных (главных) задач, а основного звена цепи исторических задач, открывающего возможность решения других, связанных с ним в одну цепь проблем и трудностей.

В отличие от сложившихся в европейских странах оснований выбора приоритетных задач, исходной посылкой механизма научного определе-



Таблица 2

Определение В. Лениным главных задач и основного звена политики весной 1921 года

Основной факт	Главные противоречия	Политические		Уроки опыта истории	Главные задачи партии	Основное звено цепи исторических задач
		выводы	цель			
Социально-экономический	Между стихийной крестьянского рынка и попыткой пролетарской государственной власти перейти прямо к социалистическим основам производства и распределения	«Ошибки не только в составлении планов, но и неправильное определение в соотношении рабочего класса и его союзников» «Отношения между рабочим классом и крестьянством не те же, что мы думали»	Укрепить союз рабочего класса и крестьянства	«Нужна гораздо более длительная подготовка, более медленный темп» «Всячески облегчить положение крестьянства и укрепить экономические основы мелкого крестьянского хозяйства»	Поиск новой экономической политики Нагуральный налог Государственный капитализм вверху (концессии) и соглашение с мелким землевладельцем внизу	Отступление в порядке (перемежная экономическая политика по отношению к крестьянству в тесном сочетании с железной пролетарской дисциплиной)
«Крестьянство формой отношений, которая у нас с ним сложилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет»						
Политический	Между авангардом партии и проявлением полуанархистских и синдикалистских уклонов	«1/2 миллионная массовая партия неизбежно отражает веяния и настроения окружающей ее стихии»		«Больше дисциплина внутри партии»	Борьба с бюрократизмом и развитие «рабочей демократии»	

ния основного звена выступали факты истории и действительности, а не интуиция или готовые теоретические выводы. Систематическая оценка фактов текущей истории, использование целесообразно отобранного исторического знания в осмыслении связей прошлого и настоящего изучаемых событий позволяли В. Ленину в бурном потоке информации находить факты высокой репрезентативности или, как он их называл, «узловые пункты прошлого» и важнейшие события действительности. Именно они становились фундаментом для дальнейшего теоретического анализа, в ходе которого, опираясь на методологические категории «основного факта» и «урока опыта истории», вскрывались главные противоречия политической ситуации, извлекались поучительные уроки опыта пережитого, указывающие направления выбора приоритетных (главных) задач партии. Определяя соотношение главных противоречий в экономических и политических событиях, В. Ленин находил основное звено цепи исторических задач, ухватившихся за которое можно было бы вытащить всю цепь переживаемых проблем и трудностей, обеспечив одновременно достижение стратегических целей партии.

Это хорошо видно на примере конкретно-исторического анализа событий 1921 года (см. *табл. 2*).

В. Ленин неоднократно предупреждал о том, что «нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться»<sup>8</sup>. Вся сложность искусства политического руководства как раз и состоит в том, чтобы суметь «найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»<sup>9</sup>. Однако руководители ЦК РКП(б) в обстановке личного соперничества и острой идейно-теоретической борьбы оказались не готовы к восприятию смысла и значения открытого механизма научного выбора главных задач партии и основного звена ее политики. И. Сталин не стал утруждать себя научным обоснованием задач партии, а навязал идею одновременного их решения, или «наступления социализма по всему фронту», что автоматически исключало поиск основного звена политики в конкретной политической ситуации. Одновременное осуществление ускоренной коллективизации и форсированной индустриализации, культурной революции и массового уничтожения «врагов народа» породило целый ряд новых острых проблем и негативных последствий в социалистическом строительстве, которые И. Сталину удалось «спизать» на начавшуюся Великую Отечественную войну.

Однако сам стереотип сталинского мышления при определении главных задач партии остался незабываемым. Он прочно вошел в теорию и

<sup>8</sup> Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 45. — С. 109.

<sup>9</sup> Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 36. — С. 205.

практику партийного руководства, что особенно наглядно проявилось в деятельности Н. Хрущёва, Л. Брежнева, М. Горбачёва. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. Брежнев рискнул даже теоретически обосновать положение о том, что, в отличие от первых этапов социалистического строительства, «мы можем и должны решать одновременно более широкий круг задач»<sup>10</sup>. Пытаясь продолжить этот старый способ решения накопившихся проблем, настойчиво проводя линию на равномерное развитие всех отраслей экономики, Брежнев довел экономическое развитие страны до предкризисного состояния, повторив и усугубив тем самым методологическую ошибку И. Сталина.

Тем же путем пошел и М. Горбачёв. Поиски основного звена он закончил уже в первый год в должности генерального секретаря ЦК. Так, выступая в сентябре 1985 года в городе Целинограде, М. Горбачёв отметил: «Основное звено цепи, за которое надо взяться, чтобы решить всю цепь практических задач, стоящих перед нами на селе, — это организация производства и труда работников колхозов, совхозов, всех предприятий агропромышленного комплекса, широкое использование уже имеющегося опыта высокопроизводительной эффективной работы»<sup>11</sup>. Однако если обратиться к тексту выступления, то это звено никак не было связано с предыдущим анализом поднятой им проблемы и из нее никак не вытекало. Оно как бы «повисало в воздухе». Видимо, в силу этой причины в окончательной редакции текста речи М. Горбачёва это определение основного звена было убрано. Оно сохранилось лишь в газетных отчетах<sup>12</sup>. С 1986 года М. Горбачёв стал двигать перестройку через решение практических вопросов по всем направлениям одновременно. Если обратиться к его определениям главных задач перестройки в 1986–1988 годах, то нетрудно заметить, что их количество находилось в прямо пропорциональной зависимости от центральных вопросов, обсуждаемых на пленумах ЦК партии. Определяя таким способом задачи, можно было с уверенностью сделать только один вывод — что их будет столько, сколько граней, сторон перестройки, и все они, независимо от политической ситуации, оказывались главными. Следование М. Горбачёва в фарватере сталинских стереотипов политического мышления в конечном итоге обернулось распадом СССР.

В 1986 году Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачёву автором статьи была направлена аналитическая записка о значении системы методологических категорий исторического анализа политической ситуации, используемой В. Лениным. Однако советники М. Горбачёва,

<sup>10</sup> Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1971. — С. 38–39.

<sup>11</sup> Партийная жизнь // Правда. 1985. № 18. 11 сентября. — С. 7–9.

<sup>12</sup> Горбачёв М.С. Нарращивать продовольственные ресурсы. — М., 1985.

отказавшись принять всю систему методологических категорий, искусственно выдернули из нее лишь одну — понятие урока опыта истории. В итоге сформулированные ими в Отчетном докладе ЦК XXVII съезду КПСС три основных урока оказались совершенно не связанными с сущностью переживаемых в тот момент событий перестройки.

В постсоветской России проблема научного обоснования принимаемых решений органами власти потеряла свою актуальность. Переход на монетаристскую модель рыночной экономики не требовал участия государства в регулировании социально-экономических процессов в российском обществе. Согласно взятой на вооружение власти теории неолiberaлизма рыночный обмен являлся основой системы этических норм, достаточных для регулирования всех человеческих действий<sup>13</sup>. Авторы неолiberaльных реформ в России, исходя из универсальности западных экономических теорий без учета российской специфики, изначально отказались при подготовке государственных решений пользоваться даже методом ситуационного анализа. Тем самым был открыт широкий простор для проявлений субъективизма и повторения методологических ошибок советских и западноевропейских руководителей.

Во всех посланиях президентов Федеральному Собранию РФ в 1992–2011 годах четко прослеживается одновременное решение всех задач по реформированию всех сторон жизни общества в соответствии с положениями господствующей политической доктрины неолiberaлизма. Количество задач в этих документах определялось количеством поднятых в тексте либерально-демократических реформ, число которых было в четыре раза больше чем в выступлениях М. Горбачёва. По спешности, с которой одни реформы сменяли другие, во многом напоминала реформаторскую лихорадку Н. Хрущёва. Предложенные верховной властью в 2005 году в качестве приоритетных задач национальные проекты по развитию здравоохранения, образования, рынка жилья, сельского хозяйства не были научно обоснованными. Совершенно очевидным, кричащим проблемам жизни российского общества искусственно придали приоритетность, без предварительного вскрытия их причинно-следственных связей с другими, не менее важными проблемами, в первую очередь в сфере экономики. Такой анализ показал бы, что в сложившейся исторической ситуации на роль основного звена политики претендовала диверсификация и модернизация производства в стране. Взавшись за ее решение, можно было бы вытащить всю цепь других назревших социально-экономических проблем жизни общества, в том числе национальных проектов. Однако финансовая

<sup>13</sup> См.: Харви Д. Краткая история неолiberaлизма. — М., 2007. — С. 7.

власть в соответствии с теорией неолиберализма наивно полагала, что если добиться снижения инфляции до 3–4%, то необходимая диверсификация производства произойдет сама собой. Зачем же ее выделять в качестве самостоятельной и приоритетной задачи? По мнению директора Института экономики РАН Р. Гринберга, «даже при нулевой инфляции и идеальном инвестиционном климате диверсификация и модернизация производства сами собой не состоятся. Для этого, как говорит теория и показывает мировой опыт, в том числе практика самых «либеральных» государств, нужны скоординированные действия государства в кредитно-денежной, финансовой, инвестиционной, внешнеэкономической и социальной сферах, а осознанного плана таких действий у правительства нет»<sup>14</sup>.

Та же ошибка повторилась в 2009 году. Когда без предварительного анализа состояния российской экономики, без честной инвентаризации того, что осталось в экономике, что нужно создать заново<sup>15</sup>, были выдвинуты властью пять направлений модернизации экономики и технологического развития<sup>16</sup>.

За годы реформ с конца XX века в экономике страны произошел ряд принципиальных изменений: осуществлена деиндустриализация, разрушены системы самообеспечения и подготовки кадров для индустриальной экономики, созданные в СССР; произошла техническая деградация; потеряны сотни и тысячи технологий<sup>17</sup>; не осталось незанятых мощностей; кроме предприятий ВПК почти никто не производит современную продукцию (кроме сырья), востребованную мировым рынком<sup>18</sup>; нового машинного оборудования как важнейшего фактора обеспечения модернизации экономики в России производится в 82 раза меньше, чем в Японии, в 30 раз меньше, чем в Германии, в 31 раз меньше, чем в Китае<sup>19</sup>. В этой связи президент РСПП А. Шохин справедливо ставил под сомнение поставленную задачу о точечных инновациях в экономике. Он считал, что в настоящий момент важнее сосредоточиться «на модернизации технологической базы... Посмотрим правде в глаза: состояние промышленной базы в России таково, что

<sup>14</sup> Назаров О. Куда деваться от успехов? // Родная газета, 2006. № 48. — С. 15.

<sup>15</sup> Гринберг Р. Ловля попутного ветра. Примитивизация экономики — естественное следствие нашей истории и носит системный характер // Российская газета, 2010. 17 февраля.

<sup>16</sup> См.: Российская газета. 2009. 13 ноября.

<sup>17</sup> См.: Хазин М. Начинаются процессы, на которые ни одно правительство повлиять не способно // Политический класс, 2009. № 11. — С. 22–23; Бабич А. 2000-е годы — потерянное десятилетие // Политический класс, 2009. № 10. — С. 28–29.

<sup>18</sup> См.: Гринберг Р. Ловля попутного ветра. Примитивизация экономики — естественное следствие нашей истории и носит системный характер // Российская газета, 2010. 17 февраля.

<sup>19</sup> См.: Примаков Е. Россия перед выбором // Российская газета, 2010. 14 января.

думать об инновациях — все равно что грезить о полетах в космос, сидя в пещере»<sup>20</sup>.

Занявшие место научного обоснования приоритетных задач рыночное целеполагание и политическая целесообразность не позволили развернуть выдвинутую в 2011 году верховной властью идею реиндустриализации в нашей стране в промышленную политику. Она полностью выпала из экономической стратегии-2020, из основ бюджетной политики на 2014 год. В дорожной карте «Основные направления деятельности правительства РФ до 2018 года» проигнорирована одна из главных стратегических задач развития страны, а именно — увеличение доли высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте за пять лет в 1,3 раза. (За последние 20 лет мы отстали от развитых стран в высоких технологиях на 40–50 лет.)

Таким образом, в XX — начале XXI века конкретно-исторический анализ не стал органической частью процесса подготовки государственных решений. Открытая сто лет назад система методологических категорий исторического анализа политической ситуации, объясняющая механизм научного определения главных задач и основного звена политики, осталась невостребованной. Советским и постсоветским руководителям страны оказался ближе, понятнее и доступнее способ описания наблюдаемых явлений, чем их объяснение. Воспроизведение отдельных сторон действительности, не требующее вскрытия их причинно-следственных связей с прошлым, неизбежно вело к постановке

Таблица 3

Руководитель государства	Сфера применения «ускорения»	Время достижения цели	Метод достижения цели
В.И. Ленин	Строительство государства-коммуны	Период «декретной горячки»	Административный
И.В. Сталин	Коллективизация мелкого крестьянского хозяйства, индустриализация страны	10 лет	Административный
Н.С. Хрущёв	Строительство коммунистического общества в СССР	20 лет	Административный
М.С. Горбачёв	Социально-экономическое развитие в СССР	5 лет	Административный
Б.Н. Ельцин	Переход к рынку (бросок к «народному капитализму»)	2 года	Монетаристский
В.В. Путин	Удвоение ВВП	7 лет	Монетаристский
Д.А. Медведев	Создано непартийное движение за ускоренную модернизацию «Россия, вперед!»		

<sup>20</sup> См.: Шохин А. Еще раз об инновациях и модернизации // Известия, 2010. 23 марта.

задач, одинаково важных, но пригодных к любой политической ситуации, к широкому использованию сталинской догмы о возможности решения всех задач сразу. Когда же количество нерешенных проблем жизни общества достигало критической массы, руководители обращались к излюбленному ими способу их решения — ускорению. Или постановке задач, неадекватных действительности: удвоить ВВП за 10 лет, увеличить за 5 лет в 2 раза объем жилищного строительства, увеличить темпы экономического развития до 6–7% в год, создать и модернизировать к 2020 году 25 млн рабочих мест, снизить инфляцию до 3%.

Нежелание власти учиться на ошибках прошлого, критически осмысливать опыт собственных ошибок и неудач, слепое следование догмам политической доктрины неолиберализма в духе времен эпохи Л. Брежнева «как бы улучшить дело, ничего не меняя», особенно в механизме хозяйствования, привело за последние 13 лет к прогнозируемой катастрофичной ситуации в экономике<sup>21</sup>.

Возникшие к началу XXI века «новые» методы анализа проблемных ситуаций могут лишь дополнять процесс познания сущности событий «текущей» истории, но никак не решать проблему научно обоснованного выбора приоритетных задач в государственном управлении. Унаследованные от советского прошлого и заимствованные западноевропейские основания определения приоритетных (главных) задач в политике полностью себя дискредитировали и не в состоянии обеспечить дальнейшее устойчивое развитие российского общества. И чем раньше власть в стране усвоит этот урок опыта пережитого и восстановит роль и значение конкретно-исторического анализа политической ситуации при подготовке важнейших государственных решений, тем быстрее, по образному выражению В. Ключевского, мы научимся жить своим умом, а не заменять его западноевропейским.

---

<sup>21</sup> См.: *Гладунов О.* Приказано быть оптимистом // Независимая газета, 2013. 5 декабря.

# **ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА — ПРОГРЕСС ИЛИ СТАГНАЦИЯ?**

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА

## **МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ\***

Часть III

Анализируя характер масштабной глобальной трансформации и отмечая автономизацию властных групп по отношению к национальным политиям, следует отметить, что это не единственная значимая особенность отмеченной трансформации. Другой сущностной чертой данной трансформации предстает изменение соотношения экономики и политики в системе общественных отношений, а именно всеобъемлющая маркетизация общественных отношений, вызванная тем, что рубеж XX–XXI веков (не только в России, но и в мире в целом) стал переходом к нестационарной системе социальных связей, а важнейшей доминантой социальной организации предстала широкомасштабная маркетизация системы общественных отношений.

Применительно к сфере политики эта трансформация нашла выражение в превращении политики в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения [подробнее см.: Пшизова, 2007]. Причем последние понимаются не просто как специфика современных электоральных кампаний, представших как сугубо коммерческий процесс, а как глубинная трансформация системы отношений между управляющими и управляемыми. Такая трансформация затронула системы государственного управления: современные государства обрели сервисный формат, сближающий их со сферой коммерческого обслуживания [подробнее см.: Гаман-Голутвина, 2008; Dyczok, Gaman-Golutvina, 2009].

Сказанное означает принципиальное изменение механизмов легитимации элиты: рынок «все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации» [Бурдые, 2002: 42], а профессионально вовлеченные в мир политики участники занимаются политикой как

бизнесом [Пшизова (I), 2007] и ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии [Пшизова (II), 2007: 75]. Это меняет легитимность существующего порядка и дает основание рассматривать вопрос о делегитимации демократии как идеально-типической модели политического режима и переходе к постдемократии [Крауч, 2011].

В данном контексте неслучайными выглядят результаты эмпирических политико-биографических исследований состава политической элиты России [Человеческий капитал... 2012], согласно которым существенная часть управленческого класса (депутаты Госдумы, члены Совета Федерации, губернаторского корпуса, федеральной исполнительной власти) по базовому профилю деятельности — выходцы из бизнеса: либо политические предприниматели, либо предприниматели классического толка.

Полученные в рамках упомянутого политико-психологического исследования данные коррелируют с результатами проведенных в разное время других исследований. Впервые вывод о том, что ведущей тенденцией рекрутирования российской политической элиты является не приток выходцев из силовых структур (о чем писали многие публицисты в начале 2000-х годов), а массовый приход в сферу управления выходцев из бизнеса, был сделан в рамках выполненного под руководством автора этих строк масштабного проекта «Самые влиятельные люди России» [Гаман-Голутвина, 2004]. Подтверждение того, что предпринимательство стало ведущим форматом политической деятельности на примере депутатского корпуса, было получено в рамках исследования персонального состава Государственной Думы в 1993–2011 годах, также выполненного под руководством автора данных строк в рамках общеевропейского проекта по изучению персонального состава национальных legislatures [результаты предшествовавших этапов проекта см.: Гаман-Голутвина, 2006б]. Другие исследования, основанные на изучении представительства крупного бизнеса в составе ведущих политиков России, также показывают, что выходцы из крупного бизнеса составляют весомый сегмент политической элиты России на протяжении последних двадцати лет [см.: Шабров, 2011].

Таким образом, непосредственное политическое участие крупного бизнеса (например, крупного предпринимателя Михаила Прохорова в президентских выборах 2012 года в качестве кандидата) или опосредованное (когда предприниматели обретают депутатские мандаты или занимают губернаторские кресла, что, как показывают исследования, в России весьма распространено) предстает как наиболее заметная черта современной российской политики.

Что касается политического участия действующих или бывших сотрудников специальных структур, то анализ [см.: Гаман-Голутвина, 2006а: гл. 6.2] показывает, что профильное военное или специальное

образование не мешает его носителям быть эффективными лоббистами коммерческих структур, что вписывается в упомянутую тенденцию всеобъемлющей маркетизации. В России отмеченные тенденции масштабной маркетизации системы общественных отношений и изменения механизмов легитимации власти элит проявляются с большей силой, нежели в странах с устойчивыми демократическими традициями. Постсоветский период в России стал больше, чем простым отказом от политико-идеологических оснований предшествовавшей эпохи, — он стал радикальным отрицанием прежних системообразующих смыслов.

При анализе особенностей российской версии маркетизации следует принять во внимание ее принципиальную особенность, а именно — конгломератный характер. Этот термин, предложенный Алексеем Богатуровым [см.: Богатуров, 2009], означает сосуществование разнородных укладов и отношений. В данном контексте речь идет о сосуществовании — наряду с системой рыночных отношений — уклада, существенно от нее отличного, а именно феодального. При этом данные уклады существуют не как рядоположенные, а взаимопроникающие, вследствие чего российский рыночный сектор деформируется и обретает характер квазирыночного.

Данное положение требует ряда пояснений.

Термин «феодальный» — впрочем, как и ряд других терминов социального знания — имеет различные трактовки. Наиболее распространенное значение — это определение одной из неповторимых стадий общественно-экономического развития. В данном же контексте термин используется в его политическом измерении — для определения универсального явления, базовой характеристикой которого выступает слияние экономического и политического управления и образование на основании отношений патрон-клиентной зависимости самодостаточных квазигосударственных образований в рамках границ национального государства. Эта трактовка восходит к пониманию феодализма Марком Блохом [Bloch M., 1961].

Именно такие образования сложились в России второй половины 1990-х годов. Сформировавшиеся в тот период политико-финансовые структуры (олигополии) обрели собственный финансово-промышленный потенциал; свои службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали информационно-аналитические империи и связи с определенными регионами и отраслями; обзавелись «диванными» политическими партиями и установили контакты с определенными сегментами оппозиции. В результате крупнейшие олигополии превратились в многопрофильные и почти самодостаточные квазигосударственные образования. Это дало основа-

ние констатировать тенденцию квазифеодализации модели элитообразования, о чем свидетельствует приватизация приватными структурами прерогатив публичной власти.

Дополнительным аргументом в пользу квазифеодального характера данных образований свидетельствует предпринятый в работах Михаила Афанасьева анализ отношений в рамках этих образований, который показал отчетливый патрон-клиентный характер таких связей [Афанасьев, 1997: 280, 282]. Воспроизводство отношений клиентелизма можно рассматривать в качестве веского основания для диагностирования архаизации процессов элитообразования [подробнее о признаках феодализации в российской трансформации см.: Гаман-Голутвина, 1998].

В итоге переплетения различных укладов образуется российская версия общества риска [Бек, 2000] и российский вариант текущей современности [Бауман, 2008]. Формирование общества риска есть мировая тенденция, затрагивающая — в той иной степени — все значимые сегменты мира. При этом каждая из значимых версий данной тенденции имеет свои особенности, для понимания которых можно использовать предложенную Парагом Ханной характеристику структуры современного мира. Отказываясь от традиционного видения этой структуры, Ханна полагает, что его трехполюсная структура — «первый», «второй» и «третий» миры — стала анахронизмом; сегодня осталось разделение на «первый» (США, ЕС, Китай) и «второй» миры (все остальные) [Ханна, 2010]. При всей дискуссионности данной дихотомии ее можно принять в отношении одного критерия — а именно, качества социальной организации и оснований социально-политической мобильности. В «первом мире» — при всех его очевидных уязвимостях и слабостях — вектор социальной мобильности в той или иной мере содержит элементы продвижения по формализованным рациональным основаниям (профессиональная компетентность, образование, заслуги и т.д.); во «втором» — системы мобильности выработаны на иных критериях.

Учитывая разнородность и разнокачественность «второго мира», можно предположить, что в наиболее архаичных анклавах «второго мира» принципы социальной организации и вертикальной мобильности основаны на откровенно рудиментарных принципах организации традиционных обществ (кровное родство, племенные характеристики, откровенный клиентелизм); в модернизированных версиях эти архаичные принципы сочетаются или, по крайней мере, завуалированы модернизированными принципами (образование, партийная карьера, профессиональная компетентность, опыт работы), однако решающими, как правило, выступают не эти принципы, а основанные на неформальных отношениях критерии.

В России на протяжении двух последних десятилетий эксперты, включая автора этих строк, неоднократно фиксировали доминирование в системе социальных отношений патрон-клиентных отношений [см., напр.: Гаман-Голутвина, 2004, и др.]. Отмечалось отличие российского клиентелизма от его классических версий, распространенных в обществах традиционного типа, к числу которых на постсоветском пространстве относились государства Центральной Азии [см.: Гаман-Голутвина, 2006а: гл. 6.1]: если в последних базовым основанием консолидации элитных кланов выступают кровнородственные и земляческие основания, то в России 1990–2000-х годов — экономические интересы.

Анализ процессов рекрутирования доминирующих групп во втором десятилетии текущего века позволяет скорректировать данную характеристику — к сожалению, не в пользу модернизации критериев. В сплывающих элитные группы экономических интересах все более отчетливо просматривается более архаичный компонент, а именно — родственный. Естественно, наиболее заметны родственные связи в формировании бизнес-элит: анализ поколенческого обновления бизнес-структур показывает приход на руководящие позиции младшего поколения создателей бизнесов. Однако бизнес-элитами эта тенденция не ограничивается и охватывает сферу публичной власти. Два поколения семей Жириновских, Воробьевых, Пономаревых, Гудковых, родственные связи значительного числа других действующих членов Государственной Думы и Совета Федерации, семейные тандемы в составе правительства в 2007–2012 годах — лишь «надводная часть» родственно-семейных айсбергов, отчетливо сигнализирующая о том, что современный российский клиентелизм обретает семейно-родственные очертания.

Своеобразие данного варианта заключается в противоречивом сочетании почти не просто разнокачественных, но конфликтующих укладов — феодального и современного, даже постсовременного. Если первый предполагает статичность отношений, их основанность на принципах статичной структуризации, низкой мобильности и низком качестве оснований мобильности, то последний предполагает изменчивость границ, принципиальную относительность разделительных линий и включенность социума в систему глобальных коммуникаций.

Очевидно, что в данной системе субъектность имеет крайне противоречивый характер и вектор. Доминирующим компонентом субъектности становится приватный: даже персонифицирующие публичные институты лица действуют по преимуществу как приватные акторы. Так, коррумпированность бюрократии означает, что она действует по преимуществу не как агент государства, ответственный за производство общественных благ, а как приватный актор, нацеленный на максимизацию приватной прибыли.

Тут следует оговориться, что под восстановлением субъектности имеется в виду не стремление к созданию новой империи — об этом речь не идет в принципе. Субъектность в данном случае означает более адекватное использование разнообразного и обширного ресурсного потенциала для реализации масштабных инновационных (социальных и технологических) проектов, что позволит России стать более успешным и влиятельным политическим игроком.

Если вернуться к аналогии с Британией, то ее переход в постимперское качество произошел не благодаря, а вопреки усилиям политического класса. Сохранить империю не удалось, и многое из того, что знакомо нам из отечественной истории последних лет, имело место и в Альбионе. И тем не менее, хотя в начале 1960-х годов о Британии говорили, что она «утратила империю и не нашла новой роли в мире», а в 1970-х годах ее называли «большим человеком Европы» (как некогда Османскую империю), снижение субъектности не носило характер обвала.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки российской субъектности налицо — разнообразный потенциал, обширная территория (Российская Федерация является самым крупным государством мира), всевозможные политические механизмы. Недостает одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража. Каждая эпоха рекрутирует своих героев: империи создаются титанами. Но героические эпохи — в прошлом. Страсть истощает...

Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность. Вспоминается известная траектория развития экономического класса другой страны — «финансист — титан — стоик». История может повториться...

Есть ли основания надеяться, что нынешний упадок и российских элит, и российского общества — временный? И где найти тот спасительный рычаг, который способен стать инструментом преодоления стагнации? На эти вопросы вряд ли могут быть найдены однозначные ответы — они во многом зависят от точки отсчета. Авторы монографии «Культура имеет значение» видят первоисточник и социального упадка, и общественного восхождения в культуре [Харрисон, Хантингтон, 2002]. Исходя из этой посылки, можно заключить, что сформировавшиеся паттерны клиентелизма элит способны заблокировать будущее развитие. Тут есть риск попасть в порочный круг: прогресс невозможен вследствие негативного культурного наследия, обретающего статус не просто path dependency, но блокирующего развитие фактора.

На наш взгляд, выход из порочного круга возможен на путях институциональной трансформации. Опыт успешно преодолевших аналогичный порочный круг стран показывает, что путь к хорошему обществу

лежит на путях строительства правильных институтов. Думаю, что преодолеть порочный круг возможно посредством создания эффективно работающих институтов. Институты имеют значение — этот парафраз знаменитого принципа шведских ученых Яна-Эрика Лэйна и Сванте Эрсона («институты важны») [Lane and Ersson, 2000: 9] может стать второй частью максимы, претендующей на роль универсального рецепта успешного государственностроительства. Именно эффективно работающие институты со временем меняют архаичные нормы культуры. Рационально создаваемые институты, понимаемые в качестве эффективной нормы, и есть путь к искоренению изживших себя норм культуры.

В свое время Талкотт Парсонс писал: институты — это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях для людей в их взаимоотношении друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» [Parsons, 1960: 177]. К такой трактовке близка позиция Сэма Хантингтона, который понимает институты как «стабильные, ценные, повторяющиеся нормы поведения» [Huntington 1968: 12]. Этим трактовкам созвучна интерпретация Дугласа Норта: «Институты — это „правила игры“ в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми» [Норт, 1997: 17]. Приверженцы нового институционализма пошли дальше и выдвинули предположение о том, что институты воздействуют на существующие в обществе ценности, включая базовые — справедливость, интеграция в сообщество, коллективные идентичности, солидарность и доверие. Благодаря Джону Роулзу данное положение получило операционализацию. Он сформулировал позицию, согласно которой именно справедливые политические институты могут способствовать построению справедливого общества, а не наоборот, справедливое общество создаст справедливые политические институты [Ротстайн, 1999: 154]. Думаю, эта мысль может стать основой эффективного социального проектирования и в сегодняшней непростой российской ситуации.

Но откуда взяться эффективным современным институтам? Как показывает опыт историй успешных государств, архимедовым рычагом выступает фактор эффективного лидерства, создающего эффективные институты. Нет оснований полагать, что российский случай — исключение из правил.

### Литература

1. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

3. *Богатуров А.Д.* Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Под ред. А.Д. Богатурова. Современная мировая политика. Прикладной анализ. — М.: Аспект Пресс, 2009.
4. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
5. *Гаман-Голутвина О.В.* Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004.
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006.
7. *Гаман-Голутвина О.В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // ПОЛИС (Политические исследования), № 2–3, 2006.
8. *Гаман-Голутвина О.В.* Изменение роли и функций современного государства и реформы государственного управления: отечественный и мировой опыт // Под ред. А.Н. Олейник, О.В. Гаман-Голутвиной. Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе. — М.: РОССПЭН, 2008.
9. *Гаман-Голутвина О.В., Игнатов В.Г., Понделков А.В., Старостин А.М.* Политико-финансовые кланы как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Властные элиты современной России. — Ростов-на-Дону, 2004.
10. *Делягин М.Г.* Глобальный управляющий класс // Свободная мысль, № 1–2, 2012.
11. *Крыштановская О.В.* Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra, 2003. Т. 7, № 4.
12. *Неклесса А.И.* *Homines Aeris or Who Builds the World?* Люди воздуха, или кто строит мир? — М.: Инст. экон. стратегий, 2005.
13. *Крауч К.* Постдемократия / Пер. Н. Эдельмана. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011;
14. *Никольский Б.* Войны России. (Русский колокол, 1928. № 3) // Наш современник, № 5, 1991.
15. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н.Нестеренко. — М.: Начала, 1997.
16. *Пшизова С.Н.* Политика как бизнес: российская версия (I–II) // ПОЛИС (Политические исследования), № 2–3, 2007.
17. *Ривера Ш., Ривера Д.* К более точным оценкам трансформаций в российской элите // ПОЛИС (Политические исследования), № 5, 2009.
18. *Ротстайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. — М., 1999.
19. *Ханна П.* Второй мир. — М.: Европа, 2010.
20. *Харрисон Л., Хантингтон С.* Культура имеет значение. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.
21. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б.Шестопал и А.В.Селезнёвой. — М.: РОССПЭН, 2012
22. *Шабров О.Ф.* Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России // Под ред.

О.В.Гаман-Голутвиной. Элиты и общество в сравнительном измерении. — М.: РОССПЭН, 2011.

23. *Bloch M.* Feudal Society. — Chicago: University of Chicago Press, 1961.

24. *Dyczok M., Gaman-Golutvina O.* Media, Democracy and Freedom. — Bern: Peter Lang, 2009.

25. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. — New Haven: Yale University Press, 1968.

26. *Lane J., Ersson S.* Politics and Society in Western Europe. — L.: Sage Publications, 2000.

27. *Parsons T.* Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays). Glencoe (Ill.), 1960.

Владимир ДЕРГАЧЁВ

## **БИТВА ЗА ЕВРАЗИЮ. ТЕКТОНИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

В традиционной геополитике Евразия имеет несколько смыслов — Евразия (Континент), Евразия (Туран) и Евразия (Россия/СССР). В основе евразийской интеграции традиционно рассматривается евразийская доктрина, созданная российской элитой (из Белой гвардии). Но эта доктрина не учитывала возрождение Поднебесной до масштабов сверхдержавы.

Логика евразийской геостратегии следует формуле классической геополитики: «Кто владеет Евразией, тот владеет миром»<sup>1</sup>. Но в эту формулу необходимо вносить новую доминанту. Наступление Запада (США и Евросоюза) замедлилось, а американская демократическая «петля Анаконды» не принесла мир в Евразию<sup>2</sup>. Европейский Союз после расширения на Восток вплотную приблизился к западным рубежам Великой Евразийской степи и попытался реализовать проект с невинным названием «Восточное партнерство». В этом проекте «битва за Украину» — бои местного значения в геополитическом сражении за Евразию.

Новый интеграционный проект Москвы предусматривает создание Евразийского экономического союза. И рано или поздно необходимо иметь долгосрочную стратегию на вызовы на западных и восточных рубежах Великой Евразийской степи. Настало время наметить новые контуры тектонической геополитической трансформации Евразии-континента от Лондона до Шанхая, где появился мощный новый геополитический игрок из Поднебесной.

---

<sup>1</sup> Дергачёв В. Новая геополитическая архитектура Евразии: от Атлантики до Тихого океана // Вестник аналитики, 2010, № 4.

<sup>2</sup> Дергачёв В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики США // Вестник аналитики, 2007, № 3.

## Смертельные обширные инфаркты Европы на западных рубежах Евразии-континента

После утраты средневековой Китайской империей своего могущества лидерство на значительной части Евразии-континента перешло к Западной Европе и соперничеству Британской и Российской империй. Европа взошла на вершину мирового и евразийского геополитического могущества к началу XIX века. Как писал Альфред Вебер<sup>3</sup>, на европейском континенте была создана система относительно мирного сосуществования экспансионистских государств, обладающих военной и экономической мощью. «Концерт великих держав» на Берлинском конгрессе 1878 года способствовал сохранению баланса сил в Европе с учетом противовесов. Наступило «время насыщения» в полном мировом господстве.

Мировое могущество Европы было нарушено первым обширным европейским инфарктом (по образному выражению философа Карена Свасьяна<sup>4</sup>) со смертельными последствиями. Апофеозом этого качественно нового исторического этапа и событием всемирного масштаба стала Первая мировая война (1914–1918). В ходе войны была не только разрушена хрупкая система европейского равновесия. Обнаружилась исчерпанность силовых способов достижения экспансионистских геополитических целей. В результате истребления миллионов людей война оказалась самоубийственной и непредсказуемой для всех, в том числе для ее инициаторов. Главным виновником мирового конфликта была признана Германия, стремившаяся силой оружия воспрепятствовать дальнейшей колониальной экспансии мировых империй и участвовать в переделе мира. Для Российской империи война оказалась самоубийственной. Главный геополитический и финансовый приз достался Соединенным Штатам Америки.

После окончания Первой мировой войны Версальский, Трианонский и другие мирные договоры, подписанные в 1919–1923 годах, действовали в интересах держав-победительниц. Европа разделилась на два лагеря: победителей и побежденных. Естественно, особенно болезненно результаты Парижской мирной конференции восприняла Германия, а Венгрия считала, что ее «распяли» в Версале. Попытки поиска нового мирового порядка на основе более широкого равновесия между государствами потерпели неудачу. Очередной военный конфликт стал неизбежен. Вторая мировая война стала вторым обширным инфарктом Европы ценой в 62 млн жизней. Главным сражением была

<sup>3</sup> Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. 2-е изд. — М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

<sup>4</sup> Свасьян К. Вступительная статья к книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». — М.: Мысль, 1993.

Сталинградская битва за Хинтерланд (геополитическое сердце Земли), открывающая путь в глубины Евразии. Если бы немецкая армада закрепились у берегов Волги, уже никто в мире не смог бы ее остановить. Сталинградская битва и другие знаковые победы на полях войны обеспечили Советскому Союзу не только ведущее место в антигитлеровской коалиции, но и законное право влиять на установление нового мирового порядка.

После окончания Второй мировой войны и установления Ялтинского мира произошел передел мира на два лагеря — капиталистический и социалистический. Европа была поделена на два военно-политических блока: Организации Североатлантического Договора (НАТО) и Варшавского договора (ОВД). Договоры закрепили геополитический раскол Европы. После распада ОВД и СССР началась геополитическая трансформация на европейском континенте. Парижская хартия об образовании новой, свободной и безблоковой Европы (ноябрь 1990 года), бездумно подписанная первым и последним советским президентом, явилась крупным геополитическим поражением Московского Кремля.

С падением Берлинской стены и распадом СССР наступил третий обширный инфаркт, охвативший не только Европу, но и весь Запад во главе с США. Его характеризует война за жизненное пространство западной цивилизации в эпоху политкорректности<sup>5</sup>. Современная крупномасштабная война ведется, в первую очередь, с помощью «мягкой силы», которая стала доминировать в очередном наступлении Европы в глубинную Евразию.

### **Европейский протекторат Америки, где бродит призрак коммунизма**

После Второй мировой войны Западная Европа восстановилась благодаря американскому плану Маршалла. Соединенные Штаты оказали политическую, военную и экономическую поддержку «старой» Европе. В результате покровительства Америка сделала своих стратегических союзников зависимыми от военной мощи США. Не случайно у ядра Евросоюза, включая, в первую очередь, немцев и англичан, исключительно сильна приверженность трансатлантизму и преклонение перед Соединенными Штатами.

Опьяненные заокеанским «старшим братом» европейцы на время забыли о глубинной Евразии и решили догнать Америку. Карен Свасьян приводит параллели с русской народной сказкой про репку<sup>6</sup>. Хру-

<sup>5</sup> Свасьян К. Растождествления. — М., 2006.

<sup>6</sup> Свасьян К. О будущем Европы в свете ее настоящего. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и его предварительные итоги. — М.: Институт общественного проектирования, 2007. — URL: <http://www.twirpx.com/file/453248/>

щев догонял Америку по производству мяса и молока, а Брюссель — по численности населения за счет мигрантов, вначале цветных, а впоследствии в надежде на Восточную Европу, где Украина мечтает стать частью «богатого пуза» Европы. Действительно, получается своеобразный геополитический выбор, как в сказке: «...сучка за внучку, внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут — вытянуть не могут!». Добавим и множество других заимствований в России и постсоветских государствах — постмодернизм в философии, подражание внешней форме европейских законов в юриспруденции. Как метко подметил Александр Солженицын, российская демократия впитала, в первую очередь, «навозную жижу» Запада. И наконец, Болонский процесс, который европейцы начали в попытках догнать Америку в области высшего образования. А «попугаи» из постсоветских стран, не имея соответствующей материальной базы и разрушая бывшую, относительно эффективную систему образования, пустились в гонку за этим процессом<sup>7</sup>.

Европейский Союз представляет пока самый крупный рынок в мире и опережает США по производству основных видов промышленной продукции. Но Европа совершила экономический рывок преимущественно под ядерным зонтиком США, поэтому Европейский Союз стал протекторатом США и импотентом в военно-политическом отношении. Правда, до мирового финансового кризиса раздавались эпизодические голоса европейских лидеров о создании вооруженных сил Евросоюза, но они быстро замолкли. Так как расходы на армию приведут к снижению качества жизни. А это как наркотик, с которого у европейцев нет желания соскочить.

Американский политолог и геополитик Збигнев Бжезинский вынес следующий приговор Европе: «Горький факт заключается в том, что Западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа, остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных. Такое положение не является нормальным как для Америки, так и для европейских государств»<sup>8</sup>.

Европейский Союз во внешней политике применяет коммунистические геополитические технологии. Как советская Россия экспортировала идеи всемирной революции, так и Запад — идеи либеральной революции, предлагая демократию и права человека в качестве универсальных ценностей человечества (как булыжник — орудие проле-

<sup>7</sup> Дергачёв В. Знание — геополитическая сила и стратегический ресурс государства // Интернет-портал «Институт геополитики». — URL: [http://www.dergachev.ru/geop\\_events/050613.html#.UunnLCfIUg9](http://www.dergachev.ru/geop_events/050613.html#.UunnLCfIUg9)

<sup>8</sup> Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1999.

тариата). И если Европейский Союз может это делать только с помощью «мягкой силы» и агрессивной риторики, то в целом Запад во главе с США — с помощью военной силы (НАТО).

По мнению Карена Свасьяна, после Нюрнбергского процесса западные союзники попытались «волю к власти» заменить «на волю к миру». Западные англосакские лидеры, как и вожди пролетарской революции, желают осчастливить мир, сделать всех счастливыми по своему образу и подобию. Заставить или принудить быть счастливыми с помощью военной силы. Главным итогом «белой революции» стало создание Европейского Союза. Только в этом «клоне коммунистической Москвы» место духовных ценностей заменяют цены. В ЕС в качестве европейской идеи единства выступает денежный знак евро<sup>9</sup>.

Европа в период холодной войны еще могла символически притворяться самостоятельной. Но после падения Берлинской стены началось окончательное исчезновение (расширение) Европы через евроинтеграцию. У европейцев начали вырабатываться коммунистические поведенческие рефлексии. Но европейская разновидность коммунизма уродливее советского коммунизма, так как государственный тоталитаризм замещается гражданским тоталитаризмом, «общество вытесняет государство, перенимая у него функцию контроля», а «человеческое вытесняется гражданским». Европа заиклилась на толерантности и политкорректности. В «эпоху взбесившегося либерализма» все кому не лень получили право на мнение. Забыв при этом, что существует еще долг знать то, о чем говоришь. Все помешаны на правах человека, но никто не говорит о его назначении. Европейское общество страдает от излишка прав: «наверное, последним правом, венчающим наши человеколюбивые конституции, будет право на свинство»<sup>10</sup>.

В эйфории полноценности европейцы, обезболенные комфортом, решили осчастливить Восток (Евразию) своими свободами и правами, и... совершенно проморгали ответный удар. Коммунизм настиг Европу внезапно и неотвратно. Закат Европы, разрываемый евроинтеграторами (глобалистами) и бесконечной толерантностью, рано или поздно состоится: «Проект «Европейский Союз» закончится либо развалом, либо абсолютным гражданским тоталитаризмом»<sup>11</sup>.

Основной конфликт проходит по западным рубежам Великой Евразийской степи на почве социокультурных различий и либеральных ценностей. У Евросоюза, не обладающего военно-политической мощью,

<sup>9</sup> Любопытно, что Шпенглер отметил ментальную особенность русских: «Мистическая внутренняя жизнь русских воспринимает мышление деньгами как грех» («Закат Европы», т. 2. — С. 582).

<sup>10</sup> Свасьян К. О будущем Европы в свете ее настоящего. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и его предварительные итоги. — URL: <http://www.twirpx.com/file/453248/>

<sup>11</sup> Там же.

во внешней политике доминирует «мягкая сила» — экспансия либеральных ценностей, усиливающаяся из-за угрозы потери Западом своего мирового геополитического господства. Запад вошел в постхристианский мир, где идея абстрактной свободы и права человека возведены в ранг новой религии. Тогда как постсоветская Россия стремится преодолеть в духе неохристианства коммунистическое преследование религии в прошлом<sup>12</sup>.

### Против «имперского» евразийского возрождения России

Чтобы не допустить «имперского» евразийского возрождения России после самоубийства Советского Союза и провальных «цветных революций», главная геополитическая задача Соединенных Штатов и Западной Европы — цивилизационный отрыв Украины от России. Мирному вторжению Евросоюза в Восточную Европу все настойчивее противостоит Москва, осознавая, что за этим последует расширение НАТО на Восток. Поэтому геополитика стала доминировать во внешней российской политике. По итогам 2013 года немецкое издание Spiegel «присвоило» российскому президенту звание трижды «героя» внешней политики (Сноуден, Ближний Восток, Украина). А главная коммунистическая газета «Жэньминь жибао» отмечает, что «Россия совершенно избавилась от трусливой психологии времен распада СССР и играет с США на равных». Правда, триумф на внешнем фронте происходит на фоне замедления темпов экономического развития. Это многим начинает напоминать всемирную популярность трубадура «общечеловеческих ценностей» из советского прошлого, завершившуюся распадом страны.

Россия в значительной степени сохранила военно-промышленный потенциал, появились точки роста (модернизации). Но в стране нет почвы для пассионарной созидательной энергии народа из-за углубляющейся социальной несправедливости и имитации борьбы с коррупцией. Кроме успехов в размножении олигархов продолжается вызывающий разрыв в доходах простых граждан и высокопоставленных чиновников, ставших «эффективными» менеджерами.

Пока преувеличены опасения России относительно «европейского выбора» Украины, которую Брюссель не собирается принимать в Европейский Союз. Но на Украине и в других просоветских странах выросло новое поколение, для которых Россия может стать привлекательной, если она продемонстрирует достижения не только в экономике Большой трубы и шоу-бизнесе. Кроме того, Москве требуется время,

<sup>12</sup> Рар А. Конфликт цивилизаций, возможно, только начинается // Доклады Института Европы РАН, № 292, 2013.

чтобы доказать безвозвратность евразийского интеграционного курса после серии предательств демократической Россией своих стратегических (деловых) союзников не только в 1990-х годах, но и в более позднее время (Ливия).

После холодной войны и временного потепления в Европу приходит холодный мир. Проект «Восточного партнерства», реализуемый по инициативе Швеции и Польши, это проект, прежде всего, геополитический, и он не может ограничиться расширением зоны свободной торговли ЕС. Гарантом для зарубежных инвестиций является только НАТО, а расширение евроатлантического блока — это прямая угроза России. Что провоцирует вновь размещение ракет среднего радиуса действия, направленных на Европу.

Россия вынуждена, не только из-за намерений экономической интеграции на постсоветском пространстве, но и проблем безопасности, создавать зону «особых интересов». В отношениях с США и НАТО остается острым вопрос развертывания систем противоракетной обороны (ПРО) в Европе и строительства военных баз с ракетами-перехватчиками на территории Польши и Румынии. Если раньше Запад обосновывал создание ЕвроПРО необходимостью защиты от иранских ракет, то после договоренности о замораживании иранской ядерной программы становится очевидной новая цель — Россия. Одновременно начала реализовываться американская концепция «мгновенного глобального ядерного удара». В нарушение международного права предусматривается пиратское (без объявления войны) нанесение точечных ударов по объектам суверенных государств.

*Россия вынуждена наращивать группировки оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер-М» на западной границе. Впервые после падения Берлинской стены в западных СМИ появились публикации «Русские ракеты нацелились на Берлин». «Искандеры» могут оснащаться ядерными боеголовками и способны поражать цели на расстоянии до 500 км, а при оснащении крылатыми ракетами дальность действия увеличивается до 2000 км (вся Европа). При обострении ситуации европейские государства в условиях финансового кризиса будут вынуждены увеличивать расходы на создание национальных систем ПВО.*

Какой должна быть геополитическая стратегия России на фоне снижающегося влияния Европы? Александр Рар считает, что в условиях ослабления глобального влияния Европы и усиливающегося конфликта цивилизаций Россия должна быть на стороне христианского мира и модернизироваться на фундаменте национальных традиций и ценностей, многовекового опыта взаимодействия российского православия и ислама. У европейцев заканчиваются ресурсы, и они нуждаются в расширении жизненного пространства. Россия при прогерманской поли-

тике в Кремле предлагает открыть Сибирь и Дальний Восток для европейской колонизации. Германия совершает ошибку, отказываясь от дружбы с Россией. Стратегический союз высокотехнологичной Германии и богатой ресурсами России пока не состоялся.

### Геополитическое противостояние на Украине

Вашингтон и Брюссель рассматривают вступление Украины в Зону свободной торговли с Евросоюзом как геополитический фактор, направленный на ослабление России. Ставка делается на пятую колонну — украинских провинциальных националистов, в том числе на радикальный национализм и продажную компрадорскую элиту, которой за «правильный» выбор разрешат продолжить грабить собственный народ и создавать «семейный» и другой криминальный бизнес в особо крупных размерах.

На Украине происходит смена поколений в условиях деиндустриализации и формирования общества потребления. В экономике начинают доминировать крупный торговый капитал и торговцы импортным товаром с многочисленных рынков и базаров, для которых космическая индустрия и авиапром Украины — пустой звук. Потому что нельзя купить (украсть) ракету «Зенит» и упрятать в сундуках на самостийных Хуторах. А самолет «Руслан» может пригодиться разве что для большого курятника.

За годы самостийности Украина трансформировалась из среднеразвитого европейского государства в страну, которая не может существовать без заемных средств (зарубежных кредитов). Собственность советской Украины или разворована, или уничтожена, а активы большинства стратегических предприятий выведены за рубеж в оффшоры. Украина стала житницей для самостийных олигархов, интересы которых не совпадают с государственными. В результате оффшорной геополитики Запада экономика Украины в значительной степени оказалась под внешним управлением.

*В результате мирового кризиса горно-металлургический комплекс Украины утратил роль локомотива экономики. Украина стала страной трудовых мигрантов. Как и в большинстве стран глубокой мировой периферии, основной вклад в ВВП Украины вносят переводы украинских гастарбайтеров. Пока численность их составляет примерно 7 млн человек и увеличится после возможной реализации проекта зоны свободной торговли с ЕС до 10 млн. Настоящий Клондайк белых рабов для цивилизованной Европы!*

Вильнюсский саммит «Восточного партнерства» закончился провалом. Как отмечали СМИ, «чудо на Вильне» откладывается. В сложившейся обстановке президент и правительство Украины приняли един-

ственно правильное решение, взяв тайм-аут на пути «европейского выбора». На внешнеполитический выбор Украины давили Вашингтон, Брюссель и Москва. К этому придется привыкать. Украина — страна ограниченного суверенитета, утратившая военно-политическую и экономическую мощь, опустившаяся за годы независимости на мировую периферию.

*Очередной Майдан стал жалкой и опасной пародией на поставленный американскими политтехнологами спектакль «демократической» оранжевой революции 2004 года. «Deutsche Welle» приводит высказывание из Рунета. Тогда многие на Майдане все же «думали сердцем и мозгами», а на нынешнем Майдане «исключительно брюхом, а те, кто этой разницы не замечают, либо слепы, либо лукавы».*

*Киев трансформировался из столицы Советской Украины в столицу Дикого поля, где периодически сталкиваются националистическая орда с Западом и пролетариат (шахтеры и металлурги) с Востоком. Националистическую орду и пятую колонну финансирует Запад, а самостийные олигархи до поры до времени бросают шары в обе корзины. Происходит дальнейшая радикализация политического поля Украины, которая рано или поздно может стать катастрофой для страны и правящей Партии регионов, систематически предающей свой электорат.*

Чтобы у страны было будущее, Украине необходимо избавляться от псевдонациональной идеи «под кого залечь», неоднократно приводившей к утрате государственности (Руинам), и найти свое место в новой геополитической конфигурации Большой Европы. В Восточной Европе после нулевых годов появились интеграционные проекты Таможенного Союза и Евразийского экономического союза, и Брюсселю рано или поздно с этим придется считаться. В условиях ухудшающегося положения украинской экономики Москва предоставила Киеву миллиардные кредиты, которые будут потрачены, в первую очередь, на проедание, а не на расширенное воспроизводство.

Евроскептики негативно оценивают геополитическую борьбу Брюсселя за Украину, чей ВВП на душу населения ниже, чем в передовых странах Черной Африки. И задают вопрос о целесообразности поглощения бедной страны, которая не может существовать без внешних займов. Пока шла битва Брюсселя и Москвы за Украину, на западных рубежах Евразии появился новый геополитический игрок.

### **Китайский геополитический евразийский суперпроект**

В новейшей истории геополитическая цель США в Европе заключалась в создании плацдарма для продвижения в Евразию с факелом самой «правильной» демократии. Естественно, важнейшей останов-

кой на этом пути была Россия. Но время не стоит на месте. 2013 год стал знаковым для Китая, активно создающим китайские плацдармы в Евразии-континенте, включая Большую Европу.

Пекин озвучил очередной этап внешнеполитической стратегии «идти вовне» с опорой на экономическую мощь и инвестиции — суперпроект «Экономический пояс Шелкового пути». При этом, согласно древней традиции «китайской шкатулки», главная геополитическая цель «прячется» в поэтических образах и открывается внешнему миру постепенно («нить жемчуга», стратегия «голубой воды» и т. п.). Предусматривается постепенное открытие внешнему миру промежуточных внешнеполитических и экономических задач, чтобы, в конце концов, достигнуть генеральной геостратегической цели. Попробуем ее разгадать.

Суперпроект «Экономический пояс Шелкового пути» объединит Большое евразийское пространство, включая Китай, Центральную Азию, Восточную и Западную Европу, с населением в 3 млрд человек и обширными региональными рынками. Проект будет реализовываться в многомерном коммуникационном пространстве (поясах) — транспортном, торговом, энергетическом, информационном, научно-техническом, аграрном, туристическом при обеспечении безопасности и политического взаимодействия.

Исключительной особенностью китайского суперпроекта в отличие от других интеграционных проектов является абсолютное отсутствие политических требований к участникам. Американские провальные региональные геополитические проекты «Большая Центральная Азия», «Большой Ближний Восток», «Новый шелковый путь» предполагали в первую очередь силовую «демократизацию» регионов, на практике приводящую к хаосу. Московский Кремль тратит основное время не на наращивание экономической мощи, модернизацию и создание современных транспортных коммуникаций, а на уговаривание постсоветских стран в преимуществах своего евразийского проекта и «выдавливанию», как пишут китайские СМИ, Евросоюза из Восточной Европы. Пекин идет «вовне» с инвестициями, модернизированной транспортной инфраструктурой и при этом не ставит политические условия для местных властей.

Таким образом, после неудач евразийской геополитики США Пекин предлагает народам континента альтернативный проект — коммунистическая «нить жемчуга» против демократической «петли Анаконды»<sup>13</sup>. Пора привыкать к новым формам международной регионализации, в основе которой не «политические союзы», насильственная

<sup>13</sup> Дергачёв В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики США // Вестник аналитики, 2007, № 3.

«демократизации», а трансграничные коммуникационные коридоры. Их фундаментом служат мощные транспортно-логистические узлы, созданные экономической, инвестиционной и технологической мощью Поднебесной.

Некоторые российские аналитики считают неудачным название проекта «Экономический пояс Шелкового пути», то ли дело «Евразийский экономический союз». Это не совсем так. Следуя древней китайской традиции, современная Поднебесная по определению не собирается с кем-то создавать или вступать в «союзы». Необходимо обратить внимание, что и название Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) не содержит слова «союз», но твердо указывает, кто в ней хозяин.

«Экономический пояс Шелкового пути» вместе с возрождением «Морского Шелкового пути» и международных экономических коридоров «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма», «Китай — Пакистан (Белуджистан)», «Китай — Таджикистан — Иран», создание портовых форпостов в Юго-Восточной Европе свидетельствуют о намерениях взять под мягкий «экономический» контроль Евразию от Китая, Центральной Азии до Восточной и Западной Европы. По сути, **впервые обозначились контуры Китайского геополитического евразийского суперпроекта**, с которым придется считаться и стратегам Евросоюза, и российским намерениям по созданию Евразийского экономического союза.

Китайский суперпроект согласуется с логикой классической геополитики и формулы: «Кто владеет Евразией, тот владеет миром». Пекин справедливо считает, что Вашингтон с этой задачей не справился. Впервые за несколько десятилетий с начала китайских реформ Пекин нарушил табу на резкую критическую оценку внешнеполитических событий. В главном рупоре коммунистической пропаганды газете «Жэньминь жибао» без излишней дипломатии дан приговор внешней политике мирового гегемона в Евразии: «Вашингтон злоупотребил своим статусом сверхдержавы и внес в мир даже бóльший хаос».

Европейский протекторат Америки (Евросоюз) также за последние два десятилетия с помощью евроинтеграции продвигался на Восток, к границам Великой Евразийской степи. На этом пути Брюссель обещал бывшим странам народной демократии, входящим в прошлом в советское геополитическое пространство, сказочный Евраленд. И если страны первой волны интеграции частично ощутили инфраструктурные преобразования на фоне деиндустриализации, то Болгария, Румыния и стоящие в очереди балканские государства их могут не дожидаться. И местные политики-еврооптимисты будут сметены обманутым электоратом за неоправдавшийся популизм.

## Плацидарм Поднебесной в Европе

После распада СССР коммунистический Китай практически освоил советское «наследие» в Азии, Африке и Латинской Америке. И наступила очередь Европы, надорвавшейся при продвижении на Восток. Создание китайского экономического плацдарма в Европе является частью евразийской геополитики Пекина после провала в Евразии американской геополитики и слабеющей экономической мощи Евросоюза.

В ноябре 2013 года практически параллельно с провальным Вильнюсским саммитом «Восточное партнерство» в тылу Евросоюза, в Бухаресте, прошла встреча политических лидеров 16 стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) с руководителями китайской делегации во главе с премьер-министром. Брюссель испытывает материальные трудности с модернизацией инфраструктуры у новых членов ЕС, тогда как Китай предлагает инфраструктурные проекты в обмен на продовольствие. На саммите ЦВЕ — КНР была подписана инвестиционная программа сотрудничества. В 2012 году объем товарооборота между КНР и странами ЦВЕ достиг 50 млрд долл. (10% от общего объема товарооборота КНР с Европой). Китай открывает новую кредитную линию для стран ЦВЕ в 10 млрд долл. для совместных инфраструктурных проектов. Китайские компании уже инвестируют строительство железнодорожной магистрали между Венгрией и Сербией, начинается реализация инфраструктурных, энергетических и аграрных проектов в Румынии. Бухарест считает КНР самым надежным другом Румынии в Азии, а Пекин рассматривает Румынию как самого верного партнера Китая в Евросоюзе. И это не пустые слова. Деловые китайско-румынские отношения успешно развиваются уже 65 лет.

Состоявшийся в Бухаресте саммит продемонстрировал намерения сторон реализовывать инвестиционные проекты без участия Евросоюза. Это вызвало настоящую панику в Брюсселе, который обвинил Пекин в политике «разделяй и властвуй». Еврокомиссия безуспешно требовала от новых членов ЕС отказаться от подписания соглашений с Китаем.

Китай создает несколько экономических (портовых) форпостов в Большой Европе, в первую очередь в Греции, Румынии и Украине (Крыму). Пекин оказал поддержку Греции во время кризиса, скупив часть долговых обязательств и сделав значительные инвестиции в развитие порта Пирей и международного аэропорта в Афинах. Китай предоставил Греции кредит в 5 млрд долл. для модернизации торгового флота и закупки 162 судов в Поднебесной<sup>14</sup>. Взаимовыгодное сотру-

<sup>14</sup> Дергачёв В. Кризис среднего дохода на родине демократии. — URL: [http://dergachev.ru/geop\\_events/190613.html#.UoD5cCfIUg9](http://dergachev.ru/geop_events/190613.html#.UoD5cCfIUg9)

ничество обусловлено тем обстоятельством, что на Китай приходится примерно треть мирового рынка судостроения, а греческие судовладельцы контролируют значительную часть морских грузоперевозок.

*Богатое историческое и культурное наследие, благоприятный климат вывели Грецию в число мировых лидеров индустрии туризма. Поэтому греческая власть большие надежды по преодолению кризиса возлагает на развитие туризма, который может дать треть экономического роста ВВП. При этом большие надежды возлагаются в первую очередь на китайских туристов.*

*В Китае стремительно растут масштабы выездного туризма, которые увеличатся с 85 млн (2012 год) до 200 млн (2020 год). Это приведет к существенной трансформации европейского рынка туристических услуг, на котором на протяжении столетия доминировали граждане западных стран. В ближайшие годы число китайских туристов на европейском направлении может превысить 50 млн. Граждане Поднебесной с наследием Древнего Китая ставят Грецию с памятниками античной культуры Древней Эллады на первое место в туристическом выборе. И не из области фантастики, что в ближайшем будущем численность туристов из Китая в Грецию может достигнуть астрономической цифры в 20 млн человек.*

Если в Греции и Румынии создается экономический плацдарм для стран Западной и Центрально-Восточной Европы, то Украина рассматривается как плацдарм для инвестиционного присутствия в странах Восточной Европы и СНГ. Для этого Украина, не способная существовать без внешних заимствований, обязана улучшить инвестиционный климат для китайских бизнесменов.

Китай намерен инвестировать в создание портовой инфраструктуры на Украине. При этом Пекин рассматривает Крым как часть китайского проекта «Морской Шелковый путь», где будет реализовано создание Крымской зоны экономического и технологического развития в районе Севастополя. И если недавно обсуждалась геополитическая проблема «Будет ли Севастополь городом американской славы», то настало время обсудить долгосрочные последствия присутствия Китая в Крыму для России и Черноморского региона.

В Украине имеются намерения о строительстве нового порта в районе Одессы (Хаджибеевский лиман). Но Пекин интересуется только глубоководный порт в Крыму, который после реализации проекта будет управляться китайскими операторами. Китайская логика проста — кто платит деньги, тот заказывает музыку. Но, кроме того, в первую очередь просматривается очевидная логика классической геополитики. Кто владеет Крымом, тот контролирует Черноморский регион и Восточную Европу. Конвенция Монтре о статусе Черноморских проливов (1936 год) пока ограничивает военное присутствие третьих стран в

регионе. Но уже НАТО (читай США) вышло на черноморские берега и обустроивается в Румынии. Ничто не вечно под луной.

В Восточной Европе региональным индикатором процессов геополитической трансформации является Крым с исторической областью Новороссией, где сосредоточен самый большой за рубежом России массив русских и других нетитульных для Украины народов. Именно этот регион, который в независимом государстве именуется как Восток и Юг Украины, в традиционной геополитике выступает в качестве важнейшего геополитического узла не только Восточной Европы и Черноморья, но и Евразии наряду с Балканами и Афганистаном. По мнению автора, от обстановки в Крыму будет зависеть не только безопасность в Черноморском регионе, но и будущее украинской государственности.

### Будущее Евразии

Евразия-континент переживает тектонические геополитические сдвиги. Заканчивается многовековое доминирование Запада, в первую очередь Европы. В двадцатом столетии две мировые войны, спровоцированные Западом, показали исчерпанность силовых способов достижения экспансионистских геополитических целей. После Второй мировой войны Западная Европа в результате покровительства и зависимости от военной мощи США стала протекторатом Вашингтона.

Несмотря на успешный интеграционный проект, после падения Берлинской стены у европейцев начали вырабатываться коммунистические поведенческие рефлексy. Главная угроза существования Европейского Союза находится не в экономической сфере, а в росте гражданского тоталитаризма и диктатуры толерантности.

Мировой системный кризис привел к реанимации суперпроекта, направленного на сохранение Западом лидирующих позиций в глобальной конкуренции. Глобальный проект создания трансатлантической зоны свободной торговли (ТАФТА) или «экономического НАТО» должен, по мнению Вашингтона, сохранить лидирующие позиции Соединенных Штатов в мире. То есть на первое место выходит не битва за Евразию, а более тесное сплочение рядов западных союзников.

В 2014 году состоятся выборы в Европарламент, где по прогнозам существенно увеличится «партия» евроскептиков, идущих на выборы под лозунгом «Освободим Европу от Европейского Союза». Это не приведет в обозримом будущем к распаду Европейского Союза, но окончательно остановит продвижение в Великую Евразийскую степь, включая «европейский выбор» Украины. Дальнейшее расширение ЕС будет ограничено также дефицитом финансовых ресурсов, необходимостью «переварить» тылы на Балканах.

В условиях формирования новой геополитической архитектуры мира и сдвига полюсов экономического развития на Восток актуальной для Запада является не конфронтация с Россией, а геэкономический проект «Большой Европы» от Парижа до Владивостока. Когда Вашингтон по инерции заявляет, что не допустит евразийскую и другую интеграцию на постсоветском пространстве, значит надо к этому стремиться. Но евразийская интеграция выгодна Западу, так как переносит проблему расширения потребительского рынка ЕС за счет бедной Украины на более высокий уровень отношений между Европейским Союзом и формирующимся пока Евразийским экономическим союзом. Если этого не произойдет, евразийским проектом воспользуются (уже пользуются) незакомплексованные страны АТР, расширяющие интеграцию с Россией в экономической сфере.

Необходим не только межцивилизационный диалог западноевропейской и восточноевропейской традиций, а поиск новой модели отношений с мусульманским миром. А, как известно, именно евразийская Россия имеет многовековой опыт такого взаимодействия христианского (православного) и мусульманского мира. Поэтому в обозримом будущем наиболее приемлемой является геополитическая архитектура, исходящая из триады — Западная Европа, Восточная Европа и Туран, учитывающая особенности западно-христианской, православной и мусульманской (тюркской) цивилизаций. Фундаментом такой архитектуры миропорядка может служить геополитическая ось Берлин — Москва — Анкара.

Ведущим геополитическим игроком в Евразии-континенте становится коммунистический Китай, расширяющий экономическое присутствие за рубежом и создающий многочисленные плацдармы. Сложилась устойчивая тенденция усиления присутствия Китая в основных евразийских геополитических узлах Евразии. Но России и постсоветским странам не следует испытывать иллюзий о стратегическом союзе с Китаем.

В Синей книге «Доклад о развитии АТР» (2013), опубликованной Академией общественных наук Китая, отмечается, что Россия, несмотря на участие в ШОС, постоянно рассматривает Центральную Азию в качестве «сферы своего влияния», не обладая при этом необходимой экономической мощью. Поэтому Поднебесная непременно станет ведущей силой в регионе. В докладе особо подчеркивается, что, несмотря на разрешение ряда спорных пограничных вопросов и углубление стратегического взаимного доверия, **вероятность восстановления союзнических отношений между Пекином и Москвой невелика.**

Китай ведет активную политику по реализации Южной ветви Великого Шелкового пути в Центральной Азии и Ближнем Востоке. Пока техническим и одновременно политическим вопросом является стандарт железнодорожной колеи. Железные дороги Центральной Азии

имеют широкую российскую колею, а Китая — узкую европейскую. И если в Центральной Азии еще продолжаются переговоры о маршруте железнодорожной магистрали, то на Южном Кавказе трасса пройдет через Грузию и Азербайджан. Международное соглашение о строительстве и модернизации дороги было подписано Турцией, Грузией и Азербайджаном в 2005 году, но активная реализация проекта началась после визита в 2012 году турецкого премьер-министра в Пекин и подписанного соглашения о многомиллиардном финансировании проекта Китаем.

*В конце октября 2013 года вступил в строй подводный железнодорожный тоннель Мармарай протяженностью 13,6 км, в том числе 1,5 км под Босфором. Стоимость тоннеля составила примерно 4 млрд долл. Тоннель является частью проекта южной ветви Великого Шелкового пути. Скоростная железная дорога пересечет Турцию с запада (Эдирне) до востока (Карс), откуда через территорию Грузии и Азербайджана выйдет к Баку. Строительство турецкого участка железнодорожной магистрали (1,5 тыс. км) будет завершено к 2023 году.*

*В 2013 году в Турции произошла закладка азербайджанской компанией «SOCAR Turkiye» фундамента торгового порта Petkim Konteyner вблизи Измира (район Алиага). Предусмотрено строительство контейнерного терминала, способного обрабатывать до 4 млн контейнеров в год. Стоимость проекта 400 млн долл. Таким образом, Азербайджан получит выход по южной ветви ВШП в Средиземноморье и Мировой океан, грузы к порту будут доставляться железной дорогой.*

На Ближнем Востоке пока рано праздновать победу России в сирийском вопросе. В результате уничтожения химического оружия нарушился баланс сил в регионе (Леванте), где Израиль обладает ядерным оружием. Афганистан после «демократизации» и вывода основного американского военного контингента начнет постепенно возвращаться в Евразию с усилением роли Китая (один из проектов южной ветви Шелкового пути) и частично России.

На Балканах сложилось устойчивое военное присутствие Соединенных Штатов с опорой на марионеточные (криминальные) режимы в Косово и в ближайшем будущем в Черногории. Брюсселю предстоит непростая задача интеграции Балкан в геэкономическое пространство Евросоюза. Впервые за тысячелетнюю историю Крыма здесь также намечается присутствие Китая, что рано или поздно вызовет необходимость согласования со стратегическими интересами России в регионе.

В целом в Евразии-континенте наблюдается конкуренция трех интеграционных проектов (Евросоюза, российского и китайского). Таким образом, российский проект «Евразийского экономического союза», чтобы не стать имитационным, должен своевременно учитывать вызовы на западных и восточных рубежах Великой Евразийской степи.

# **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Джеймс ЭКТОН (США)

## **ОБЕЗОРУЖИВАЮЩИЙ МГНОВЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ УДАР И РОССИЯ**

В последние несколько месяцев высокопоставленные российские официальные лица неоднократно выражали озабоченность по поводу американской программы развития быстрых высокоточных неядерных видов вооружений дальнего действия. Наиболее примечательно то, что президент Путин, обращаясь 12 декабря 2013 года с Посланием к Федеральному Собранию, упомянул «так называемую концепцию «обезоруживающего мгновенного глобального удара» (ОМГУ) и предупредил, что «увеличение зарубежными странами потенциала стратегических высокоточных систем в неядерном исполнении в сочетании с наращиванием возможностей систем ПРО может свести на нет все ранее достигнутые договоренности в области ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений, привести к нарушению так называемого стратегического баланса сил».

«Россия, — добавил далее Президент, — ответит на все эти вызовы: и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть».

И действительно, один такой ответ был предан гласности еще до оглашения Путиным Послания: 11 декабря заместитель председателя правительства Рогозин напомнил государствам, «экспериментирующим с неядерными стратегическими вооружениями», что, «если на нас будет совершено нападение, мы, несомненно, используем ядерные вооружения в определенных ситуациях для защиты нашей территории и государственных интересов». Шесть дней спустя после выступления Путина командующий Ракетными войсками стратегического назначения России генерал-лейтенант Сергей Каракаев заявил, что в качестве прямого ответа на ОМГУ Россия «разработает предварительный проект» новой рельсовой межконтинентальной баллистической ракеты. Более того, есть и свидетельство, что Россия ведет исследовательскую работу по созданию собственных видов вооружений, подобных ОМГУ.

Беспокойства россиян по поводу ОМГУ искренни и заслуживают того, чтобы к ним относиться очень серьезно. Важно и то, чтобы творцы политики в Москве основывали свои ответные шаги на реалистических оценках осуществления и целей программы ОМГУ. Породила программа технология, а не четкая стратегическая потребность, и ее цели так никогда и не были обозначены четко и определенно. Более того, принимая во внимание ряд программных изменений за последнее десятилетие, вряд ли кто удивится тому, что наблюдатели невнятно говорят про то, какие технические идеи рассматриваются, а какие были отставлены.

В настоящее время программа ОМГУ находится в стадии исследования и разработки. До сих пор не было принято никакого решения о госзаказе на какую-либо оружейную систему. Тем не менее в администрации Обамы дали понять, что там надеются на принятие решения о госзаказе в течение ближайших нескольких лет.

Часто цель программы ОМГУ представляют как разработку высокоточных обычных вооружений, способных поражать цель где угодно в мире в пределах одного часа. Направленность программы, однако, ныне сместилась в сторону разработки неглобальных систем. В настоящее время почти все финансирование сосредоточено на «усовершенствованном сверхзвуковом оружии» — пикирующем, возвращаемом в атмосферу средством доставки, которое будет планировать в верхних слоях атмосферы после запуска с ракеты. Если дойдет до создания, то «усовершенствованное сверхзвуковое оружие» могло бы базироваться на суше или на море и, по сведениям Национальной академии наук США, иметь дальность полета около 8000 км. Пока «усовершенствованное сверхзвуковое оружие» было испытано всего один раз, успешно покрыв расстояние в 3800 км.

В самом недавнем оборонном бюджете США финансирование более известной системы «форсаж-пике» глобальной дальности, «сверхзвукового технического средства доставки-2», было урезано едва ли не полностью, и после провалов двух летних испытаний программа была низведена до положения «смягчения риска». В таком виде от нее в конечном итоге отказались, как и от многих других концепций ОМГУ, в том числе и от установки неядерных боеголовок на баллистические ракеты морского и наземного базирования, предназначавшиеся для доставки ядерного оружия, а также от использования перехватчиков противоракетной обороны морского базирования в качестве наступательного оружия.

Если и когда дело дойдет до госзаказа, то «усовершенствованное сверхзвуковое оружие» вряд ли окажется единственным оружейным проектом, который будет рассматриваться. Есть основания считать, что администрация Обамы изучает возможности новой баллистиче-

ской ракеты морского базирования средней дальности, которая могла бы быть оснащена либо пикирующей боеголовкой, либо управляемой, но не пикирующей. Сверхзвуковые крылатые ракеты, которые разрабатываются, в бюрократическом смысле, отдельно от ОМГУ, тоже могут быть приняты во внимание. Вдобавок, поскольку администрация Обамы привержена принципу конкуренции при выработке госзаказа, промышленность также способна выдвинуть какие-то дополнительные идеи.

Учитывая нынешний настрой на финансовый аскетизм в Соединенных Штатах, возможно, что программа ОМГУ будет закрыта либо администрацией, либо Конгрессом США. Конгресс в общем поддержал концепцию ОМГУ, зато он упорно противился осуществлению ряда конкретных проектов (в том числе переналадке баллистических ракет «Трайидент-Д5» под неядерные боеголовки). Нет никакой гарантии, что он откроет финансирование какой-либо заявке на госзаказ.

Более того, если госзаказ будет получен, то развертывание вряд ли произойдет ранее середины 2020-х годов. Из-за своей технической сложности. Понадобится десяток лет на разработку и испытания таких технически сложных систем, как вооружения типа форсаж-пике или сверхзвуковые крылатые ракеты. Баллистическую ракету морского базирования средней дальности можно создать быстрее, если вооружить ее управляемым (не пикирующим), возвращаемым в атмосферу средством доставки. Однако разместить ее будет нельзя, если и пока не появятся модифицированные атакующие подводные лодки класса «Виргиния». Даже если Конгресс утвердит финансирование программы строительства таких модифицированных подлодок (а он может и не утвердить), они также не появятся ранее середины 2020-х годов.

Не только не было принято пока никакого решения о приобретении вооружений ОМГУ, но не было к тому же и никакого решения о задачах, для решения которых эти вооружения могли бы размещаться. Замечание Путина свидетельствует об обеспокоенности, часто высказываемой российскими аналитиками и официальными лицами, что вооружения ОМГУ могут быть использованы для нападения на ядерные силы России. Администрации Джорджа У. Буша и Обамы обосновывали возможность обретения оружия ОМГУ для того, чтобы подвергнуть риску ядерный потенциал противника. Однако единственными потенциальными целями, на которые они указывали, были Северная Корея, или заполучивший ядерное оружие Иран, или (там, где такая конкретность была неуместной) «государства-изгои» или «региональные противники». (Россия, напротив, на военном жаргоне США именуется «конкурентом почти на равных».)

Более того, мало поддержки находит идея «замены» большого числа ядерных вооружений вооружениями в неядерном исполнении.

Открыто она была выдвинута генералом Картрайтом, когда он был командующим стратегическими силами США во времена администрации Буша. Однако идея эта никогда не находила большой поддержки у правительства США, а теперь и вовсе лишилась всякого расположения. Чтобы быть точным, следует признать, что у Соединенных Штатов, действительно, есть долговременная заинтересованность в создании неядерных вариантов сценариев в тех случаях, когда нанесение даже маломасштабных ядерных ударов, возможно, лишено надежности, но при всем при том широкомасштабная замена — это совсем другое дело. Действительно, администрация Обамы со своей стороны пообещала, что ОМГУ «не окажет отрицательного [воздействия] на стабильность наших ядерных отношений с Россией и Китаем».

Другие потенциальные задачи для ОМГУ включают в себя нападение на неядерные силы. Правительство Соединенных Штатов испытывает все возрастающее беспокойство из-за военной модернизации Китая. Создание Пекином средств противодоступа/непроходимости, которые предназначены воспрепятствовать войскам США пользоваться свободой передвижения во время конфликта по всей западной части Тихого океана, вызывает особую озабоченность, как и предпринимаемые Китаем усилия по созданию противоспутникового оружия. Официальные лица США открыто связывают вооружения ОМГУ с противостоянием этим угрозам. Говорят и о возможностях применять ОМГУ в антитеррористической борьбе. И опять: ни одна из этих потенциальных задач не предусматривает ударов против России.

Разумеется, чтобы убедить Россию, потребуются нечто большее, чем слова о том, что в случае их размещения вооружения ОМГУ не будут угрожать ее безопасности.

Контроль за вооружениями призван сыграть важную роль в смягчении рисков, связанных с возможным размещением неядерных вооружений типа «форсаж-пике» или баллистических ракет без ядерной начинки. В самом деле, по новому Договору о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), межконтинентальные баллистические ракеты или баллистические ракеты морского базирования, оснащенные неядерными боеголовками, попадают под действие Договора. (Россия и Соединенные Штаты не нашли согласия в том, следует ли отнести вооружения типа «форсаж-пике» межконтинентальной дальности в число попадающих под действие Договора, но такое разногласие, видимо, носит дискуссионный характер, поскольку вряд ли какие-либо подобные вооружения будут взяты на вооружение до того, как истечет срок действия Договора.) Глядя в будущее, оба государства должны использовать возможности для того, чтобы все стратегические неядерные средства попали под действие будущего договора. Вместе с тем, при все еще

не разрешенных нынешних разногласиях по поводу противоракетной обороны, перспективы нового договора скудны, а потому представляется более вероятным (во всяком случае, на некоторое время), что основанный на Договоре подход применительно к оружию типа «форсаж-пике» не будет иметь места.

Между тем Россия и Соединенные Штаты должны проявлять прагматизм и делать упор на мерах по упрочению доверия. Обнародование планов госзаказа, взаимный обмен данными, совместные исследования, инспекции и уведомления о запусках — все это могло бы способствовать укреплению общей безопасности. Первым шагом в этом процессе должны стать обсуждения, с тем чтобы Москва и Вашингтон могли прийти к своего рода общему пониманию последствий стратегических неядерных вооружений для стратегической стабильности.

Есть реальная опасность того, что длительные разногласия между США и Россией по поводу противоракетной обороны с новой силой вспыхнут при обсуждении ОМГУ и, видимо, высокоточных обычных вооружений. По сути, если системы противоракетной обороны США будут продолжать создаваться еще медленнее, чем ожидалось (о чем свидетельствует недавний отказ от 4-го этапа Европейского поэтапного адаптивного подхода), то высокоточные неядерные вооружения вполне могут стать не одним из, а главным раздражителем для американо-российского стратегического партнерства. И у Москвы, и у Вашингтона наличествует четкая заинтересованность в том, чтобы избежать такого исхода.

По счастью, имеется одно решающее различие между ОГМУ и ПРО в смысле нахождения решений: первый все еще является программой исследования и разработки. Ни единого решения по госзаказу на какое бы то ни было оружие ОМГУ еще не было принято, и его размещение, если таковое произойдет, отдалено от нас, по меньшей мере, на десятилетие. В результате сотрудничество, скорее всего, будет успешнее, чем в случае с противоракетной обороной, которая уже развернута. Впрочем, окно возможностей не будет открытым вечно. России и Соединенным Штатам следует предпринять попытку воспользоваться благоприятной возможностью как можно скорее.

Эрнест СУЛТАНОВ

## **ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ШАХМАТЫ: ПАРТИЯ РОССИИ**

*Приход к власти Владимира Путина совпал с началом нового периода роста цен на нефть на мировых рынках. В свою очередь высокие цены на энергоресурсы сыграли важную роль в обеспечении социально-политической стабильности в России. Поддержание этой стабильности стало для Москвы одним из приоритетов, определяющих, в том числе, и ее внешнюю политику.*

### **Газ против нефти**

В 1970-е годы средняя цена нефти выросла по сравнению с предыдущим десятилетием более чем в десять раз. Причем положительный эффект для Советского Союза от этого был гораздо выше, чем для других стран — экспортеров углеводородного сырья. В то время как страны ОПЕК снизили поставки на мировой рынок, СССР, наоборот, увеличил производство нефти (с 285 млн т в 1970 году до 527 млн т в 1979 году). Рост доходов от экспорта нефти во многом обеспечил социально-политическую стабильность Советского Союза в 1970-е и начале 1980-х годов.

Во второй половине 1980-х годов более чем двукратное падение цен на углеводородное сырье на мировом рынке привело как к социальной, так и к политической дестабилизации в СССР. В 1990-е годы ситуация на энергетическом рынке, учитывая инфляцию, ухудшилась даже по сравнению с предыдущим десятилетием. Фактически ситуация 1970-х годов повторилась в точности наоборот: Россия не только потеряла на цене, но и на объемах, снизившихся практически в два раза (до 305 млн т) по сравнению с пиком производства в 1987 году (569 млн т).

Начиная с 1999 года, то есть в период, когда Владимир Путин стал премьер-министром России, цены на углеводородное сырье начали вновь расти. Причем в среднем по сравнению со второй половиной 1990-х годов цена нефти в 2000-х годах выросла более чем в 4–5 раз. Одновременно восстановилось и производство нефти (до 480–490 млн т). А доля России в мировой добыче нефти в течение 2000–2013 годов воз-

росла с 8,9% до более чем 13%. При этом, даже несмотря на новый золотой период нефтяной отрасли для Москвы в 2000-х годах, оставался открытым вопрос, как избежать потенциального снижения цен на энергоресурсы.

Дело в том, что у Москвы нет действенных инструментов влияния на стоимость углеводородного сырья. Прежде всего, Россия не обладает запасом мощностей, которые можно по мере необходимости задействовать как для повышения, так и для снижения производства. Зато такой запас есть у другого нефтяного лидера, Саудовской Аравии, которая может в случае необходимости за короткое время нарастить или снизить добычу на несколько миллионов баррелей. Москва не может влиять и на политику стран-экспортеров, как это делает Эр-Рияд, фактически являющийся лидером ОПЕК. Кроме того, по доказанным запасам углеводородного сырья Россия занимает лишь девятое место в мире.

Цены на газ в отличие от нефтяных определяются на региональном уровне. В этом плане у Москвы есть гораздо больше возможностей оказывать влияние на газовый рынок, чем на нефтяной. Дело в том, что Россия является безусловным лидером не только по объемам добычи, но и с точки зрения доказанных запасов газа. А основные конкуренты Москвы на этом рынке гораздо в большей мере подвержены геополитическим рискам: достаточно сказать, что Катар и Иран «делят» одно и то же газовое месторождение.

Газовый рынок предполагает более долгосрочные отношения между поставщиком и покупателем из-за преобладания трубопроводных поставок по сравнению с танкерными и ограниченности в этой связи спотового рынка. Одновременно предполагается, что спрос на газ на мировом рынке будет расти более быстрыми темпами, чем на нефть: по оценкам Международного энергетического агентства, на 1,6% в год до 2035 года, то есть как минимум в два раза быстрее... Причем доля газа должна увеличиться в энергетической корзине с 21% в 2010 году до 25% в 2035 году.

Соответственно, для обеспечения большей внутренней стабильности российское руководство в 2000-х годах сделало ставку на более перспективный и более контролируемый по сравнению с нефтью газ. И весьма показательно, что государство не только не снизило свой пакет акций в Газпроме, но и довело его до контрольного (более 50%). При этом и возник геэкономический вопрос: куда направить экспортные усилия?

### **Европейское направление**

У Москвы было несколько альтернатив реализации экспортной стратегии. В этот период, например, ряд российских нефтяных компа-

ний начали танкерные поставки в США и одновременно по железной дороге — в Китай. Однако для газового экспорта основным направлением было выбрано европейское. Дело в том, что именно европейский рынок является одним из наиболее перспективных. Это связано с продолжающимся снижением местного производства, прежде всего в Северном море, а также с тем обстоятельством, что доля газа в энергопотреблении ЕС будет расти. Для этого есть и экологические основания, связанные как с Киотскими соглашениями, так и с ограничениями, наложенными на атомную энергетику.

В пользу европейского варианта говорило сразу несколько факторов, включая хорошие личные отношения, сложившиеся между Владимиром Путиным и рядом европейских лидеров (Азнар, Берлускони, Ширак, Шредер). Показательно, что хабом для дальнейшего реэкспорта и основным рынком для газопровода «Северный поток» должна была стать Германия, а для «Южного» — Италия. «Северный поток» после окончания политической карьеры возглавил Герхардт Шредер, а руководство «Южным» было предложено бывшему премьер-министру Италии Романо Проди.

Внешняя политика США при Джордже Буше создавала дополнительные условия для альянса между Москвой и основными европейскими столицами — Парижем и Берлином. Причем, несмотря на сдержанную позицию Еврокомиссии по энергетическому партнерству с Россией, реальных альтернатив по импорту газа у Брюсселя в начале 2000-х годов не было. Конкурирующий проект Набукко фактически забуксовал из-за отсутствия сырьевой базы. Возобновляемая энергетика, при всей своей популярности, была дорогим удовольствием и поэтому составляла лишь незначительный процент от общеевропейского потребления. Ставка же на уголь была невозможна по экологическим причинам.

В рамках этой стратегии Россия допустила ключевые компании из наиболее близких европейских стран к участию в проектах на своей территории. В частности, итальянская Eni заключила соглашение о стратегическом партнерстве с Газпромом, которое предусматривает, в том числе, и совместную разработку ряда месторождений, в частности Самбургского. Одновременно Газпром получил возможность напрямую работать на итальянском газовом рынке. Однако ключевым элементом российской энергетической стратегии стал запуск двух новых газопроводных проектов. Общие мощности «Северного потока» и «Южного потока» должны составить около 120 млрд куб. м в год — это в 4 раза больше, чем нереализованный Набукко, или в 12 раз больше, чем оставшийся от него ТАР.

Москва также рассчитывала, что энергетика станет основой экономического партнерства, включая и сотрудничество в высокотехнологиче-

ской сфере. В этой связи примечательно, например, что российский госбанк вошел в акционерный капитал авиапромышленной группы EADS. Одновременно российские госкорпорации активно начали сотрудничать со своими партнерами в Италии, Франции и Германии.

Несмотря на отдельные успешные проекты с компаниями из стран Европы, партнерства с ЕС на энергетическом поле не получилось. Брюссель изначально настороженно относился к перспективам слишком существенного российского проникновения. Например, полная реализация всех трубопроводных инициатив уже к 2020 году должна была увеличить долю российского газа в ЕС до 30%. Однако в условиях расширения рынка СПГ и сланцевой революции в Америке и Австралии объективная зависимость от России должна снизиться даже без Набукко. Проект «европейского газопровода» спокойно закрыли именно в тот момент, когда появилась реальная перспектива газового экспорта из Канады и, возможно, даже США. Кроме того, Москва лишилась своих персональных козырей: в нынешней «Большой восьмерке» нет «старых друзей» Владимира Путина.

Таким образом, Москва столкнулась с нежеланием Европы строить стратегическое партнерство. Попытки довести газопроводы любой ценой скорее вызвали ответную оборонительную реакцию. Еврокомиссия начала антимонопольное расследование в отношении Газпрома, сумма штрафа по которому может составить до 10% от общего оборота компании за год. Причем это расследование может продолжаться в течение нескольких лет, вплоть до того момента, когда станет окончательно понятно, насколько американский газ сможет стать альтернативой российскому. Кроме того, был ограничен доступ газа из уже запущенного «Северного потока» в общеевропейскую сеть.

Сотрудничество не состоялось и в других сферах. Полноценной автомобильной локализации европейские концерны так и не обеспечили, одновременно была заблокирована продажа OPEL российскому консорциуму во главе со Сбербанком. Европейцы отказались реализовывать с Москвой свою спутниковую программу: проекты двойного назначения предполагают совершенно другой уровень доверия. Что же касается участия российского госбанка в акционерном капитале EADS (другой чувствительный актив), то оно осталось чисто финансовым: Москве не позволили даже провести своего представителя в Совет директоров авиастроительной корпорации. В итоге акции EADS перешли от активного инвестора (ВТБ) к пассивному (ВЭБ) с последующей продажей российской доли в авиастроительной корпорации. Другой совместный российско-итальянский авиационный проект SSuperjet оказался на грани банкротства, в том числе и из-за отсутствия европейских заказов.

В международно-политической плоскости отношения также не переросли в стратегическое партнерство. Если во время вторжения

США в Ирак Москве удалось привлечь на свою сторону ряд европейских столиц, то сегодня по Сирии Россия оказалась фактически в изоляции. Реализация ЕвроПРО также началась на фоне удачного для европейцев разоружения российской энергетической угрозы.

Китайское направление. Сотрудничество с Китаем в рамках ШОС являлось элементом энергетической политики Москвы. Дело в том, что создание «восточного блока» позволило максимально вовлечь Китай в отношения с центрально-азиатскими странами. Таким образом, страны региона, прежде всего Казахстан и Туркменистан, направили свой энергетический экспорт в сторону Китая. Это снизило потенциал их участия в спонсируемом европейцами Набукко, тем самым убирая конкурентов для российского экспорта на западном направлении.

Что касается китайского рынка, то Москва фактически уступила его в пользу европейского в ситуации, когда у нее был реальный шанс закрепиться на нем. Дело в том, что вплоть до 2008 года темпы роста экономики Китая составляли около 12% в год, что означало повышенные потребности в энергоресурсах. Причем доля газа в общем энергопотреблении Китая должна была только расти: если в 2010 году она составляла 4%, то в 2015 году должна была составить уже 8%.

Необходимо также учесть, что Пекин крайне болезненно воспринимал возможность перекрытия поставок. Именно в этот период впервые появились угрожающие, в том числ, и танкерам, «сомалийские пираты», а в отношении Ирана и Судана начали вводиться новые санкции. Соответственно, в плане создания энергетического альянса Пекин был крайне заинтересован в Москве.

Реализация ориентированных на Китай проектов началась уже после мирового кризиса, когда Москва была больше заинтересована в допуске к финансовым ресурсам Пекина. Кроме того, после 2008 года темпы роста китайской экономики существенно снизились. На этом фоне уже не столько Россия обеспечивала себе стабильный рынок, сколько Китай — стабильное снижение к общерыночной цене.

### Контроль за поставками

Фактически Москве так и не удалось реализовать свою энергетическую политику, основанную на отношениях с конечными потребителями. Сланцевая революция создает условия для возвращения ситуации 1980-х годов, когда США и Саудовская Аравия совместно обвалили цены на нефтяном рынке, тем самым нанеся удар по советской экономике. Сегодня эта ситуация может повториться на газовом рынке региона МЕТР (Middle East, Europe, Turkey, Russia). Сами Соединенные Штаты в течение ближайших нескольких лет могут стать ключевым экспортером газа в Европу. А с учетом влияния на Ближнем Вос-

токе именно Вашингтон, а не Москва будет определять цены на газ в Европе. В свою очередь, потенциальное «опускание цен» создает риски с точки зрения наполняемости российского бюджета, а соответственно, и социально-экономической стабильности в России.

Однако если не допустить газового экспорта из США Москва не может, то повлиять на ситуацию на Ближнем Востоке она вполне способна. У России есть возможность усилить свое влияние в регионе через отношения с двумя ключевыми игроками — Турцией и Ираном. Причем тема высоких цен на сырье потенциально может заинтересовать и Турцию, если в результате она сумеет из страны транзита стать энергетическим хабом — продавцом сырья.

В отличие от остальных партнеров Москвы для Турции отношения с Россией в энергетической сфере носят стратегический характер. То есть без согласованной политики могут пострадать и одни, и другие интересы. Замедление роста турецкой экономики неизбежно сказывается и на импорте российских энергоресурсов. Показательно в этом плане, что даже сирийская проблема не смогла усложнить турецко-российское партнерство. Более того, Турция подписала соглашение с ШОС, чтобы обеспечить дополнительный инструмент для диалога, прежде всего, с Россией.

Опыт успешного геополитического партнерства с Турцией у Москвы есть. В начале XX века «Красная Анатолия» пришла к соглашению с большевистской Россией по переходу Закавказья в сферу влияния Москвы в обмен на определенные территориальные уступки и военноматериальную помощь. В свою очередь, во время конфликта между Россией и Грузией в 2008 году Турция фактически закрыла Черное море для кораблей НАТО вплоть до окончания конфликта.

Таким образом, усиление двух потенциальных партнеров в регионе играет на пользу России как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе: эти отношения позволят сохранить контроль над ценами на энергоресурсы. Чем больше Турция и Иран будут контролировать ситуацию на Ближнем Востоке, тем больше у них будет ресурсов. Как и в случае «Шелкового пути», контроль над поставками обеспечивает высокие цены. Потеря же контроля со стороны Оттоманской империи над Ближним Востоком автоматически привела к появлению альтернативных поставщиков и снижению цен.

Тегеран также является одним из ключевых партнеров России в регионе. Причем одним из немногих покупателей российской высокотехнологичной продукции, в том числе и авиации.

В свою очередь, американская администрация ставит больше на создание контролируемого баланса сил в регионе. То есть речь идет о контроле за регионом без проведения дорогостоящих и непопулярных наземных военных операций.

Этот баланс поддерживается в рамках треугольника Саудовская Аравия — Турция и Иран. При этом ни один из участников процесса не должен стать слишком сильным, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Такая ситуация позволяет контролировать цены на сырье. В этом плане Арабская весна была положительным явлением с точки зрения противостояния чрезмерному усилению Ирана. Однако на фоне усиления альянса Турция — «Братья-мусульмане» риски возникали для второго участника «антииранской коалиции» — Саудовской Аравии. Дело в том, что «старейший режим» фактически оказывался окруженным альтернативными силами — с одной стороны, близкими Ирану, с другой — Турции и «Братьям-мусульманам». Достаточно сказать, что в Йемене местные «Братья» выиграла на выборах, а в Иордании представляют ключевую политическую силу в стране. В этих условиях, как и во времена Насера, для Эр-Рияда, а также других заливных монархий, возникала реальная угроза смены режима.

Переворот в Египте фактически стал продолжением политики удержания существующего баланса. Однако возникший конфликт между Эр-Риядом и «Братьями-мусульманами» фактически создал плацдарм для потенциального альянса между конкурентами Саудовской Аравии. В этом плане показательно, что в последнее время вновь усилилось взаимодействие между Тегераном и движением «Хамас».

Для недопущения этого союза фактически вновь была поднята тема Сирии. Дело в том, что этот вопрос продолжает разъединять Тегеран и Анкару. В этом плане удар по позициям Асада должен вызвать ответную реакцию Ирана, в том числе, в отношении Турции. Это приведет к снижению самостоятельности в игре правительства Эрдогана и его более плотному взаимодействию с Вашингтоном и НАТО.

Итогом данной игры должно стать ослабление ключевых региональных игроков — Ирана и Турции. Причем, если в краткосрочной перспективе за счет роста котировок ситуация может оказаться выгодной для Москвы, то в перспективе она усилит контроль за ценами со стороны Вашингтона. Кроме того, и Турция, потеряв надежды на получение своей доли сырьевого пирога, будет больше заинтересована в снижении цен, что также негативно отразится на социально-экономической стабильности в России.

В этой ситуации Москва заинтересована в стабилизации отношений между Ираном, с одной стороны, и Турцией — «Братьями-мусульманами», с другой. Основанием для сближения может стать как раз ситуация в Египте. При этом такая возможность реально существует, учитывая, что основной интерес как для Турции, так и для Ирана представляют богатые монархии Персидского залива, а не экономически затратные проекты — Сирия и Египет.

Эльдар КАСАЕВ

## **АРАБСКИЕ НЕФТЬ И ГАЗ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ\***

Сегодня энергетическая политика арабских стран является одной из популярнейших тем в международных экспертных кругах. Россия не является исключением, напротив, наше государство пристально наблюдает за ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Ведь этот регион крайне важен для Москвы не только с внешнеполитических, но и внешнеэкономических соображений. Тем не менее, даже постоянная «слежка» за арабскими перипетиями часто не дает ожидаемого положительного результата. Причина в следующем — различные государства Арабского Востока имеют свою специфику.

### **Багдадские хитрости**

Рассмотрим, например, Ирак. В этой стране закон не имеет той силы, которой обладают личные договоренности. Примером служит то, что в стране много лет обсуждается законопроект, который направлен на регулирование углеводородной отрасли, но до сих пор не может быть принят и обрести форму закона.

Осенью минувшего года в Россию приезжал премьер-министр Ирака Нури аль-Малики, который является шиитом, но в ходе визита представлял интересы государства, так как прибыл по приглашению президента России Владимира Путина в качестве официального лица.

В переговорах с крупными российскими чиновниками и предпринимателями иракец заявил о прозрачности всех нефтяных операций, проводимых Багдадом. Однако в настоящее время в стране происходит «нефтяной передел». Запасы черного золота, залегающие на иракской территории, распределены крайне неоднородно. Несмотря на положение Конституции о том, что нефть и газ являются собственностью иракского народа, де-факто дела обстоят вовсе не так прозрачно, как записано в основном законе.

---

\* Полная версия этой статьи под названием «Арабская нефтегазовая политика: задачи для России» опубликована в журнале «Стратегия России». 2013. № 6. — С. 77–88.

Провинции, на которые поделен Ирак, считают так: если месторождение расположено на их территории, то львиную долю от продажи углеводородов должны получать население или какой-то специальный фонд, который потом будет распределять полученные от сбыта финансовые средства между гражданами.

Курды заявляют, что они хотят отделиться, и основное крупное месторождение Киркук, расположенное на севере страны, принадлежит им. Соответственно и доходы от нефтеэкспорта тоже курдские. Сунниты вообще бьют в колокола, так как на их территории меньше всего минеральных ресурсов. Фактически, они остаются не у дел. У шиитов на юге достаточно углеводородов, но они тоже хотят получить прибыль не только со своей, но и с курдской территории.

По моим прогнозам, еще на протяжении нескольких лет в Ираке не удастся достичь ни мира, ни принятия углеводородного закона.

Есть мнение, что российские компании боятся заходить на рынки арабских государств, так как опасаются, что могут последовать экономические санкции конкурентов на других территориях. Подобное заявление не отвечает действительности.

Отечественный бизнес ведет переговоры, пытается вернуть потерянные рынки (Ливия) и закрепиться на новых (Катар). Ирак — это отдельный пример.

Я был одним из немногих специалистов, который до конца надеялся на то, что «Лукойл Оверсиз» удастся вернуть проект «Западная Курна-2», который компания потеряла в 2002 году. В средствах массовой информации высказывались исключительно пессимистичные прогнозы. В частности, заявления о том, что возвращение россиян невозможно. Однако позже «Лукойл Оверсиз» все же получил проект «Западная Курна-2», чем оправдал авторский прогноз.

Говоря об иракской нефтяной политике, стоит делать основной акцент не на позиции США, а на взаимоотношения между Багдадом и Эрбилем. Так, Иракский Курдистан имеет собственное министерство нефти и региональный закон, который позволяет инвесторам с меньшими рисками работать на курдской территории.

Региональное правительство Курдистана уже несколько лет заключает договоры с иностранными компаниями, минуя федеральные власти, что не устраивает центр.

Министерство нефти Ирака заявило, что компании, все без исключения, которые работают с Курдистаном в нарушение иракской Конституции, будут подвержены различным санкциям со стороны Багдада. Крупная американская компания ExxonMobil после заключения договора с курдской стороной была отстранена от участия в четвертом раунде общенациональных торгов.

Примечательно, что американские концерны не так широко сейчас представлены в Ираке, как азиатские. И я это объясняю тем, что в Азии быстро растущий рынок. Учитывая огромный человеческий ресурс и развивающиеся экономики этих государств, им надо браться за любой проект.

Тем не менее, не исключено, что впоследствии американцы придут на все готовое, после того как геологоразведку проведут компании из других стран.

Сейчас Ирак действует во многом самостоятельно. Багдад проводит аукционы, заключает контракты, в казну идут средства, и Белый дом вроде бы не вмешивается. Может быть, США дают возможность тем, кого ущемлял Саддам Хусейн, почувствовать себя независимыми, но когда потребуется, Вашингтон способен оперативно закрутить гайки, напомнив иракцам о своем авторитете.

Американцы активно помогают Багдаду минимизировать военно-политические риски. Ведь определенные американские силы на территории Ирака остались. Они пытаются хоть как-то сдерживать внутреннюю борьбу между кланами, а также этническими и конфессиональными группами. Сегодня уже никому не на руку подрывы крупных предприятий или инфраструктуры для экспорта энергоносителей. США сейчас нацелены на стабилизацию Ирака, и если их убрать оттуда, тократно усилятся кровопролитие и теракты.

Примечательно, что без технологий иностранных компаний ни одна арабская страна не сможет самостоятельно осуществлять все фазы, которые предусмотрены в нефтяной промышленности. Поскольку должен быть и уникальный опыт, и наработки, и специалисты, и учебные заведения. Порядка 200 иракцев постоянно обучаются в профильном университете России, который готовит как раз инженеров-технологов, которые впоследствии будут вести полезную деятельность в углеводородной отрасли собственной страны.

Стоит напомнить, что иракская нефтяная промышленность разрабатывалась в основном силами советских специалистов. Сейчас Багдад всерьез нацелен поднимать газовый сектор, и вполне возможно, что российские компании также будут участвовать в этом.

Западные фирмы, отечественные нефтяники и газовики необходимы арабам для того, чтобы модернизировать собственную экономику и зарабатывать деньги. Здесь возникает поле для коррупции, ведь у каждого свои интересы. У иностранной компании — выиграть тендер и, может быть, сделать это теневым путем, а не участвовать в мероприятии, где идет открытое голосование: кто предложит меньше за добытую нефть, тому и отдадут участок. Заманчивее встретиться кулуарно, договориться, подписать бумаги и в закрытом режиме начать вести деятельность. Это во-первых.

Во-вторых, чего хотят местные власти. Прежде всего, меньше выплатить подрядчику за добытое сырье и больше оставить себе, потому что это основной доход страны и очень хорошее поле, чтобы «собрать урожай в свою корзину».

В западных источниках можно встретить постоянные сообщения, с периодичностью в квартал, что тот или иной чиновник в Ираке был замешан в коррупционном скандале. То ему предложили взятку, то он обещал иностранным компаниям «на особых условиях», без тендера, попасть на местный рынок, и ему за это посулили виллу за рубежом. Примеры можно множить.

Следует очень аккуратно походить к каждому конкретному случаю, так как трио — Ирак, нефть и газ — уже стало категориями, которые часто используются для информационного давления и политической игры. Очень часто заявления носят провокационный характер, сделаны по заказу какой-либо из организаций или даже официальных структур.

Тем не менее, с годами ситуация все-таки немного стабилизируется. За последние несколько лет прошло четыре раунда торгов по лицензированию иракских недр.

Первый из них откровенно провалился, поскольку компании хоть и прошли предквалификацию, но фактически не приняли участия в аукционе — Багдад обозначал очень низкую плату за добытую нефть. Плюсы работы в этом арабском государстве в том, что нефть очень высокого качества и залегаает не так глубоко.

Вести деятельность в Ираке — это доказывать мировому сообществу, что ты серьезный игрок и можешь реализовать крупные проекты, находящиеся за рубежом. Это своего рода лакмусовая бумажка, которая показывает уровень подрядчика. В то же время, низкая плата за каждый добытый баррель нефти оттолкнула зарубежные концерны. Специалисты этих компаний подсчитали, что, даже учитывая все названные плюсы, военно-политические, экономические, правовые риски все же высоки.

Проанализировав допущенные просчеты, иракские власти провели еще несколько раундов торгов, и по их результатам российские компании добились права осваивать ряд участков.

Причем, если во время второго и третьего тендеров «Лукойл Оверсиз» и «Газпром нефти» достались два крупных месторождения с уже доказанными запасами, то по итогам четвертого раунда, который состоялся минувшей весной, «Лукойл Оверсиз» получила еще один блок, который хоть и не имеет доказанных запасов, но имеет потенциальные залежи для разведки. Если будут найдены ресурсы и состоится коммерческое открытие месторождения, компания фактически может рассчитывать на большую площадь для того, чтобы начать производство.

«Башнефть», которая непосредственно в самом тендере не смогла добиться победы в составе консорциума, впоследствии на условии двусторонних переговоров с министерством нефти Ирака заключила договор на геологоразведку и последующую добычу нефти на одном из блоков.

Многие эксперты говорят об американском засилье в Ираке, подчеркивая тем самым, что россиянам нечего делать на этом рынке. Однако, как показывает практика, российские компании вполне успешно пробивают себе дорогу.

Сегодня Россия ведет очень серьезные проекты в Ираке, и их дальнейшая судьба во многом зависит от умения Москвы продолжать политический диалог с Багдадом. Конечно, никто не застрахован от форс-мажора, но российский бизнес имеет хороший задел и в перспективе способен получить дополнительные возможности проявить себя.

Все проекты были получены российской стороной по итогам официальных тендеров, а не теневым способом. На прошлогоднем аукционе было разыграно 12 участков. В итоге победителей обрели лишь три блока, причем один из них, как было отмечено выше, достался «Лукойл Оверсиз». Присовокупив к этому участок, полученный чуть позже «Башнефтью», можно сказать, что половина в руках России.

### Ливийские уроки

Российские нефтяники разрабатывали углеводородную сферу этого североафриканского государства. Власть сменилась, и сегодня отечественным компаниям фактически доступ туда закрыт. Отрасль занята другими государствами. И тут ярко проявляются «двойные стандарты» большой политики, поскольку известно, что сторонниками свержения Муаммара Каддафи выступили западные страны, хотя ранее они активно сотрудничали с ним, но конъюнктурные и материалистические интересы взяли верх.

Концерны из Италии, Франции, Германии вновь ведут работу на ливийском рынке, Россия же осталась не у дел, и в Триполи открыто называют причину: во время «арабской весны» Москва четко не обозначила своей позиции, одновременно ведя переговоры с прежней и нынешней властью.

В обозримой перспективе российский нефтяной бизнес не восстановит свои прежние позиции на этом рынке, но в среднесрочной — возможно. Ведь ливийскую инфраструктуру нужно модернизировать, и отечественные компании, имея богатый опыт и необходимые навыки, все-таки способны это сделать.

Чтобы показать, что Ливия не настолько коррумпирована, как при прежнем режиме, власти проводят проверку крупных компаний на

коррупционную составляющую контрактов, которые были заключены несколько лет назад.

Насколько эта проверка действительно серьезная — сложно сказать. В одной из французских известных газет было опубликовано секретное послание повстанцев эмиру Катара. В этом письме было сказано, что западные компании получают за поддержку оппозиционных сил более 30% ливийской нефти. Само собой, европейские официальные лица это отрицают, но здесь может быть доля правды, потому что еще до свержения режима французы и итальянцы занимали главенствующее положение на ливийском рынке, а компании из этих стран, можно сказать, «цементировали» всю промышленность Джамахирии.

### Правде в глаза

Вышеперечисленное может отпугнуть потенциального инвестора и переориентировать его на другой, неарабский рынок. Однако не стоит паниковать и делать поспешные выводы.

Прежде всего необходимо взвесить все риски, вынеся за скобки политические интриги и информационные провокации, без которых трудно себе представить нефтегазовые дела арабских стран. Если выяснится, что риски не настолько высоки, а прибыль может быть действительно существенная, то стоит пробовать. Взять рубеж Ливии, Ирака или попасть на рынок Катара — это важно для отдельной компании и авторитета страны в целом.

Нужно выходить на международные рынки и не бояться коррупции, потому что она была всегда и остается в будущем. Учитывая реалии арабской политической и социально-экономической жизни, можно сказать, что она там не является минусом, а, скорее, плюсом.

Клановость местного общества уже позволяет говорить о том, что люди готовы к различным проявлениям коррупции. Надо четко понимать, что если в Конституции прописано, что нефть и газ — это собственность народа, то на практике это не работает, и сами арабы это знают.

Дележка финансовых средств идет «наверху». Судя по заявлениям и жалобам парламентариев Ирака или Ливии, обвиняются министры, топ-менеджмент компаний. На низшем уровне все иначе: сотрудник получает хорошую зарплату независимо от коррупционных дел вышестоящих лиц. Он понимает, что все равно не станет главой, так как эту нишу уже заняли определенные люди и так просто не отдадут.

В феврале состоялось официальное открытие офиса представительства компании «Газпром» в Катаре. Российский концерн планирует начать сотрудничество с эмиратом, лидирующим по экспорту сжиженного природного газа и занимающим третье место в мире по доказанным запасам «голубого топлива» после России и Ирана.

В сферу деятельности представительства также входит поиск новых направлений и форм работы «Газпрома» на энергетических рынках стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Йемена. Кроме того, представительство осуществляет информационно-аналитическое сопровождение проектов и принимает участие в координации деятельности дочерних компаний «Газпрома» в регионе, включая укрепление взаимодействия в рамках деятельности Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ).

Попытки выйти на катарский рынок предпринимаются и другими отечественными игроками, но тщетно. Почему?

Сегодня российско-катарские политические отношения весьма напряженные, а экономика не может развиваться в отрыве от политики. Особенно если это нефть и газ. Ежегодный товарооборот Катара с Россией не насчитывает и двух десятков миллионов долларов. Для сравнения, показатель эмирата с США насчитывает несколько миллиардов, а с азиатскими странами даже превышает 10-миллиардный рубеж.

Уровень дипломатических отношений понижен, инвестиционное сотрудничество на нуле, товарооборот слишком низкий. Можно сказать, что отношения заморожены.

Помимо этого, являясь членом ССАГПЗ, Катар настраивает других членов этой организации антагонистически по отношению к Москве. Сирийский вопрос мешает российскому бизнесу найти общий язык с монархиями Персидского залива. Это же относится и к ценовой политике в отношении экспортной нефти.

### Политика диктует

Усугубляет ситуацию крайне низкая осведомленность некоторых арабских стран о нефтегазовом потенциале России. Например, в Катаре мало знают о нашем государстве, поскольку в местных СМИ публикуется очень немного достоверной информации. Россия в сознании катарцев — страна-загадка и страна опасности, где постоянно происходят теракты и убийства.

В Ираке, конечно, знают многое о России. Однако сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке осложнилась из-за вереницы различных событий, охвативших регион. Поэтому достоверных сведений до арабов доходит очень мало. Кстати, как и о них нам.

Многие думают, что арабские страны и все их представители рассматривают россиян в качестве врагов, потому что Москва не поддерживает тех или иных лидеров. Однако здесь стоит разграничивать государство и народ. Очень часто граждане государств дружески настроены друг к другу, а на политической арене эти страны выступают соперниками и конкурентами.

Если же говорить о нефтегазовых связях, то, например, российские компании не совсем отвечают требованиям Катар, поскольку не имеют большого опыта работы в Персидском заливе, и технологии отечественных фирм не подходят под проекты на территории эмирата.

Проекты «Газпром нефти» и «Башнефти» в Ираке стали первыми пробами этих компаний за рубежом. Поэтому идти, предположим, в Катар, не имея зарубежного опыта, проблематично и, скорее всего, бесперспективно.

В Ираке же россияне работают очень качественно, поскольку знают местный рынок и геологические особенности месторождений. Фактически российские специалисты нужны иракцам, чтобы сохранить конфиденциальность полученной в результате длительной геологоразведки информации. Если же Москва поделится своими наработками с недобросовестным заказчиком, то это будет серьезной проблемой для Ирака.

В Ливии и Алжире то же самое: российские нефтяники работали там и доказывали не раз, что могут это делать на высоком уровне и за невысокую плату.

Часто можно услышать такого рода вопрос: почему арабы активно пускают к своим недрам западников, которые берут больше, а россияне остаются не у дел?

Ответ прост — в первую очередь дело в политическом диалоге, во вторую — в технологических особенностях конкретной компании, в третью — уже в том, как она смогла себя проявить.

Например, в Катаре так: если зарубежная компания дает технологию, которая поможет эмирату развивать свою экономику, то она вправе работать там и заслуженно получать свои деньги. Если иностранный игрок хочет что-то «отмыть», получить откаты себе в карман, для него двери закрыты.

\* \* \*

Выскажу несколько важных соображений, которые было бы полезно воспринять российским игрокам, стремящимся покорить арабский рынок.

Уходить от излишней закрытости и больше сводить все к прозрачным вещам. Публиковать на сайтах компаний соответствующую свежую информацию. Небольшое движение к прозрачности идет, но невысокими темпами.

Представлять интересы не только конкретной бизнес-структуры, но и своего государства. Это отнюдь не легко. Если замешаны большие деньги, сложно представлять, что ты не только сотрудник компании, но и гражданин страны, и если тебя уличат в нарушениях, ты невольно ее опозоришь.

Например, у катарцев четко прослеживается такое понимание, они себя ассоциируют с эмиратом. Местные предприниматели гордятся тем, что они граждане этого государства. Поэтому катарские бизнесмены не стремятся решать вопрос так, чтобы выгода была исключительно личная. Они учитывают, что тот или иной проект способен дать стране из того, чего у нее еще нет. Таким образом поднимается авторитет государства в глазах мировой общественности.

Возможно, это своеобразный комплекс Наполеона, поскольку небольшой по территории и населению эмират хочет активно заявить о себе во всех областях, включая предпринимательскую сферу.

В России другая проблема: крупная страна, которая уже многое доказала, а крупные предприниматели вплотную занимаются стратегией собственных компаний, не ставя во главу угла при этом государственные интересы.

Несмотря на то, что в нефтегазовом секторе арабских стран существуют многочисленные риски, в одних странах меньше, в других больше, которые препятствуют деятельности российских компаний, нужно все равно завоевывать там свои позиции.

## О НОВОМ ЭТАПЕ В АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ\*

Председательство в форуме «Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество» (АТЭС) в 2012 году и саммит АТЭС во Владивостоке открыли новый этап в азиатской политике России. Ее цель — не просто «показать российский флаг» на Тихом океане, а решить как минимум три важнейшие задачи: обеспечить защиту безопасности государства на его восточных рубежах, реализовать потенциал сотрудничества со странами АТР в целях модернизации и развития всей России, обеспечить достойный уровень жизни населению восточных районов страны. В Северо-Восточной Азии, как ни в каком ином регионе, наши внутренние и внешние интересы взаимосвязаны. Залог будущего России как великой державы — в хозяйственном, технологическом и социальном развитии Сибири и Дальнего Востока.

Для решения всех масштабных этих задач необходимо обеспечить надежную защиту от внешних угроз. А главный источник военной угрозы в Северо-Восточной Азии — шестидесятилетнее военное противостояние на Корейском полуострове. И ликвидировать эту угрозу без взаимодействия с Республикой Корея не представляется возможным.

Следуя во внешней политике в целом курсу США, Южная Корея, по мере наращивания экономических мускулов, пытается обеспечить себе в международных делах определенную автономию, возможность проводить — прежде всего, в экономической сфере — собственную, более гибкую линию.

При различии в российских и южнокорейских подходах к определенным международным проблемам, продиктованных союзническими соглашениями Сеула с Вашингтоном, в российско-южнокорейских отношениях нет каких-либо спорных вопросов, и их возникновение маловероятно: в республике нет политических партий или организаций, выступающих с антироссийских позиций. Здесь сформировался своего рода общенациональный консенсус в пользу развития стратегического партнерства с нашей страной, и эти настроения создают уникальные возможности для России. При этом надо иметь в виду, что южнокорейское руководство, очевидно, исходит из уже устоявшихся в Сеуле представлений о перемещении России во «вторую лигу» мировой политики, рассматривая в качестве главных мировых игроков

\* Статья сделана на основе материалов, предоставленных РСМД, в рамках сотрудничества журнала и Российского Совета по международным делам. — URL: [http://rus-siancouncil.ru/inner/?id\\_4=2659#top](http://rus-siancouncil.ru/inner/?id_4=2659#top)

США, пока еще сохраняющих экономическое и военно-техническое преобладание над остальными странами, и Китай, уверенно превращающийся в новую мировую державу. Современную же Россию, в отличие от Советского Союза, южнокорейцы видят региональным государством с ограниченным влиянием на ход мировых дел. Что же касается обеспечения стабильности и безопасности в Северо-Восточной Азии, взаимодействию с Россией здесь придается особое значение. Во-первых, в ней видят своего рода противовес Китаю и Японии, а во-вторых, возможность каким-то образом ограничить или вообще лишит Пхеньян поддержки Москвы.

В подходах к решению ключевых международных вопросов в других районах мира Сеул достаточно откровенно дистанцируется от Москвы, действуя с оглядкой на Вашингтон.

Тем не менее, учитывая взаимную заинтересованность в укреплении и расширении взаимодействия, отношения наших стран должны развиваться в логике стратегического партнерства, естественно включающей в себя и поиск общих подходов к ключевым проблемам мировой политики как в ООН, так и на других международных форумах. Этот принцип, несомненно, должен быть применен и к урегулированию корейской проблемы, которое и возможно лишь при конструктивном взаимодействии двух стран в рамках шестисторонних переговоров. А включение Республикой Корея положения о стратегическом партнерстве, помимо России, и в совместные документы с Китайской Народной Республикой делает целесообразной организацию переговоров по корейским делам в трехстороннем российско-китайско-южнокорейском формате.

Не меньшее значение для обеспечения позитивной динамики в развитии ситуации на полуострове имеет налаживание эффективного взаимодействия на высоком уровне с новым северокорейским руководителем Ким Чен Ыном, вовлечение КНДР в международные контакты. Важно способствовать выводу КНДР из международной изоляции, отказу от расширительного толкования санкций ООН и активизации экономического сотрудничества с КНДР других стран.

Отношения между Севером и Югом Кореи уже не могут восприниматься сегодня в качестве чисто локальной проблемы, особенно с учетом фактора наличия оружия массового уничтожения. От того, как будут развиваться события на Корейском полуострове, во многом зависит будущее всего Азиатско-Тихоокеанского региона, да и развитие общемировых процессов. Поэтому вполне уместны разработка российской стороной тематики создания многосторонней системы безопасности в Северо-Восточной Азии и инициатива проведения нового межкорейского саммита по урегулированию корейской проблемы на российской площадке.

В качестве одного из способов укрепления мира на Корейском полуострове могла бы выступить система перекрестных двусторонних договоров между государствами «шестерки», где были бы закреплены права и обязанности сторон, а также разработаны механизмы контроля за исполнением положений этих договоров. Причем контролирующим субъектом стали бы сами государства, а не какие-либо международные организации.

В экономическом плане для Южной Кореи, практически лишенной минеральных и иных сырьевых ресурсов, крайне привлекательно участие в раз-

работке природных богатств Сибири и Дальнего Востока России. Одновременно Россия представляет собой перспективный рынок для сбыта южнокорейской промышленной продукции. Южнокорейцы также готовы к сотрудничеству с Россией в тех областях, где российские технологии продолжают оставаться на высоком международном уровне, в частности, в освоении космоса и атомной энергетике.

Российско-южнокорейское научно-техническое сотрудничество является важной составляющей для всей системы взаимоотношений между нашими государствами. Обе страны возлагают большие надежды на эту сферу, которая может объединить фундаментальные разработки России в аэрокосмической области, атомной энергетике и др., а также прикладные технологии Республики Корея в робототехнике, электронике, автомобилестроении.

Столь обширное многообразие открывающихся возможностей и взаимная заинтересованность наших стран в расширении торгово-экономического сотрудничества делает актуальным вопрос заключения с Южной Кореей соглашения о свободной торговле (ССТ).

Важно выработать новые проекты сотрудничества в трехстороннем формате (РФ — Южная Корея — КНДР) в областях взаимного интереса, например, в энергетике, обеспечении «зеленого роста», транспорте и логистике в дополнение к реконструкции Транскорейской железной дороги и ее приращению к Транссибу, газопроводу Россия — КНДР — Южная Корея и соединению энергосистем трех стран через «Азиатское суперкольцо». Потребуется создавать особые условия ведения бизнеса в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также для корейских предприятий, производящих продукцию для внешних рынков. Перспективными отраслями могли бы стать нефте- и газохимия, лесопереработка, целлюлозно-бумажная промышленность, переработка рыбы и морепродуктов. Для привлечения южнокорейских партнеров к участию в программах экономического подъема восточных регионов России необходимо значительно упростить административные процедуры (в т.ч. таможенное оформление и иммиграционный контроль), ввести меры по защите совместных предприятий от криминальных и коррупционных схем, совершенствовать страховое и арбитражное обслуживание и др.

Усиление экономической интеграции наших стран, несомненно, будет способствовать реализации курса на активное включение России в Азиатско-Тихоокеанский регион и наоборот — общая интеграция России в экономическое пространство АТР также будет содействовать развитию российско-корейских торгово-экономических отношений.

Экономическая политика Сеула на ближайшие 15–20 лет ориентирована на экспансионистское проникновение на мировые рынки за счет создания новых продуктов и услуг, основанных на реализации передовых научно-технических достижений, как заимствованных, так и своих собственных. И в этом плане она, несомненно, рассматривается как один из перспективных партнеров России, также идущей по пути модернизации своей экономики.

Нина Петрова

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

## **КУДА НИ КИНЬ, ВСЮДУ КЛИН**

Завершается шестой год кризиса, а конца ему не видно. Вместе с тем в жизни мирового сообщества все заметнее два явления. Во-первых, *интенсифицировался поиск путей выхода из кризиса*. Политики осознали, что под угрозу поставлена вся глобальная система капиталистической экономики и что рыночной стихии наконец-то надо противопоставить что-то равнозначное по мощи, а именно комплекс реальных мероприятий, чтобы вообще не свалиться в пропасть. Участились встречи глав государств и ведущих экономистов, лихорадочно работают лучшие умы в МВФ и Всемирном банке, чтобы выработать нечто эффективное для нейтрализации спекуляции, мошенничества, коррупции и хотя бы в небольшой мере умерить неукротимую жажду транснациональных компаний, являющихся по существу неподвластными национальным правительствам, добиться любыми способами максимальной прибыли.

Во-вторых, *заметно возросла социальная напряженность*, выражающаяся не только в недовольстве значительной части населения, но и в активизации протестного движения в форме массовых манифестаций, демонстраций, отказе от участия все большего числа граждан в выборных кампаниях, а также в росте числа самоубийств, психических заболеваний людей, потерявших веру выбраться из нищеты и получить постоянную работу (особенно это заметно среди молодежи, оказавшейся не у дел). Ощутимо возрос поток мигрантов, надеющихся найти в других странах надежный источник доходов (всего в мире насчитывается более 230 млн мигрантов).

Этот процесс совершается не только в направлении Юг–Север (например, из стран Африки в Западную Европу), но и в рамках Евросоюза — миграция в государства с высоким уровнем жизни из стран Восточной Европы, являющихся фактически колониальной окраиной с дешевой квалифицированной рабочей силой. Если во времена Второй

мировой войны Германия насильно вывозила рабочих в «фатерланд», то сейчас это делается на «добровольной» основе.

Обратимся к фактам, подтверждающим оба этих вывода.

Начнем с такой авторитетной организации, как Международная организация труда (МОТ), которая с 8 по 11 апреля 2013 года провела в Осло очередное, 9-е Европейское региональное совещание<sup>1</sup>. На его открытии премьер-министр Норвегии Йенс Столтенберг заявил: «Кризис в Европе достиг угрожающих масштабов. Финансовый кризис превратился в кризис занятости. В некоторых странах уже сформировалось потерянное поколение молодежи — без работы, без доступа к обучению и рынку труда. Все больше людей становятся экономически неактивными и утрачивают возможность трудоустройства <...> Вот почему необходимо немедленно принимать меры во избежание масштабного социального кризиса с негативными политическими последствиями. Это — главный политический вызов, с которым сегодня столкнулась Европа».

Реализуемые сегодня в Европе программы экономического регулирования наиболее тяжелым бременем ложатся на затронутые кризисом страны и на наиболее уязвимые семьи работников. Согласно последним данным МОТ, в феврале 2013 года кризис оставил без работы более 26,3 млн европейцев, что на 10,2 млн больше, чем в 2008 году. Особенно ухудшилась ситуация на рынке труда с того момента, когда были анонсированы меры по налогово-бюджетной консолидации. Причем следует отметить одну закономерность в поведении работодателей. Чтобы выжить в период кризиса, работодатели прибегали к такому распространенному средству, как урезание зарплат. Затем следовало сокращение рабочего времени, то есть работа с частичной занятостью. И лишь в третью очередь принималось решение о сокращении работников. Наиболее значительно пострадали те, кто получал среднюю зарплату. Их доход приблизился к заработку тех, кто получал более низкую зарплату. В то же самое время доходы специалистов, получавших более высокую зарплату, и оклады высшего руководства в значительной мере оставались на прежнем уровне.

Участники 9-го Европейского совещания Международной организации труда (МОТ) приняли *Декларацию Осло*, в которой содержится призыв укрепить роль МОТ в Европе и Центральной Азии и помочь пострадавшим от кризиса странам преодолеть его негативные экономические, социальные и политические последствия.

Насколько неэффективны эти общие декларации, показывает реальная жизнь. А она такова, что после 2009 года безработица в мире

<sup>1</sup> URL: [http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/media-centre/press-releases/WCMS\\_210281/lang-en/index.htm](http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/media-centre/press-releases/WCMS_210281/lang-en/index.htm)

ежегодно возрастала. По прогнозу той же МОТ, в 2013 году число безработных в мире увеличится на 5,1 млн человек, достигнув рекордного в истории показателя в 202 млн человек. В 2014 году безработица вырастет еще на 3 млн, а к 2017 году общее число безработных в мире составит 210,6 млн человек, достигнув показателя в 6% от всего экономически активного населения планеты.

Разразившийся в 2007 году кризис показал исторические пределы неолиберализма. Именно этим можно объяснить создание такого международного органа, как G-20, целью которого является выработка согласованной стратегии регулирования глобальной экономики. G-20, или «Группа двадцати» — формат международных совещаний министров финансов и глав центральных банков, представляющих 20 экономик: 19 крупнейших национальных экономик и Европейский союз (ЕС), представленный государством-председателем Совета Европейского союза (кроме тех случаев, когда страна-председатель является членом «Большой восьмерки» и таким образом уже представлена в G-20). Кроме того, обычно на встречах G-20 присутствуют представители МВФ и Всемирного Банка. В совокупности, G-20 представляет 90% мирового валового национального продукта, 80% мировой торговли (включая торговлю внутри ЕС) и две трети населения мира. Начиная с 2008 года проводятся конференции (саммиты) «Группы двадцати» на высшем уровне, т. е. с участием глав государств. Всего со времени первой такой конференции, состоявшейся 14–15 ноября 2008 года в Вашингтоне, проведено уже 8 саммитов; последний из них прошел 5–6 сентября в Санкт-Петербурге.

Естественно возникает вопрос: какова результативность этих конференций? Объем статьи не позволяет дать развернутый анализ эффективности этих саммитов. Если же ответить на него кратко, то он очевиден: кризис продолжается, несмотря на принятые многочисленные решения. В чем причина столь низкой отдачи от усилий глав государств, министров, руководителей центробанков и целой армии экспертов? А причины очевидны, они на поверхности: «двадцатка» не отваживается на осуществление радикальных мер по усмирению рыночной стихии, а также не в состоянии преодолеть эгоизма национальных интересов (взять хотя бы каждый раз провозглашаемые призывы и клятвы бороться с протекционизмом и следовать правилам ВТО; хотя их никто не стремится последовательно и строго соблюдать).

Эти выводы подтвердили и специалисты, проводившие параллельно Санкт-Петербургскому саммиту свой контрсаммит, который состоялся 3–4 сентября в Санкт-Петербурге, а его итоги были подведены в Москве 5 сентября. Участники контрсаммита подчеркнули, что «для победы над кризисом государствам нужно начать управлять процессами в реальной экономике, стимулировать потребление, защищать и расши-

рять рынки. Необходима замена ориентации на «свободную торговлю» в рамках ВТО новой политикой регулирования при концентрации ресурсов в руках государства и полном отказе от «жесткой экономии». В области технологий требуются подлинно революционные решения, позволяющие снижать себестоимость товаров не за счет поиска более дешевых работников»<sup>2</sup>.

Итак, что же мы имеем в результате лихорадочных усилий официальных саммитов, конференций МВФ, ВТО, МОН, других международных и региональных структур?

В Европе, где 28 государств являются членами Евросоюза, мы наблюдаем разрастающийся долговой кризис, высокий уровень безработицы и обнищание трудящихся масс. В Польше правительство даже конфисковало 50% пенсионных денег во имя погашения части государственных обязательств. В США — прозвеневший осенью прошлого года преддефолтный звонок, когда администрация США впервые за 17 лет официально объявила о прекращении работы федеральных структур, и в вынужденный отпуск были отправлены свыше 800 тыс. госслужащих. В странах ОЭСР (так называемого «золотого миллиарда») — растущий долговой кризис. В странах БРИКС — замедление темпов роста экономики. В странах так называемого третьего мира — увеличивающийся дефицит торгового баланса, кризис финансовой системы, нищета и голод...

Глобальный экономический кризис повлек за собой возрастающее социальное напряжение во всем мире. Во многих странах прокатилась волна акций протеста против сокращения социальных программ и роста безработицы. Протесты проходили и раньше, однако число участников в предыдущие годы было значительно меньше. Терпение людей истощается. И если властями не будут реализованы радикальные меры по преодолению кризиса, то вполне может произойти стихийный взрыв недовольства людей, которых уже не остановят ни водометы, ни гранаты со слезоточивым газом.

<sup>2</sup> ЭФГ, 2013, № 37; Post Globalization Initiative. — URL: <http://www.pglocal.org>

Андрей КОНОПЛЯНИК

## **«ЭФФЕКТЫ ДОМИНО» АМЕРИКАНСКОЙ СЛАНЦЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Активная дискуссия в отношении характера и последствий «сланцевой революции» в США продолжается. Одни не подвергают сомнению сам этот американский феномен, но не верят в его глобальный характер и/или последствия, ссылаясь на разочарования (результат неоправдавшихся завышенных ожиданий?) в освоении сланцевых углеводородов где-либо еще в мире, помимо США. Другие, в том числе в нашей стране, наоборот, говорят, что Россия и «Газпром» эту революцию проспали, и нам-де необходимо срочно бросаться всем миром вперед в погоню за освоением сланцевых ресурсов, чтобы не отстать от других стран. Попробуем разобраться.

### **Освоение сланцев, НТП и американская модель экономики**

Освоение сланцев не является чем-то принципиально новым, в том числе и в нашей стране. Например, широко известный в нефтяных кругах и старейший в СССР/России отраслевой журнал «Нефтяное хозяйство» издавался в 1920-е годы под названием «Нефтяное и сланцевое хозяйство». Во времена СССР месторождения горючих сланцев разрабатывались в Эстонской ССР и дали свое имя городу Сланцы. И т.д. Но освоение сланцев было в XX веке скорее исключением из правил, ибо в массе были доступны иные, более дешевые углеводородные ресурсы, бывшие потому «традиционными» с позиции коммерческого освоения. А сланцы относились к категории ресурсов «нетрадиционных» для коммерческого освоения. Их переход из нетрадиционных в традиционные энергоресурсы стал возможен после появления ряда прорывных технологий.

Существуют два типа научно-технического прогресса (НТП): революционный и эволюционный. Именно революционный характер достижений НТП, лежащих в основе американской сланцевой революции, дает возможность характеризовать ее именно как «револю-

цию» — по своим прямым и косвенным последствиям, причем не только для национальной, но и мировой энергетики и экономики.

Внедрение достижений революционного НТП на уровне отдельных отраслей может происходить как за счет инновационных разработок, изначально нацеленных на применение в данных сферах деятельности, так и за счет адаптационного переноса технологий из одной отрасли (например, ВПК) в другую (например, в геологию) — так называемый «эффект удобрения». Пример — сейсмические методы разведки месторождений полезных ископаемых: в начале XX века разрабатывались для использования в артиллерии, а сегодня наиболее широко применяются в нефтепоисковых работах.

Однако американская «сланцевая революция» реализовывалась по иной траектории. Она, на мой взгляд, стала результатом мультипликативного эффекта от объединения нескольких отдельных (частных) достижений революционного НТП в единую коммерческую систему. А именно: были сведены в единый технологический комплекс существовавшие ранее, но применявшиеся по отдельности прорывные технологии в сейсмике, бурении, методах воздействия на пласт. В итоге, разработка технологии множественного гидроразрыва пласта на горизонтальных скважинах в рамках трехмерного моделирования участков недр и стала, на мой взгляд, технологической основой американской сланцевой революции, резко снизившей технические издержки разработки ресурсов сланцевых углеводородов.

Затем в дело вступили факторы экономического (налоговые и инвестиционные стимулы), правового (модель недропользования), финансового (доступный и дешевый кредит), институционального порядка (множество дееспособных мелких и средних компаний и высококонкурентная среда их деятельности, обеспечивающая их эффективность) и т. п., то есть совокупные характеристики экономической модели США, сделавшие возможным сланцевую революцию именно в этой стране. То есть обеспечившие возможность быстрой (время — деньги) — и не вопреки, а благодаря взаимовыгодному сочетанию интересов участников производственно-сбытовой «сланцевой» цепочки — реализации сланцевых проектов и снижение их финансовых и транзакционных издержек. Плюс благоприятное стечение обстоятельств (растущие в 2000-е годы цены на нефть, а за ними привязанные к нефтяным котировкам цены на газ). И, конечно, роль личности в истории: настойчивость пионера освоения сланцевого газа Джорджа Митчелла (George Mitchell, 1919–2013) в опытно-промышленном применении технологии множественного гидроразрыва на горизонтальных скважинах.

В итоге сошлись воедино техническая возможность, экономическая целесообразность и институциональная простота освоения нового кла-

стера энергетических ресурсов, широко до того известных, но коммерчески нерентабельных ранее для разработки: цены пошли вверх, издержки вниз, образовалась расширяющаяся зона рентабельности — и случилась американская сланцевая революция, причем именно в этой стране и именно в это время. И она запустила последовательную цепочку глобальных по последствиям «эффектов домино».

В общем, как сказал известный энергетический публицист Дэн Йергин (Dan Yergin), лауреат престижной Пулитцеровской премии за свой посвященный глобальной истории развития нефтяного бизнеса фундаментальный труд «The Prize», «такой комбинации факторов нет более нигде в мире». Поэтому освоение сланцевого газа (сланцевых углеводородов) в других странах, будь то в Европе или Азии, не поменяет глобальную картину энергетического мира, так как это произошло в США, но будет иметь лишь локальные последствия для самих этих стран.

Д. Йергину вторит другой известный специалист — Филип Верлегер-мл. (Philip Verleger Jr.), по мнению которого «уникальные институциональные условия, лежащие в основе американской сланцевой революции, не могут быть найдены где-либо еще». США и Канада, как считает он, остаются единственными странами, которые поощряют развитие мелких, эффективных энергетических компаний с низкими затратами, в то время как остальные страны полагаются на энергетические компании-гиганты типа Экссон. Но освоение сланцевых углеводородов требует бурения сотен тысяч скважин с низкими затратами, а крупные транснациональные корпорации не могут реализовывать проекты с многими тысячами работников на множестве мелких месторождений — это не их профиль. Они преуспевают в освоении небольшого числа очень дорогих, но высокопродуктивных мега-проектов, реализуя эффект масштаба.

### «Эффекты домино»

На мой взгляд, американская сланцевая революция уже запустила цепочку необратимых по своим последствиям процессов в сопряженных с его освоением отраслях и сферах деятельности по всему миру. Взрывной рост добычи сланцевого газа в США привел к формированию избытка предложения и резкому снижению цен на газ в стране. Стало выгоднее покупать газ собственный, чем импортный. Поэтому в США — все еще пока крупнейшей мировой экономике — резко сократился импортный спрос на газ. В итоге, сработал своеобразный «эффект матрицы», когда изменение параметров одной ее клеточки приводит к изменению суммы по столбцу и по строке матрицы, изменению суммы матрицы и, тем самым, к формированию новой матри-

цы. Но масштаб американской «матрицы» сопоставим по масштабам с «матрицей» глобальной. Отсюда и масштаб последствий.

Можно выделить несколько волн прямых и косвенных эффектов/последствий (эффектов домино) от изменения баланса спроса-предложения на газ в США в результате сланцевой революции.

*Эффект первый — для Европы (и нефтяной индексации).* Фактическое закрытие рынка США для импортного (кроме канадского) газа привело к переориентации в Атлантическом бассейне экспортных потоков СПГ и к перенаправлению в Европу нацеленных на США поставок (преимущественно катарского) СПГ. Это привело к формированию избытка предложения на европейском рынке газа, которое наложилось на снижение спроса на газ в результате экономического кризиса, мероприятий по повышению энергоэффективности и субсидируемого государством развития возобновляемых энергоресурсов.

В условиях избытка предложения, как это обычно и бывает, стали активно развиваться спотовые продажи и рынок разовых сделок, особенно в Великобритании и Северо-Западной Европе, где существует наиболее диверсифицированная в ЕС инфраструктура газовых поставок. Именно в это время (сентябрь 2009 года) вступил в силу Третий энергетический пакет ЕС, который предусматривает радикальное изменение архитектуры газового рынка ЕС путем создания системы рыночных зон «вход-выход» (по типу бассейнов) с центрами спотовой торговли (виртуальными торговыми площадками) в каждой зоне. Можно сказать, что без американской сланцевой революции реформа газовой отрасли в Европе на основе Третьего энергопакета была бы, как минимум, сильно затруднена.

Последствия формирования избытка предложения в Европе в результате сланцевой революции в США оказали серьезное и, полагаю, необратимое влияние на контрактные структуры и механизмы ценообразования поставок сетевого газа в Европу основных традиционных экспортеров — России, Норвегии, Алжира и новых поставщиков, в первую очередь Катара. На сжимающемся рынке началась борьба расширившегося числа поставщиков за удержание/завоевание своей рыночной ниши, то есть пошла игра на понижение цен (вплоть до прямого демпингования) в условиях, когда у покупателей расширились возможности выбора альтернативных поставщиков. Экспортеры вынуждены пересматривать свои контракты, смягчать их условия, вводить различные скидки к цене, фактически все более и более отходя от нефтяной (в Европе — нефтепродуктовой) индексации газовых цен.

Вот это, по моему мнению, главный на сегодня «эффект домино» американской сланцевой революции. При этом страны, добывающие газ как попутный (Норвегия, Великобритания) или с большим содержанием жидких фракций (Катар), могут позволить себе продавать газ даже

ниже себестоимости, поскольку потери (или недополученную выручку) от продажи газа по низким ценам они с лихвой компенсируют продажей жидких углеводородов по высоким ценам, сохраняющимся на рынке нефти. России/Газпрому в этом отношении намного сложнее — мы продолжаем добывать преимущественно сухой сеноманский газ из гигантских месторождений, реализуем тем самым «эффект масштаба», но возможность ценового маневра для нас из-за монотоварного характера газодобычи существенно сужена по сравнению со странами — нашими конкурентами на рынке ЕС, для которых газ является фактически побочным или даже бросовым (*garbage gas*) продуктом нефтедобычи.

*Эффект второй — для Азии (и нефтяной индексации).* Нарастивание добычи сланцевого газа в США приведет к превращению страны в экспортера сжиженного природного газа (СПГ) уже в 2016 году, когда первый экспортный терминал СПГ США начнет отгрузки. К этому времени запланировано завершить реконструкцию третьей очереди Панамского канала под пропуск стандартных танкеров-метановозов. Первые поставки американского СПГ уже законтрактованы на премиальный рынок АТР, где контрактная цена на СПГ, в силу сохранения ее нефтяной привязки, является наиболее высокой в мире. Однако контрактная формула цены американского СПГ при поставках в АТР предусматривает иной механизм ценообразования — привязку к цене американского спотового рынка Генри-Хаб. Таким образом, на рынке АТР может начаться конкуренция двух контрактных моделей ценообразования с разными закономерностями формирования и поведения цен «замещающих» энергоресурсов (то есть тех, к чему привязаны импортные цены СПГ в АТР): с нефтяной индексацией и с газовой индексацией по Генри-Хаб.

Сегодняшние цены СПГ в АТР с нефтяной индексацией существенно выше, чем проектные цены СПГ в АТР из США с привязкой к Генри-Хаб. Ценовая привлекательность рынка АТР нацеливает многие новые проекты СПГ именно на этот рынок. Незаконтрактованная рыночная ниша в АТР поэтому быстро сжимается. На мой взгляд, существует риск повторения в АТР ситуации, что сложилась ранее на рынке Европы, когда избыток предложения заставил экспортеров пойти на понижение цен, реструктуризацию контрактов и существенно сократил рыночную нишу контрактов с нефтяной индексацией в Европе. Если избыток предложения сложится и на рынке АТР (замедление роста спроса, наращивание нового предложения в погоне за высокой ценой), то это может запустить маховик массового перехода, инициированный и ведомый потребителями, за переход от нефтяной привязки к привязке по ценам Генри-Хаб. Неблагоприятные последствия этого для России очевидны: ориентированные на рынок АТР проекты могут оказаться нерентабельными. По мнению Татьяны Митровой (аналогичный вывод — у компании Делойтт), «поставки газа из

США не только могут вытеснить с рынка более дорогие проекты (например, из Австралии и России), но и, по всей видимости, сыграют важную роль в процессе выработки нового подхода к формированию цен на СПГ по всему миру и в переходе в долгосрочной перспективе к привязке к спотовым ценам».

Но это же создает и мощные стимулы для концентрации первоочередных усилий на повсеместном (по всей газовой цепочке) снижении издержек за счет, в первую очередь, революционных направлений НТП, для чего потребуются пересмотреть политику по формированию благоприятного инвестиционного климата. То есть, как гласит народная мудрость, «нет худа без добра».

*Эффект третий — для формирования глобального рынка газа.* Превратившись в газового экспортера, США станут вторым после Катара глобальным арбитражером на рынке СПГ, то есть страной-экспортером, которая сможет работать одновременно как в Атлантическом бассейне, так и в АТР. Это ускорит ставшее необратимым формирование глобального рынка газа, который будет состоять из региональных рынков сетевого газа, связанных воедино поставками СПГ, где глобальные арбитражеры будут играть роль своеобразных регуляторов рыночной конъюнктуры в региональных секторах.

*Эффект четвертый — сланцевая революция продлевает эру углеводородной энергетики.* Она делает еще менее актуальной теорию «пиковой нефти» (построенную на некритической интерпретации теории Кинга Хабберта и его «кривой Хабберта») о якобы скором исчерпании ресурсов углеводородов (всегда вспоминается при этом замечательная фраза шейха Заки Ямани, бывшего министра нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии, что «каменный век закончился не потому, что кончились камни...»). Бывшие когда-то нерентабельными для освоения ресурсы сланцевой нефти и газа теперь перешли из категории «нетрадиционных» в категорию «традиционных» энергоресурсов, то есть ушли «под» «кривую Хабберта», сдвинув ее пик вправо-вверх.

*Эффект пятый — уголь.* Ставший дешевым американский газ начал вытеснять более дорогой (по американским меркам) уголь из баланса котельно-печного топлива на рынке США. И вытеснил его на экспорт в Европу, где, ставший дешевым (по европейским меркам), этот уголь вступил в конкуренцию и начал выигрывать ее, например — в электроэнергетике, у более дорогого контрактного трубопроводного газа с нефтепродуктовой индексацией (то есть в первую очередь у российского газа), вытесняя его из конкурентных сфер потребления. Это — вторая волна конкурентного давления на экспортеров трубопроводного газа с контрактами, с нефтепродуктовой ценовой привязкой в направлении снижения цен для сохранения своей конкурентной ниши. При этом коммерческая выгода потребителей вступает в прямое противоречие с

заявленными долгосрочными политическими целями Евросоюза по уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, ибо более чистое топливо (газ) вытесняется более грязным (уголь).

*Эффект шестой — экология.* Уменьшение потребления угля в США и замещение его газом и, наоборот, наращивание потребления угля в Европе и вытеснение им газа привело к уменьшению выбросов CO<sub>2</sub> в США и фактическому (но не статистическому, из-за механизма торговли квотами на выбросы) наращиванию выбросов в Европе.

Европейская экономическая и энергетическая политика имеет ярко выраженную экологическую компоненту — за чистоту окружающей среды. Однако, когда выяснилось, что потреблять уголь — преимущественно дешевый импортный американский уголь, вытесненный в Европу американским сланцевым газом, и гораздо более грязное, чем газ, топливо — стало выгоднее, чем потреблять газ, в первую очередь, дорогой контрактный газ с нефтепродуктовой индексацией цены, тут же в Европе забыли про борьбу за экологию и стали бороться за прямую коммерческую выгоду. Отсюда расширение доли потребления угля в европейской электроэнергетике, вытеснение газа углем за счет того, что он стал более дешевым. То есть в Европе идут процессы, обратные американским.

*Эффект седьмой — сланцевая нефть.* Успехи в добыче сланцевого газа и снижение цен на него в США привели к переносу акцента в освоении сланцевых ресурсов углеводородов с сухого на жирный газ и сланцевую нефть для повышения монетизации их освоения. В итоге США стали пионером освоения не только сланцевого газа, но и сланцевой нефти, что было вызвано не стремлением «не отстать от других», а насущными экономическими потребностями — как избежать нарастающего кризиса задолженности американских компаний, занимающихся освоением сланцев (см. ниже). Таким образом, похоже, что добыча сланцевого газа нужна все более для того, чтобы добывать ассоциированные жидкие фракции.

*Эффект восьмой — мировой рынок нефти.* Наращивание добычи сланцевой нефти в США повышает вес этой страны на мировом рынке нефти. Сегодня, на мой взгляд, он биполярный, ибо на рынке физической нефти доминирует Саудовская Аравия, а США уже давно доминируют на рынке «бумажной» нефти. При этом они являются экспортером нефтепродуктов, сокращают импорт сырой нефти. И не приведет ли наращивание добычи сланцевой нефти в США к превращению страны в экспортера жидкого топлива и, в итоге, к трансформации мирового нефтяного рынка в униполярный?

*Эффект девятый — мировой рынок капитала.* Снижение цен на газ в США приводит к развороту международных потоков капитала: инвестиции в энергоемкие производства начинают возвращаться в США,

привлекаемые низкими затратами на энергию, из развивающихся стран, куда они ранее были привлечены низкими издержками на рабочую силу и более низкими стандартами охраны окружающей среды.

Итак, американская сланцевая революция — это действительно «game changer», имеющая глобальные последствия в глобальном мире с учетом веса США в мировой экономике. Вызванные ею изменения описываются и «эффектом домино», и «эффектом матрицы», и «эффектом масштаба». Последствия эти, на мой взгляд, необратимы, точка невозврата пройдена. Свою историческую роль американская сланцевая революция уже сыграла. Но какова может быть ее дальнейшая судьба в самих США?

### Сланцевый бум в США и кризис задолженности

После кризиса 2009 года и снижения цен на газ кривая добычи сланцевого газа (резкое падение дебитов скважин) требует эскалации бурения и соответствующих затрат и обслуживания долга. Отсюда — образование пирамиды задолженности и нарастание финансового пузыря накопленной задолженности. При этом доступные механизмы хеджирования лишь отодвигают, но не решают проблему. Решением может быть выход на экспортный рынок АТР, где более высокая премиальная цена реализации газа может позволить начать уменьшать пузырь задолженности, в результате чего он начнет постепенно сдуваться и удастся избежать его схлопывания.

Система недропользования США требует быстрого возврата неразбуриваемых участков владельцу земли, поэтому арендаторам участков нельзя отложить их освоение. Разработчики сланцевых ресурсов «второй волны» (пришедшие в бизнес по следам успеха первой) стоят перед дилеммой поздней (дорогой, с премией) аренды участков: либо вернуть их (и списать затраты), либо продолжать бурить (меньший из убытков) в ожидании получения права на экспорт.

У компаний-разработчиков сланцевых ресурсов существуют опасения, что администрация США завершит период налоговых каникул для независимых компаний, которые сегодня предъявляют к налоговым вычетам затраты на бурение, что позволяет финансировать бурение новых скважин и сдерживать надувание пузыря задолженности. Многие компании идут на списание затрат на рынке США в надежде экспортировать накопленный опыт на рынки сланцевого газа в других странах.

Таким образом, перед страной, обеспечившей сланцевую революцию и запустившей необратимую цепочку ее глобальных последствий, стоит задача предотвращения схлопывания пузыря финансовой задолженности компаний-разработчиков сланцевых ресурсов и мягкое, постепенное его сдувание. Удастся ли это — покажет время.

Людмила ОЛЕЙНИК

## **ИОРДАНИЯ: ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА**

Отгремели молодежные выступления на площади Тахрир, канули в лету популистские лозунги об освобождении Востока в Твиттере, поутихли организации по борьбе за права и свободы сирийских граждан. На смену революционным настроениям «арабской весны» пришла суровая реальность: кровопролитные столкновения в Египте после провального года правления «Братьев-мусульман», расчленение между различными племенами некогда единой Ливии, гражданская война в Сирии. Арабский мир истощен колоссальными людскими потерями, в то время как исламский экстремизм уверенно усиливает свое присутствие в регионе. Помимо нефтяных королевств Персидского залива выстоять под натиском «весенней лихорадки» удалось немногим: лишь Марокко, Алжир и крошечная Иордания после проведения ряда реформ уцелели в том виде, в котором они существовали до самосожжения Мухаммеда Буазизи в Тунисе. Внимание этой статьи приковано именно к Иордании. Экономически слабая страна, «вечный приют» беженцев сначала из Палестины, затем из Ирака, а теперь из Сирии, находится в эпицентре ближневосточных противоречий. Как объяснить тот факт, что королю Абдалле удается сохранять стабильность в Хашимитском королевстве?

Род Хашимитов ведет свое начало от пророка Мухаммада, а значит, авторитет монархии — святое дело ее верноподданных. Визуально страна охвачена культом королевской семьи: улицы Аммана, христианской Мадабы и туристической Петры пестрят рекламными плакатами с изображением короля Абдаллы, его отца Хусейна, жены Раньи и детей. Реальность далека от внешне привлекательной картинки. Страна четко разделена на палестинское большинство и на племенную знать — приспешников режима. На сегодняшний день более половины иорданцев (около 70%) — это беженцы, покинувшие свои дома после создания государства Израиль в 1948 году и после шестидневной войны 1967 года. Более того, 80% частного бизнеса страны принадле-

жит именно палестинцам. При этом в государственном аппарате они почти не представлены. Скажем, ни один из губернаторов страны не имеет палестинского происхождения. Дворец целенаправленно отстраняет палестинцев от рычагов управления.

Еще живы воспоминания о волнениях так называемого «черного сентября» 1970 года. Именно тогда и проявилось двуличие новоиспеченных граждан. Хотя в Иордании их жизнь стала куда спокойнее, они, поддержав Ясира Арафата, пошли против приютившей их власти. Тогда король Хусейн жестко расправился с беспорядками и навсегда избавился от боевиков Организации освобождения Палестины. Но сегодня его сыну все сложнее удерживать стремления палестинских иорданцев «встать у руля».

Реальная опора монархии — бедуины. Пришедшие из Хиджаза хашимиты впервые воспользовались помощью племен Восточного берега в восстании против османского правления в 1918 году. До сих пор система безопасности страны держится именно на них. Так называемый «патруль пустыни» занимается и охраной королевской семьи. Преданность дворцу основана отнюдь не на патриотических чувствах, а на значительных финансовых и политических привилегиях. В народе иорданский парламент называют не иначе, как «племенным». В этом отношении показательны парламентские выборы, прошедшие 23 января прошлого года под эгидой «арабской весны». Революционными их назвать трудно: позиции ведущих бедуинских кланов только укрепились. Однако эта патриархальная система не гарант спокойствия короля. Ведь племенам не свойственно единство.

Часто борьба за интересы выливается в вооруженные конфликты. Вспомним 2011 год, когда прогремело дело о клановом соперничестве за получение рабочих мест в городе Салт. Выстрелы не умолкали до тех пор, пока старейшины не подписали договор о прекращении огня. В апреле 2013 года международные издания пестрели заголовками о насилии на племенной почве в университетах Иордании. Смерть студента инженерного факультета Осамы Духэйсата в результате такой стычки вызвала резко негативную реакцию в стране.

Нарастающие социальные противоречия подкрепляются целым комплексом экономических проблем, главные из которых называют предпосылками «арабской весны». Это коррупция, безработица, бедность. Неужели Иордания существенно отличается в этих показателях от своих соседей — Египта и Сирии? Громкие коррупционные скандалы вокруг королевской семьи не редкость. Например, муж тети Абдаллы, бывший генеральный директор компании по разработке фосфатных месторождений Jordan Phosphates Mines, сейчас укрывается от наказания в Великобритании. Валид аль-Курди был заочно осужден на 37 лет за хищение полмиллиарда долларов США. Что касается безра-

ботицы, то острее всего эта проблема сказывается на молодежи. В 2013 году этот показатель был равен 27% среди мужчин и 45% среди женщин. Все больше выпускников иорданских университетов отправляются на заработки в страны Персидского залива. Резкий скачок цен на топливо и на продовольственные товары, а также нашествие беженцев из Сирии привело к тому, что за чертой бедности в 2013 году оказалось более 20% населения. К слову, пахотные земли составляют всего 10% территории Иордании, работы в сфере сельского хозяйства почти нет.

Большинство иорданцев проживает в городах, в то время как целые деревни остаются без электричества и водоснабжения. Продовольствие королевство вынуждено импортировать, впрочем, как и энергоресурсы. Фосфаты, медь, олово — вот и все, чем располагает иорданская горнодобывающая промышленность. До 2003 года поставщиком нефти в Иорданию был Ирак. Более того, «черное золото» поставлялось по субсидированным ценам. После американского вторжения союз Иордании и Ирака распался. Лишь в январе 2014 года стороны договорились об открытии нефтепроводной трубы для экспорта нефти из Басры в Акабу. Но, учитывая балансирование Ирака на грани гражданской войны, вряд ли можно говорить о возобновлении былого сотрудничества. Египет после окончания эры Мубарака также перестал быть надежным партнером. Регулярные перебои с поставками египетского газа в Иорданию, последний из которых произошел в октябре прошлого года, привели к общим финансовым потерям королевства в размере 5,2 млрд долл. В условиях региональной дестабилизации приходится опираться, прежде всего, на Саудовскую Аравию.

Могущественный сосед с юга, по словам экс-начальника саудовской разведки Турки бин Фейсала, не вмешивается во внутреннюю политику Иордании до тех пор, пока она не идет вразрез с интересами его государства. Все просто: Саудовской Аравии необходимо обезопасить себя от вероятности развития событий по революционному сценарию на западной границе. Отсюда подарок Иордании в один миллиард долларов после начала митингов в Аммане, а также приглашение стать полноправным членом ССАГПЗ. Правда, все это было в далеком 2011 году. Протесты закончились, обстановка стабилизировалась. Повторно такая щедрость не последовала, да и принятие Иордании в ССАГПЗ до сих пор не состоялось.

От Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта страна получает финансовую помощь в размере 5 млрд долл. в год. Дополнительные подачки осуществляются только на выгодных саудовцам условиях. Одно из них — использование территории королевства в качестве тренировочного полигона отрядов экстремистских бойцов «армии ислама». Так, по данным Associated Press, в лагере сирийских беженцев Заатари ведет-

ся активная агитация вступить в ряды «сирийской Свободной Армии». Якобы нейтральная позиция Абдаллы по сирийскому вопросу — лишь прикрытие. Реально решения принимает дом Саудов, и Иордания не имеет ни права, ни возможности перечить своему покровителю.

Очень уж шатко положение пришлых хашимитов в своем собственном дворце. Полная зависимость от внешних займов, ряд экономических проблем и социальная напряженность — все говорит о том, насколько уязвимое положение у Хашимитского королевства. Черчилль любил говорить, что он создал Иорданию «взмахом пера одним воскресным днем в Каире». И сегодня становится очевидным, что без поддержки монархий Персидского залива это искусственное государство может так же легко исчезнуть с карты Ближнего Востока, как оно там появилось.

## **«КРУГЛЫЙ СТОЛ»**

### **НУЖНА ЛИ НАМ ИДЕОЛОГИЯ?**

*В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.*

**Гуревич П.** В 1926 году видный итальянский коммунист Антонио Грамши оказался в тюрьме. Долгие дни и ночи пришлось провести в застенке. Он был освобожден только в 1934 году. До кончины оставалось всего четыре года. Там, в камере, он начал писать «Тюремные тетради», которые позже принесли ему огромную славу. Его размышления были изданы позже на многих языках. Темы, затронутые в «Тетрадах», касались самых разных аспектов гуманитарного знания. Особый интерес автора вызвали поворотные события политической истории. Он стремился осмыслить опыт Реформации, Французской революции, русской революции 1917 года. Две темы из этого обширного перечня политических сюжетов оказались весьма волнующими: проблема гегемонии и отождествление политики со страстью. Обычно первая тема сопряжена с обсуждением насилия, его оправданности и тех издержек, которые с ним связаны.

Рассуждения Грамши поразили своей нетривиальностью. Да, революция неизбежно приводит к гегемонии, к принуждению. Но она не обязательно должна обернуться только насилием. Власть держится не только на диктате покорности. Она укрепляется главным образом согласием граждан. Не просто вынужденной поддержкой власти, но еще и убежденностью в справедливости того, что предлагают властители. Полемизируя с другим видным итальянским теоретиком, Б. Кроче, Грамши утверждает правомочность идеологии. Политическая инициатива может носить «наступательный характер», вести постоянные атаки, давить на противника. Но она способна также к серьезной социальной полемике. Необходимо не только насилие, но и идеологическое убеждение. Создание и распространение идеологий — святая обязанность теоретиков, ученых, представителей интеллигенции.

Власть не может обеспечить собственное величие без идеологии, массам тоже она нужна. Сегодня в нашей стране часто сетуют на то, что в существующей Конституции Российской Федерации говорится о недопустимости любой государственной идеологии. Многие политики считают это ошибкой. Они

ратуют за возрождение идеологии. Толкуют о том, что без идеологии страна не может решить поставленные перед нею исторические задачи. В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Каковы исторические судьбы идеологии?
2. Какова ее роль в современном мире?
3. Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?

## КАКОВЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ИДЕОЛОГИИ?

**Буева Л.** Вокруг этого понятия происходит сегодня нечто невообразимое. О нем затосковали не только политики, но и ученые, чиновники, бизнесмены. Оживилось племя идеологизаторов. Маята по идеологии охватила даже широкие массы людей. Многие вспоминают как отрадный исторический период время, когда генсеком был Л.И. Брежнев. При этом конкретные обнаружения этой тоски по идеологии подчас выглядят курьезно. Ответственный и весьма популярный в стране еженедельник под Новый год заявляет: «Без вятной государственной идеологии елка становится скучной». Напрочь забыт прекрасный фильм «Карнавальная ночь», в котором как раз государственная идеология обеспечила в тот новогодний вечер необоримую тяжесть скукотищи. Вице-губернатор Пензенской области Вячеслав Сатин заявил: «Нам нужна новая идеология, новый методологический подход». Знаете ли вы, по какому поводу прозвучали эти слова? Он сказал: «Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию!». Честное слово, тут нужен неизбывный талант Игоря Ильинского, который мог бы с непередаваемой серьезностью произнести с экрана эти слова. Суперкомический эффект гарантируем.

**Егорова И.** А может быть, никакого комизма и не предвидится. «Умное лицо — это еще не признак ума, господа», сказано в популярном фильме. Не будет ошибкой сказать, что началась полоса активной девальвации идеологии под видом оперативного, неумолимого ее возрождения. Идеологию наделяют такими авторитарными смыслами, что кажется, будто политики в очередной раз решили реализовать утопии Оруэлла или Замятина. Она, по замыслу очередных идеологизаторов, должна незамедлительно вторгнуться в личную жизнь людей, мобилизовать их, принудить к единомыслию, к тупой покорности. Летопись идеологии как феномена, ее смысл и предназначение отвергнуты. Однако история наказывает тех, кто не учитывает ее уроки. Идеологизаторы ведут себя так, словно в минувшем столетии не было яростных споров относительно судьбы этого феномена, не сталкивались различные социологические концепции. Невольно вспоминается фраза М.Горбачева: «Относительно плюрализма не может быть двух мнений, он нам нужен».

**Гуревич П.** Такое простецкое отношение к идеологии особенно поразительно, если учесть, что к ее трезвому осмыслению подключились в конце минувшего столетия и начале нынешнего выдающиеся современные философы, в том числе Поль Рикер, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Проблема вовсе не так проста, как кажется на трибуне Государственной Думы. Невольно рождается тревога, не готовы ли мы в оче-

редной раз профанировать важнейшие социальные понятия, прагматизировать их глубочайший смысл и войти в царство абсурда. Упаси Бог, если принудительная сила идеологии коснется столь укромных сфер человеческой жизни, как зачатие. Не приведи Господь, если тоталитарная мощь идеологии будет мобилизована для укрепления властомании.

**Буева Л.** Надеюсь, в нашем обсуждении мы не собираемся дискредитировать само понятие идеологии? Эту задачу в свое время блестяще выполнил Карл Маркс. Он объявил ее «ложным сознанием». В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализировано соотношение различных форм общественного сознания.

**Егорова И.** Это общее суждение требует все же корректировки. Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению. Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изобличать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса. Разве сегодня идеология находится в критическом дозоре?

**Буева Л.** Когда современная власть ратует за возрождение идеологии, она меньше всего имеет в виду критическую функцию массовых идейных процессов. Напротив, она ищет в этом феномене возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка, необычайного ресурса воспитания масс в период духовного разномыслия. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех благих и оправданных намерениях может обернуться черносотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду. Поэтому в конкретной исторической практике нередко полезнее оказывается идеологическое воздержание или явная деполитизация масс. Вопрос в том, какой исторический момент переживает Россия и нужна ли ей сегодня идеология?

**Егорова И.** И все же, Людмила Пантелеевна, в жизни каждого народа или страны возникает такая ситуация, когда призыв к единой идеологии оправ-

дан. Могли ли национально-освободительные устремления получить реализацию, если бы они не были воодушевлены общей идеей свободы? Разве музыка Верди не звала на борьбу против австрийских угнетателей? Могли ли формироваться национальные государства без призывной, рекрутированной идеологии? Неужели приверженцы социалистических идей пришли бы к власти, если бы не стремились внедрить в массы собственные идеи? Выходит, власть всегда рискует, когда призывает к идеологической мобилизации. В истории случается, что ветхозаветный российский национализм на пике собственного акме имеет шанс парадоксально пробудить тягу к европеизации. Идеология русского народа, «русскости» может вызвать к жизни различные национальные «измы». Фундаментальное православие способно вызвать эффект реисламизации. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации.

**Гуревич П.** Может быть, именно поэтому идеология, как правило, зовет в неизвестное. Неслучайно видный словенский культуролог и социальный философ Славој Жижек отмечает, что «идеологической» социальная действительность становится тогда, когда есть незнание. Это проверенное философское суждение. А ведь отечественные идеологизаторы полагают, что именно утверждение конкретной идеологии обеспечит кристальную мировоззренческую ясность и идеальный порядок. На самом деле носителем незнания являются субъекты данной исторической ситуации. Это можно трактовать так: в любой идеологической ситуации есть «слепое пятно», которое скрывает от человека нечто, безусловно, важное. Так, голый король из сказки Андерсена не ведает, что он голый. В той же мере жертва либерально-демократической идеологии не знает, что свобода, которой он кладет на заклятие все свои силы и саму жизнь, с необходимостью оборачивается его закрепощением в том случае, если у него нет достаточного капитала, который позволил бы ему жить, не продавая свою рабочую силу. Он борется за свободу, но не как истекающий кровью, ползущий на баррикаду человек на картине французского художника Эжена Делакруа. Он такой раб свободы, который ползет к прекрасной деве с красным флагом, но приползает всегда в одно и то же рабство, в одну и ту же необходимость отказаться от всякой свободы ради куска хлеба для себя и своих детей. Граждане современной России ощутили это на своей судьбе. А ведь безграничная свобода казалась таким соблазном, что верилось: «иного не дано». Сегодня от этого жаркого энтузиазма осталось только пережеванная правда: «Свобода лучше, чем несвобода».

**Буева Л.** Жертва либеральной идеологии не знает, что свобода — это совсем не то, что нарисовано на полотне живописца Э. Делакруа. Он проливает кровь не за свободу как таковую, а в основном за свободу собственности, за которую и борется сформировавшийся новый класс во времена Французской буржуазной революции. Он еще не знает, что свобода слова, совести, вероисповедания и пр. — это периферийные свободы, обслуживающие главную: свободу иметь имущество, независимо ни от чего. И ничего плохого нет во всех этих свободах, если у тебя есть собственность. Даже если у тебя ее недостаточно и ты вынужден работать, то ничего плохого нет и для тебя, только ты хорошо должен знать цену, которую лично тебе приходится платить за радость

жить в либерально-демократическом обществе. Вот эта изнанка идеологии осознается далеко не сразу.

**Егорова И.** Значит, логика критиков идеологии не беспочвенна. Не знание, а идеология не может быть универсальной, она всегда что-то упускает, влечет к идеологическому плену. В ходе идеологического просвещения идеология может обрушить самое себя. Кстати, об этом неплохо написал немецкий философ Петер Слотердаjk. Он в своей недавней книге «Критика циничного разума» утверждает, что после внушительной критики идеологии наступает ее смерть. Но тогда на смену ей приходит еще одна форма ложного сознания, которая страшнее идеологии. Имя ей цинизм. Рассчитавшись с идеологией, мы рискуем войти в царство непристойного скепсиса.

**Гуревич П.** Своевременное предупреждение. Нам, судя по всему, предстоит разобраться в своеобразном духовном феномене, который называется «критика идеологии». Ведь это огромная духовная традиция, к которой, кстати, причастен и Карл Маркс. Родившись в эпоху Просвещения, «критика идеологии» противостоит сегодня любой идейной мобилизации, в известной степени затемняет роль идеологии в истории. В XVIII веке критика идеологии выполняла важнейшую социальную функцию — она была манифестом борьбы. Эта критика не только сокрушала консервативно-самодовольное сознание. Она служила плацдармом, на котором оттачивалась социальная мысль, играла роль своеобразного духовного тренинга. Именно об этом говорится в книге «Критика циничного разума». В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Он оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необходимости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

**Буева Л.** Но разве такая идеологическая беспощадность не приносит пользу? Расчеты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями — неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяла обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремилась представить общественности воспроизводство ложного и несвободного сознания. Разве в наши дни существует такая неистовая диагностика духовных процессов?

**Егорова И.** Я-то как раз убеждена в том, что такого идеологического фанатизма сегодня предостаточно. С каким напором, к примеру, критикуется в наши дни либеральная идеология! Да, реализация либерального проекта в нашей стране обернулась многими потерями. Да, Конституция РФ 1993 года закрепила ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры. Но ведь базовые ценности либеральной идеологии — священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности (права на жизнь, свободу и частную собственность). Не вытравится ли из общественного сознания в результате такой идеологической агрессии значимость достижений либеральной мысли? Различного рода телевизионные «барьеры» сегодня преследуют единственную цель — перекричать собеседника, сразить его мощью идеологического напора. За всем этим ощущается пагубная потребность в единственно правильной идеологии. Провозве-

стие диалога как крупнейшего достижения философии минувшего столетия начисто игнорируется. Во всем отыскивается не рациональное зерно, а неистинность и злая воля. Всякое заблуждение квалифицируется как злонамеренная идеология. Но при этом в идейном багаже не оказывается собственно никакого позитивного содержания.

**Гуревич П.** Это и дает основание мыслителям указать на нынешнее онаучивание идеологии. Она выступает теперь во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. Развертывается холодная война сознаний. Но беда в том, что никто никого не слышит. Критика идеологий, став серьезной, подражает в своем подходе хирургии: она стремится вскрыть пациента скальпелем критики и, надлежащим образом все продезинфицировав, оперировать. Стиль аргументации при критике идеологии — от критики религии в XVIII столетии до критики национализма в XX веке — характеризует поза обличителя. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, — интересы, страсти, фиксации, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

**Буева Л.** Изобличение иллюзий — разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

**Егорова И.** Нет сомнений в том, что идеология стягивает все мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создает всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует, в конечном счете, формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом в скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

**Гуревич П.** Между прочим, Жижек не соглашается со Слотердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думании». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеология гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делания», что (в его терминах), идеология — это не симптом, а фантазм; значит, понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не быть обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все ее секреты давно изведаны. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории ее триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

**Буева Л.** Да, французский философ Поль Рикер полагает, что в понятие «идеология» не следует вкладывать тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс. Такая трактовка сложилась через призму классовый борьбы, которая требовала искажения реальности. Это, согласно Рикеру, партикулярная характеристика идеологии. Идеология, считает он, не обязательно является «ложным сознанием». Правильнее связывать с ней особый метод мышления, типичный для французского Просвещения. Для мыслителей этой эпохи, таких, например, как Дестют де Траси, идеология означает теории или доктрину идей. Именно Наполеон впервые употребил это слово в негативном смысле, назвав «интеллектуалов» и «идеологов» своими врагами. Возможно, современная власть имеет в виду именно это — позитивное — толкование идеологии?

**Егорова И.** Само слово «идеология» впервые ввел в употребление А. Дестют де Траси в 1796 году. На рубеже XVIII–XIX веков поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину, подчеркивая активный характер, практическую значимость идеологии. Деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

**Гуревич П.** Да, именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, призванную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Какой парадокс подготовила история! Слово «идеология», придуманное специально для обозначения трезвого, беспристрастного мышления, стало затем синонимом обмана и фальсификации социальной правды.

**Буева Л.** Коллеги, можно ли предполагать, что эта традиция, согласно которой идеология считалась теоретической основой общества, была затем утрачена? Идеология в нашем сознании долгое время отождествлялась с разного рода мистификациями, мифами, иллюзиями, которые лишь затемняют общественное сознание. Немецкий философ Юрген Хабермас даже писал так: «идеология является бытующей мистикой». «Критика идеологии» составила целый этап в истории западного мира. Французский философ Жак Лакан доказывал, что человеческое сознание вообще является «ложным» уже на доречевой стадии своего развития. В дальнейшем, по его мнению, самоотчуждение индивида нарастает в связи с расширением сложности символических систем, в которые он включается. Так, человек все более и более, по словам Ж. Лакана, охватывается «идеологическим».

**Егорова И.** Но хорошо известно, что разоблачение идеологии продолжалось в течение десятилетий. Не в этом ли смысл концепции деидеологизации

философской и социально-политической концепции, которая получила широкое распространение на Западе в 50-х и 60-х гг. прошлого столетия? Ее основоположники провозгласили «закат идеологии», устранение идеологии из обществоведения, политики, повседневной жизни. Деидеологизацией называют также направление теории, политики и практики, которая отвергает односторонне классовый, предельно идеологизированный подход к анализу и оценке социально-политических феноменов и процессов и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям перед классовыми и групповыми.

**Гуревич П.** Это недолгое идейное поветрие было вызвано докризисным процветанием западного мира. Тогда казалось вполне естественным представление о том, что в благоустроенном обществе, где отлажены экономические, политические, социальные процессы, нужды в идеологии нет. Возникает совсем иной запрос: нужны специалисты, которые контролируют каждое звено общественной жизни, предлагают продуманные общественные решения. В самом деле, кому станут верить люди — социальному мыслителю, специалисту, который предлагает «от имени науки» взвешенное и продуктивное суждение, или политику, который изо всех сил стимулирует «ярость масс»? Мода на харизматиков стала утрачиваться. На вершинах власти оказались самые заурядные политики, не поражающие избирателей ни умом, ни личностными качествами, ни моральной стойкостью. Пришло время технократов. Они прониклись мыслью, что с помощью индустриального переворота, искусной социоинженерной экспертизы и тотального планирования в национальных масштабах можно не только обеспечить благосостояние людей, но и значительно ускорить темпы социального прогресса. Технократы внедряли в общественное сознание представление о том, будто социальная ткань податлива и мягка. Она может выкраиваться по идеальному стандарту, подсказанному наукой. Эта идея родилась в сознании технократов, высококвалифицированных специалистов в бизнесе, в организации производства, планировании досуга. Укоренившись в различных звеньях общественного организма, эксперты, естественно, были убеждены в своей необычной миссии.

**Буева Л.** Но что же заставило социальных мыслителей так стремительно отмежеваться от концепции «идеологизации», которую они сами же пестовали? Я полагаю, что идеологизация выражала некий мираж, иллюзию. Ведь монетаризм сам по себе тоже является идеологией, разве не так? Формально он сводится к набору экономических экспертиз и рекомендаций. Но при этом исходит из широкого круга мировоззренческих проблем — трактовка смысла жизни, ориентировка поведения, ценностные идеалы, инспирация рыночных оценок в тех сферах жизни, где они недопустимы. Любовь в рыночном обществе предлагается в качестве товара, дружба — как выгодные партнерские отношения. Разрастаясь в качестве чисто экономической модели, монетаризм стал обогащаться многочисленными идейными сюжетами. Так на фоне идеологической пустоты утвердилась «новая идеология жизни».

**Егорова И.** В идейной жизни этот процесс вызвал обновленную веру в идеологию. Смысл новой концепции — реидеологизации — обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современ-

ном мире. В начале 1970-х годов ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире происходит бурное обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма. Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям современного потребительского общества.

**Гуревич П.** Уже полвека назад социологи писали о том, что процесс реидеологизации находится у самых своих истоков. Его успешному развитию может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр). Но социальная практика столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Можно ли действительно говорить об «исчезновении идеологий»? Могут ли вообще затихнуть политические страсти, если современное общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противником идеологии? В самом деле, могут ли отдельный человек или общество в целом обойтись без целостной картины мира? Важно отметить, что многие западные социологи, в их числе Р. Миллс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Дж. Лаполамбара, еще до того как самих поборников деидеологизации стали одолевать сомнения, показали уязвимость этой концепции. Они раскрыли конкретные противоречия, присущие ей. По справедливому замечанию Р. Фридрикса, концепция «деидеологизации» превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез».

## КАКОВА РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**Буева Л.** Не забавно ли, что в роли инициаторов концепции реидеологизации выступили те западные исследователи, преимущественно социологи, которые активно пропагандировали созданную ими концепцию деидеологизации? Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Шилз. Теперь все они стали говорить, что, в сущности, они всегда были реидеологизаторами. Беда лишь в том, что научная общественность не сумела оценить утонченность их мотивировок. В результате, мол, появились упрощенные, а подчас и извращенные версии тех воззрений, которые исповедовали указанные авторы. Словом, их не поняли, неверно прокомментировали и т. п. Р. Арон уже в конце 1960-х годов объявил, что «закат идеологии» стал анахронизмом. По его мнению, мы живем в век «разрастающейся и углубляющейся идеологизации». З. Бжезинский утверждал, что сегодня выигрывают те общественные силы, которые обращаются к массовым идеалам, учитывают потребность людей в ценностных ориентациях. Поиск воодушевляющих истин больше уже не рассматривался как «ненужное доктринерство», как «дань абстрактному и бесплодному гуманизму». Напротив, идеологи, социологи и политологи стали настаивать на том, что люди испытывают весьма сильную, трудно насыщаемую потребность в идеях, мотивирующих их поведение.

**Егорова И.** Мне кажется, что реидеологизаторская волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорят о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчетливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух». Все реидеологизаторы, независимо от конкретных ориентаций, придерживаются единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентации. Всем «реидеологизаторским» направлениям присуще мессианство, вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Реидеологизаторы ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность новому мировоззрению.

**Гуревич П.** Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривал в «религии всеобщей любви», Э. Фромм — в «революции надежды», Т. Роззак — в «старом гнозисе», т. е. возрождении шаманистики, магии, первобытной фантазии. Сообщалось, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от односторонности. В этом новом духовном образовании будут интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп. Реидеологизация — сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идейно-политическими течениями современного мира. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях западной мысли, трансформировав и либерализм, и консерватизм, и леворадикальное сознание. В этом русле лежат попытки буржуазных партий (республиканской и демократической в США, лейбористской в Англии и др.) опереться на обновленные политические программы, укрепить свой престиж. И чем же все это завершилось? Идеология оттеснила науку, философию. Началась полоса безраздельной идеологизации всей социальной жизни. Идеология окончательно короновала себя в современном мире. Нет такой сферы существования, будь то конкурсы красоты или спортивные состязания, политические распри или расшифровка генома, которая не оказалась бы идеологизированной. Почитайте работы современных генетиков. Их волнуют уже не только тайны природы. Они готовы выступить и в роли социальных реформаторов.

**Буева Л.** Мы подвергли осуждению идеологию и ее критику, крах идеологии и реидеологизаторскую волну. Каков же «сухой остаток»?

**Егорова И.** Он как раз в том, что опасно браться за новое идеологическое творчество, не усвоив уроки истории. Можно ли считать, что концепция деидеологизации полностью несостоятельна? Это было бы упрощением проблемы. Ведь остается в силе предположение, что главная задача власти состоит вовсе не в том, чтобы представить народу развернутую идеологию. Ей предстоит, прежде всего, использовать достижения социальной философии и организовать общественную жизнь с учетом достижений экономики, социологии и других сфер гуманитарного знания. Запрос на идеологию, безусловно, отра-

жает неспособность власти сохранить себя без использования социальной мифологии. Либеральная власть в нашей стране полагала, что она реализовала запрет на огосударствление идеологии. И в этом был исторический смысл. Трудно было в тех условиях обеспечить переход страны к новому жизненному укладу без серьезных расчетов с авторитарным наследием, без оценки возможной идейной заразы, которая находит свою опору то в национализме, то в неоязычестве, то в воинствующем атеизме.

**Гуревич П.** Да, любая политическая сила, придя к власти, начинает уже не разоблачать идеологию как феномен, а укреплять собственные идеологические позиции. Именно поэтому, мне кажется, нет особого смысла разоблачать концепцию деидеологизации. Не зря говорится, что из мертвого тела философии XIX века явились на свет современные науки теории власти, такие как политология, теория классово-борьбы, технократия, витализм — в любом обличье вооруженные до зубов. Не точнее ли предположить, что в исторической общественной практике иллюзии и парадоксы деидеологизации время от времени сменяются грезами реидеологизации? Ни та, ни другая концепция не могут претендовать на универсальность. Убеждение в том, что без идеологии общество существовать не может, зачастую сменяется резким разоблачением господствующих социальных мифов.

**Буева Л.** В современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патриотическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации, и в желании выстроить протекшую историю по лекалам современных властных полномочий. Мне кажется, что огромные усилия, которые прилагаются к разоблачению деидеологизации, отвлекают от главной задачи — поисков позитивных идеологических ресурсов. Ведь чаще всего политики и эксперты говорят не об идеологии, а о социальном проекте.

**Егорова И.** Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грез, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая не справляется с действительными общественными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освященному духом «научности». Она предстала как некое, внесенное «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике. Вся история с «раскрестьяниванием» разве не наглядная иллюстрация противостояния тысячелетнему уникальному опыту сельчан? Наконец, разве сама принудительность идеологии, которая насаждается, усваивается, закрепляется, не служит мостиком к тоталитаризму?

**Гуревич П.** В то же время очевидно, что приход к власти В.В. Путина и артикулированная им идея сохранения сильного российского государства отражала назревшие социальные тенденции. Мне кажется, что наша страна упустила возможность ясной и убедительной философской трактовки этой идеи. Понятное дело, что ссылки на две-три цитаты И.А. Ильина не могли заменить эту задачу. Нам явно не хватило полноценной дискуссии о предпо-

сылках «нормальной государственности», о сущности и механизмах государственной власти, о праве и правосознании, о правопорядке. Дефицит проблемной сложности этой темы, сублимированной цитатностью, не позволил придать данной исторической ситуации мировоззренческой напряженности. Прояснение национального самосознания незаметно превратилось в обыкновенную апологию власти.

**Буева Л.** Я согласна с тем, что идеология только тогда обретает жизненность, когда она отражает назревшие общественные тенденции, поддерживается народом, закрепляет энтузиазм масс. Важно не только озвучить назревшую идею, но придать ей также историческую объемность. Между тем «программа Путина» на протяжении двух десятилетий не обрела социологической и теоретической конкретности. Под нее неизменно подверстывались различные аспекты политической конъюнктуры. Президенту удавалось создать иллюзию полного единомыслия с каждой конкретной идеологической стратегией. Разномыслие стало мимикрировать в показное единство.

**Гуревич П.** Давайте поставим вопрос: при каких условиях сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза несмотря на то, что оно, в конце концов, вытекает из самой дефиниции? В качестве отправной точки анализа можно взять положение Макса Вебера о социальной интеграции. Немецкий философ действительно дает относительно исчерпывающее объяснение социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями — господство и конфликт. Именно на уровне такой осмысленной, сориентированной на другого члена общества и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает свое первоначальное значение. Особенно подчеркнем понятие «социально осмысленного поведения».

**Буева Л.** Да, к сожалению, современные события не осмысливаются. В самом деле, ведь постижение смысла происходящего предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного образа этой памяти в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. При опосредованном отношении к «основополагающим событиям» проявляется четкая тенденция к замене убеждения простым одобрением, логическим обоснованием, иначе говоря, рационализацией, если воспользоваться психоаналитическим термином. Идеологи, по сути дела, дают ответ на все сомнения, возникающие между прошлым и настоящим. Идеология не просто отражает некие основные силы, она принадлежит к символической сюжетике группы, связывает перспективу и память.

**Егорова И.** Все идеологии схематичны и упрощены. Это своеобразный тип кода, который позволяет социальным группам иметь всеобъемлющую точку зрения на самих себя, на историю и, в конечном счете, на весь мир. Кодового характера идеологии невозможно избежать, поскольку механизм ее воздействия направлен на обработку общественного мнения, которое скорее поддается управлению, нежели мышлению. Эта замена мышления мнением и является идеологическим феноменом. Идеология апеллирует к «измам» — либерализм, социализм, гуманизм. Пристрастие к лозунгам обнаруживает родство между риторикой и политикой, хорошо известное греческим и латинским мыслителям.

**Гуревич П.** Я хотел бы привести исторический пример такой подмены, который, пожалуй, не осмыслен до конца социальными философами. Дело в том, что концепция деидеологизации создавалась от имени научного сознания. Власть на самом деле оказалась некоторое время распыленной между политиками и технократами. Политикам приходилось осваивать научную лексику, убеждая массы в том или ином социальном решении. Но сегодня роль научной технократии стухала. Политики все реже обращаются к голосу специалистов. Власть не слышит экспертов. Политическое решение отражает все что угодно, только не теоретически оправданное действие. Политик более чутко отзывается на социальную конъюнктуру, которая позволяет ему удержать власть.

**Буева Л.** Мне кажется, что это происходит во всем мире и у нас, в России. В нашей стране в Общественном палате во время слушаний «проклюнулась» такая неожиданность. В органах государственной власти и в силовых структурах не хватает 17 тысяч аналитиков. Может быть, власть не интересуется мнение тех, кто способен дать серьезный аналитический разбор закона, который готовится к обсуждению. Но не исключено, что кто-то предумышленно нейтрализует важнейшие блоки трезвой, обоснованной информации. Если бы аналитики были допущены к расчетам денежных средств при финансировании «Роснано» и «Сколково», безудержных растрат не произошло бы. На самом деле, осознание ненужной роскоши при обеспечении проектов обнаружено уже Счетной палатой. Кажется, все оправдано. Избыточность средств установлена. Один социальный институт скорректировал другой. Но где же участие специалистов, аналитиков?

**Егорова И.** Полагаю, что разгром Академии наук был бы остановлен, если бы в обществе был запрос на научную экспертизу. Более того, в обоснование этого разрушения толковали о том, что наука оказалась несостоятельной в тех или иных случаях, когда к ней обращалась власть. В печати не раз отмечали, что прогнозы и оценки С. Глазьева, М. Делягина, М. Хазина, В. Лепского, О. Смолина, В. Бабкина, Л. Ивашова, видных представителей Российской академии наук и Академии военных наук подтверждали неоднократно свою состоятельность.

**Гуревич П.** Мне лично нравятся социальные экспертизы, которые принадлежат ректору Байкальского государственного университета экономики и права профессору Михаилу Винокурову. Возможно, они не безупречны. Однако почему они не становятся предметом критического разбора? Это чисто идеологический казус: не обращать внимания на то, что не востребовано политическим мнением. Могут возразить: еще в декабре 2001 года Президент России дал Академии наук и научному сообществу серьезное задание: обеспечить независимую экспертизу принимаемых государственных решений и прогноза аварий, бедствий и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах. Разве это задание было проигнорировано? Ничего подобного. Подготовленные экспертизы не получили ни поддержки, ни одобрения. Нельзя же, в самом деле, считать ликвидацию Академии наук своеобразным откликом на проделанную работу. Касаясь проблемы возможных корректив Конституции РФ, В.В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию РФ, отметил: «Современной России необходима широкая общественная

дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение». Но разве у нас есть опыт широкой общественной дискуссии по социальным вопросам? Где тогда хотя бы перечень проблем, которые требуют аналитического обсуждения?

**Буева Л.** Дело даже не в том, что нет обсуждений и дискуссий. Они есть. Вот состоялась очередная ассамблея Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Собрали лучшие умы страны. Значима и тема «Человеческий потенциал России: как сохранить и приумножить?». На этом заседании политолог В. Третьяков заявил, что никаких инноваций на основе реформы образования не будет никогда. Их нет за последние 20 лет, и в ближайшие 120 лет, если будет продолжаться эта реформа, не будет. Разве кто-то в стране сомневается в точности этих выводов? Однако многие газеты напечатали эти слова как «особое мнение». Зачем тогда иллюзия обсуждений? Чтобы создать идеологическую видимость серьезной проработки проблемы, обмена мнениями. Механизм идеологии действует как бы за нашей спиной.

**Егорова И.** Участие в историческом процессе предопределяет невозможность абсолютного знания. Политика все чаще обращается не к экспертизе, а к феномену целесообразности. Но целесообразно далеко не все, что научно. Трезвая оценка реальности может обеспечить социальную динамику. Идеологическая экспертиза действительного состояния общества рискует обеспечить временную стабилизацию. Но она всегда проигрывает в исторической перспективе. Не провоцирует ли это появление новых этажей «ложного сознания»? Так рухнет вековая мечта социальных мыслителей — придать социальному развитию державную теоретическую оснастку.

**Гуревич П.** Сегодня можно зафиксировать явную избыточность идеологий. Идеологизируется все — от социальной политики до новейшего научного открытия. В политической практике прошлого обнаруживались контрверзы либеральной, консервативной и радикальной идеологии. В наши дни картина чрезвычайно усложнилась. Мы оказались в сложном спектре идеологических воззрений. Всеохватная идеологизация глобализма вызвала к жизни антиглобализм. Побочным продуктом глобализации явилась идеология космополитизма, для которой «отечество сердца и воображения» (выражение В. Ключевского) оказывается там, где хранятся банковские вклады. Мощная тенденция к национальному нивелированию, к глобализации сознания наконец-то породила контртенденцию.

**Буева Л.** Это действительно так. Миллионы людей испытывают потребность в собственной национальной укорененности. Казалось бы, поиск идентичности, охвативший едва ли не все страны, мог носить лишь общекультурный характер. На самом деле, он оказался предельно идеологизированным. В японской культуре, например, для обоснования героической судьбы страны даже персонажи давних мифов используются как реальные исторические фигуры. Поводом для неизбежного национального самовозвышения может служить даже победа сборной страны по футболу.

**Егорова И.** Такая же задача, по сути дела, поставлена перед создателями нового учебника по истории. В нем особую ценность приобретают «достойные» события, сомнительное отсекается или просто игнорируется. Таким

образом, устраняется мудрая мысль Гегеля о том, что в истории особую ценность обретает поучительное, будь это победа или поражение. Поиск самоидентичности уже вызвал национальные войны, бесчисленные конфликты, неустрашимые катастрофы. Прогноз З. Бжезинского ныне выглядит просто пародийным: «...преодолей в себе голос крови на базе новейших научных достижений...»

**Гуревич П.** При такой идеологической креативности невольно закрадывается мысль: а может быть, для матушки-Истории этот азарт, социальный кипятилок, «нас возвышающий обман» важнее, нежели здравый смысл, точный экспертный прогноз? В идеологии всегда присутствует жар, клочкотанье иллюзий, страстей. Может быть, идеология и есть локомотив истории? Не исключено в то же время, что она способна породить уныние и позор через беспощадное столкновение с реальностью, растрату жизненных сил, исторический проигрыш? Разве призрак коммунизма не прервал безоговорочное развитие России в начале минувшего столетия? Не обернулся ли блистательный и победоносный пафос фильма, с которого мы начали наше обсуждение, историческим провалом Германии?

**Буева Л.** Но где же эти страсти в современных дискуссиях об идеологии? Читаю одного публициста. Вот установки придуманной им «интеллектуальной игры»: 1) Идеология должна подходить большинству населения России. Желательно, чтобы в ней присутствовала мысль об улучшении экологии земли. Не нужно предлагать коммунизм, его не воспримут; 2) Идеология должна быть простой и понятной каждому. Люди должны понимать и знать, что надо делать. Не нужно предлагать всем выучить ядерную физику и сплотиться вокруг идеи, что у нас любой охранник понимает уравнение Шредингера. Народ просто не потянет такие закидоны; 3) Желательно, чтобы идеология была как-то подкреплена исторически. Пусть с натяжками, с выдумками и переставленными акцентами, но исторические примеры, что мы едины и правы в своей идеологии, должны быть обязательно. Историкам не впервой такое делать, пусть что-то придумают; 4) Ну и самое главное, у идеологии должна быть великая, но в то же время простая и понятная цель. Например, построить рай в отдельно взятой стране, построить космический корабль и улететь на фиг, заселить Россию слонами... Предлагайте, обсуждайте. Прошу только без личностей. И еще думаю, что для выполнения идеи должна быть четкая программа действий».

**Егорова И.** Да, впечатляющие технологии энтузиастов срочной идеологизации! Показательно, что здесь нет ни одной реальной проблемы. И это в стране, где экономика не развивается. Коррупция не слабеет. Законность становится волюнтаристской. Назревают межнациональные конфликты. Может быть, назревает некий социальный поворот, смена курса?

### ЧТО ПРИНЕСЕТ НАМ КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ВЗЯТАЯ СЕГОДНЯ НА ВООРУЖЕНИЕ?

**Гуревич П. В.В.** Путин заявил о приверженности страны консервативной идеологии. Недавнее обращение к Федеральному Собранию только подчеркнуло этот факт, указав на то, что и дальше Россия будет двигаться в этом

направлении. В эти дни эксперты обсуждают эти слова президента. Началось обсуждение неоконсервативного драйва.

**Буева Л.** Все же слова «консерватизм» президент не произносил. Он поступил как настоящий идеолог. Явление обозначено, но строго не зафиксировано. Можно полагать, что речь идет в первую очередь о положительной оценке исторической традиции. Нетрудно также осознать, что, демонстрируя приверженность стабильным ценностям, президент позиционирует себя как политического лидера, способного указать Европе на те ценностные установки, которые неприемлемы для России. Мы не станем пропагандировать однополые браки, толерантное отношение к распаду семей, отречение от национально-культурных корней народа. Политико-национальная история государства и нации оказывается в этом контексте образцом для подражания.

**Егорова И.** Идеология невозможна без мессианства. Приверженность консерватизму означает обозначение исторической миссии России, которая может сегодня взять на себя роль глашатая консервативных ценностей. Но здесь мы сразу наталкиваемся на известное противоречие. С одной стороны, мы хотим остаться вместе с Западом, считаем себя европейской державой, придерживаемся либерального курса в экономике, а с другой — делаем внушительный шаг в сторону от Европы.

**Гуревич П.** Ценности консерватизма исповедует сегодня не только Россия. Они мобилизуют многочисленных сторонников и на Западе. В наших обсуждениях мы неоднократно ссылались на книгу Патрика Бьюкенена «Смерть Запада». Он писал о том, что народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. Нынешний кризис, по его словам, грозит уничтожить западную цивилизацию. Кроме вымирания населения, Западу угрожает массовая иммиграция людей различных цветов кожи, верований и культур, иммиграция, которая ставит под сомнение культурную целостность Запада.

**Буева Л. В. В.** Путин подкрепляет свои суждения ссылкой на Николая Бердяева. Здесь мы сталкиваемся с удивительной идеологической особенностью. Если прежде апелляция к тому или иному идейному течению предполагала некую целостность, стремление подчинить все проблемы одному мировоззрению, то сегодня политику вполне достаточно взять из мировоззрения одну мысль, одну ссылку, игнорируя сложность всего концептуального единства. Идеология — это не цитата, а определенный курс. Но Бердяев как раз и подчеркивал, что не следует понимать консерватизм исключительно как лозунг в политической борьбе.

**Егорова И.** Несомненно, русский философ писал о консерватизме как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Он считал, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи. Настоящее, прошлое и будущее связываются в глазах консерватора в единый целостный проект, направленный к ясной национальной цели.

**Гуревич П.** Консерватизм, по словам Николая Бердяева, имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, связывает себя с историче-

скими корнями. Вместе с тем русский философ отмечает, что не всякий консерватизм сам по себе хорош. В наших условиях мы можем легко окрасить в радужные цвета, скажем, период застоя. Но истинный консерватизм не лишен преображающей энергии. Традиция и предание вечно хранятся, сохраняя преемственность. Есть творческий консерватизм. Но есть и ложный, косный консерватизм, который не понимает творческой тайны прошлого и ее связи с творческой связью грядущего.

**Буева Л.** Сегодня под знаменем консерватизма творится «выпрямление» истории. Усилиями специалистов мы создаем видимость узаконенной истории. Но ведь правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности. Я согласна с тем, что отрицание исторической преемственности и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм — это идеологическое предательство консерватизма. В историческом космосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Однако не разрушается ли эта историческая правда в едином учебнике по истории, где все исторические события подгоняются под приемлемый стандарт?

**Егорова И.** История не творится по заранее обдуманному плану. В ней есть и величие, и позор, обретения и утраты. Пройтись катком по истории — дело нехитрое. Но каковы несомненные выгоды от этой идеологической затеи? Историю невозможно выпрямить, сгладить. Есть внушительные исторические примеры, когда силы, пришедшие к власти, начинали «выравнивать» историю. Например, Тюдоры в Англии, укрепившись на троне, так извратили реальную историю, что от нее остались лишь одни мифы. Подлинные события толковались так, как это было угодно триумфаторам.

**Гуревич П.** Вполне очевидно, что смысл консерватизма не в том, чтобы препятствовать движению вперед. Хаотическая, бесформенная тьма сама по себе не есть еще зло. Но она становится им, когда ее пробуют санкционировать. Однако всякая идеология сильна, если она рождается в недрах общественного сознания. Разумеется, консервативные тенденции разделяются в наши дни многими людьми. Бесконечное реформирование всех сторон общественной жизни, гонка капиталистической конкуренции, стремительная смена образа жизни не могут не вызывать в народе тоску по прошлым устоям жизни, по порушенной традиции. Однако было бы ошибкой поддерживать эти настроения в силу политической конъюнктуры. В смутные консервативные настроения идеолог обязан вносить упорядоченность, ясность. Важно отделить реставраторские настроения от естественной реакции населения на стремительный бег преобразований. Однако настоящего идеологического творчества сегодня нет. Власть заинтересована не в том, чтобы прояснить назревшие общественные тенденции, а в том, чтобы поставить их на службу идеологизированной злобе дня.

**Буева Л.** Сегодня много говорят и пишут о том, чтобы закрепить в Конституции Российской Федерации духовный суверенитет православия. Сразу возникает множество вопросов. Чья эта идея? Отражает ли она назревшие потребности населения страны? Кто предложил прописать в Конституции особую роль православия? Идея, оказывается, принадлежит рабочей группе, которая была создана по итогам конференции «Триумф и крушение

империи», которая прошла в Манеже в ноябре минувшего года. В ней приняли участие депутаты, известные общественные деятели, видные политики и историки. Конференция попыталась дать ответ на вопрос: почему после 300 лет правления Романовых, которые привели Россию к триумфу, все закончилось катастрофой 1917 года? Вероятно, краху России содействовало множество факторов. Но не последняя роль принадлежала духовному фактору.

**Егорова И.** Сейчас в Основном Законе нет ни слова о том, что Россия является страной православной. Само собой понятно, что нет оснований отрицать определяющую роль православия в становлении российской культуры и государственности. Оно действительно может рассматриваться как основа нашей национальной идентичности. Участники конференции говорили о том, что православие — это и есть основа нашей национальной идеи.

**Гуревич П.** Есть ли аналогичная строка в Конституциях других стран?

**Буева Л.** Да, в Конституциях многих европейских стран есть упоминание о ее христианских ценностях. Хотя бы на уровне декларации значительная часть Европы объявляет себя христианской цивилизацией. Например, в Конституциях Норвегии, Дании, Польши есть упоминания о христианстве. Ныне действующая конституция Ирландии начинается со слов: «Во имя Пресвятой Троицы». Если же напомнить об Англии, то главой церкви там является глава государства. Религиозная ориентация прописана в конституциях нескольких десятков мусульманских и буддистских стран.

**Егорова И.** Нет сомнений в том, что для укрепления идентичности России возвышение православия необходимо. Но консерватизм не сводится только к укреплению веры. Вообще консерватизм, как и всякая идеология, предполагает некую связность сюжетов. Идеология не может сводиться к перечню лозунгов. Если речь идет о приверженности традиции, то сразу возникает вопрос: не эксплуатируется ли тоска по коммунизму? Есть ли тут некая демаркация? Такая трактовка консервативного курса скорее могла бы называться «реставрацией». Вряд ли приемлема также либерально-демократическая модель консерватизма. А ведь наша экономика базируется именно на этом фундаменте. В нашем обществе оживились монархические идеи. Может быть, предполагается возрождение монархии? Но тогда консерватизм не сможет связать воедино историческую преемственность — не укладывается в эту модель ни советский, ни либерал-демократический этапы нашей истории. Если они утрачиваются, от консервативного проекта остаются одни вычерки.

**Гуревич П.** Есть еще один важный концепт, который требует привязки к консервативному курсу. Как совместить евразийство с идеей всеславянства в современном политическом курсе? Уж если речь идет о сохранении православно-общинных социальных традиций, то здесь европейская идентичность очевидна. Предполагается возникновение новых государственных образований и новой их организации, основанной на цивилизационном принципе, то есть на принципе культурно-исторического типа (по Н. Данилевскому). В православно-славянском союзе могла бы реализоваться славянофильская идея общеславянского объединения. Что касается евразийства, то оно основывается на мозаике славянских, тюркских и угорских племен, через Киевс-

кую и Московскую Русь к Великой империи. Как можно сегодня помыслить русско-китайско-таджикско-казахское родство?

**Буева Л.** Не складывается ли у вас, коллеги, впечатление, что власть вынимает из идеологической колоды то одну, то другую карту с учетом политической конъюнктуры? Но в идеологической практике это чревато неожиданными последствиями. Мы видим, что в отличие от науки идеология характеризуется не рациональными доводами, а лозунгами, призывами к чувствам, ссылками на авторитет. Она вдохновляется традициями, желаниями, предрассудками, легендами. Идеологии не присущи принципы научной жизни, объективности, пересмотра своих выводов, постоянной критики и аналитического сопоставления возможных точек зрения. Наука полагает, что одни идеи более истинны, нежели другие. Для идеологии истина важна, поскольку ее утверждения связаны с социальными интересами.

**Егорова И.** В нашем обсуждении мы, пожалуй, упустили тему многообразия идеологий. Отдаем ли себе отчет в том, что в нашем обществе сложился определенный вариант бандитско-воровской идеологии. Ведь это не просто социальная практика, иллюстрации к которой мы получаем из очередной порции информации. Здесь и героизация криминала, и круговая порука, и даже своеобразная сплотка. Много ли мы знаем сегодня об идеологии чиновников, бюрократов? Она обрела сегодня такую власть, какой не располагала никогда и нигде. Разве это не призывает к идеологическому обоснованию своей миссии?

Нельзя не выделить особый менталитет олигархов. Он отнюдь не огорожен экономической практикой. Для разработки этого духовного изыска уже мобилизованы интеллектуалы. Мы, по существу, не обращаем внимания на эксплозию утопического сознания. Какие невероятные идейные комплексы сопровождают значительные открытия науки и техники! Евгеника подчас воспринимается как детская забава. Здесь и господство меритократии, и радикальная реконструкция человеческой природы, и пламенный призыв «станем богами!» Напомню, что нацистская идеология в свое время получила гигантское идеологическое подкрепление в расистских экспертизах, которые затем не заслужили признания, однако остановить процесс оказалось уже невозможно. Не зря Ю. Хабермас отметил, что наука и техника берут на себя функцию идеологии.

**Буева Л.** Идеология как социальное явление во все времена человеческой истории использовала предвзятые мнения, ценностные предубеждения. В социально-политической жизни она прославилась расчетливым поведением властвующих элит, укрепляющих свое господство. Идеологии придают коллективную ориентацию всякому движению, укрепляют социальные общности и делают борьбу людей более целенаправленной. То, что в практике одного человека выступает как смутное ощущение, неуловимое настроение, эмоциональный нюанс, в идеологии обретает известную системность и даже ложную оправданность. В ряде условий идеология легко превращается в социальную страсть. Идеология усиливает политический фанатизм.

**Егорова И.** Мы упустили еще один важный момент. Сегодня в нашей стране идеологический курс направляет один человек. Это Президент. Именно он, исходя из политических соображений, предлагает общественному сознанию

новые идеи, а идеологизаторы мгновенно начинают «вести разработку» этих лозунгов. Так ли должен функционировать идеологический процесс? Источником новых идей выступает социальная практика. Именно она формирует ценностные и практические установки общества. Идеология, на мой взгляд, прорастает снизу. Мы же постоянно твердим о том, что нам следует изобрести идеологию, придумать ее, оформить надлежащим образом и внести в политический обиход. При этом мы постоянно тревожим общественное сознание угрозой хаоса, идеологическим вакуумом. Совсем как строчка в предновогодних стихах Евгения Евтушенко:

*Зло и во власти, служащей лишь власти,  
Но и в безвластье хаоса толпы.*

**Гуревич П.** В мире глобалистской гонки, потребительского умопомрачения обращение к традиции не лишено смысла. Обращение к консервативным ценностям — характерная примета времени. В этом контексте провозглашение консервативного курса может принести пользу стране. Однако надо помнить, что в спектре идеологических течений это всего лишь одно из направлений мысли. Во многих странах это течение отлично справляется со своей функцией — критикой господствующего либерализма. Однако сам поворот к консерватизму в нашей стране опасен. Он может привести и к реваншизму авторитарной идеологии.

**Буева Л.** Об этом, вообще говоря, напоминает книга Теодора Адорно «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии», которая недавно вышла на русском языке. Философ напоминает, что идеология, незаметно для общества, формирует особый язык, который не имеет содержания, но создает его иллюзию. Этот жаргон подлинности максимально отвечает целям подчинения власти. Диктат идеологии проникает в образование, становится кодом избранности. Демонстрируя переполняющее его глубокое душевное волнение, этот язык предельно стандартизирован. Сведущему в жаргоне, подчеркивает Адорно, необязательно говорить про то, что он думает. Необязательно даже и думать. Жаргон берет это на себя и обесценивает мысль.

**Егорова И.** Поразительная вещь — идеология. Ее восхваляли и проклинали, творили и уничтожали, призывали на помощь и называли пустой забавой. Но она все равно существует — «пресволочнейшая штуковина». В чем же ее притягательность и неотменимость? Идеология связана с антропологической природой человека. Она обусловлена потребностью человека мыслить, оценивать, создавать картины мира. Но эту обязанность выполняет наука. В.И. Ленин утверждал, что марксизм создал научную идеологию. Однако научность этого корпуса идей оказалась сомнительной. П. Рикер считал, что фактически никогда социальная теория не достигала уровня научности, который позволил бы ей выстроить дистанцию между наукой и идеологией. Наука стремится открыть тайны мира, идеология предполагает неизбежное сокрытие реальности. Тогда почему нельзя с помощью науки окончательно разоблачить идеологию?

**Буева Л.** И все-таки критика идеологии не должна обесценивать тех усилий, которые сегодня направлены на целостность государства, на создание

нормального общественного сознания, четкости политического курса. Современный мир гораздо сложнее, чем это было сто лет. Сегодня политику действительно приходится все чаще соотноситься с политической конъюнктурой, реагировать на массово-психологические процессы. Идеи должны помогать власти, идеологи вооружать ее.

**Гуревич П.** В меру наших возможностей мы и стремились к этим целям. Что можно ответить на вопрос, который стал нашей темой? Современный мир уже не ориентируется ни на экспертное знание, ни на философские разработки, ни на расстановку реальных политических сил. Поэтому остановить идеологическое творчество невозможно и в этом нет необходимости. К сожалению, научное познание лишено аксиологического измерения. Оно раскрывает закономерности, которые управляют природой и социумом. Но наука не отвечает на смысложизненные вопросы: почему так устроен мир, в чем смысл такого мироустройства? Идеология берет на себя такие функции, которые не может выполнить наука. Она создает гомогенную систему одинаковых представлений, ценностей и норм, задавая смысл всему человеческому бытию. Именно идеология обеспечивает некий баланс между реальностью и божественной сферой. Она отвечает извечной потребности человека видеть мир гармоничным, цельным, одухотворенным. Человеку нужна вера во что бы то ни стало, пусть это будет даже пустое следование заповедям, продиктованным откровением, исходящим от сверхчуждственного существа.

Наука и техника не устранили идеологии. Наоборот, чем сложнее и многообразнее общественная жизнь, тем настоятельнее становится потребность в некоей силе, которая бы мобилизовала и скоординировала человеческие помыслы, направив их в конкретное русло. Если рассматривать идеологию только как средство познания, то она неизбежно окажется ложным сознанием. Но если рассматривать идеологию как систему управления обществом, то возникает вопрос о ее действенности, о радиусе ее всепроникающей деятельности, о глубине ее влияния на умы людей. Господство идеологии совсем не обязательно должно совпадать с политическим господством. Власть и дух могут вступать в противоречие. Официальная идеология далеко не всегда бывает самой могущественной. В этом проявляются возможности идеологического плюрализма. Всякое стягивание идеологического процесса к одной магистральной линии грозит последствиями. Идеологию невозможно разоблачить и устранить. Вытеснить ее может только другая идеология. Деидеологизация опасна в той же мере, как и реидеологизация. Проблема лишь в том, чтобы понять, действительно ли сегодня нельзя без идеологии.

И все же я отважусь сказать: нам нужны социальные идеи, но не нужна особая, выверенная и одобренная идеология. Идеология невольно упрощает мысли ради их обязательного соседства и стройности. И в этом есть опасность идеологизации. И еще: разве нельзя считать общественным ориентиром повышение страны за счет ее реального экономического роста, углубляющейся интеллектуализации, создания нормальных условий жизни? Сошлюсь на случайный пример. Солдат шел как-то в увольнительную. Когда проходил мимо речки, услышал крики тонущего мальчика. Не раздумывая, он бросил

ся в воду и вытащил паренька, который уже изрядно нахлебался воды. На другой день, когда солдат уже вернулся в свою часть, он отправился на политбеседу. Старшина спрашивал у солдат, какими качествами должен обладать российский воин, чтобы совершить такой героический поступок: спасти тонущего. Участники политбеседы не молчали. Один говорит: солдат должен стать патриотом. Другой как бы возражает: устав нужно знать хорошо. Третий начинает рассуждать о милосердии. А тот, который все время молчал, вдруг говорит: «Он должен уметь плавать».

Не пора ли и нам вместо отвлеченных разговоров о патриотизме, милосердии, жертвенности учиться «плавать»? Не пришло ли время учиться строить заводы, мосты, поднимать село, повышать интеллектуальный уровень страны, развивать науку? Вспомним поучительные строчки С. Маршака:

*Лошадь не подкована — командир убит,  
Дивизия разбита — армия бежит.  
Враг заходит в город, пленных не щадя,  
Потому что в кузнице... не было гвоздя.*

# **ПУБЛИКАЦИИ**

Геннадий БОЧАРОВ

## **ИЗ «ТИХОЙ ТЕТРАДИ»**

Книгу моих воспоминаний «Закат солнца вручную», изданную несколько лет назад, заключала глава «Тихая тетрадь». Почему тихая?

Потому что все, о чем я рассказывал в предыдущих главах, так или иначе отражало мое неповторимое время — XX век. Век гремящий и жестокий, нелепый и коварный, печальный и счастливый, а в нередких проявлениях и блистательный.

Потому что я рассказывал о реальных событиях и судьбах людей моего поколения, о собственной судьбе, одарившей меня многими встречами и общениями с выдающимися людьми своего времени.

Потому что я слишком часто был участником и свидетелем самых разнообразных событий не только в утонувшей в том же веке великой стране, но и в десятках других стран мира.

Заключительная глава книги воспоминаний «Тихая тетрадь» была по-настоящему тихой: ни катастроф, ни битв идей, ни столкновений систем. Только «хроника ощущений». Многие из «громких» глав книги, еще до ее выхода в свет, печатались на страницах «Вестника». Со временем я понял, что самой неполной, как это ни странно, оказалась как раз «Тихая тетрадь». Ибо все, что в ней было написано, не являлось самостоятельным, независимым от общего содержания книги, ее напряженной атмосферы, тональности, ее «хроники фактов и ощущений». И однажды я обратился к отложенным ранее заметкам, фразам, вспышкам разрозненных мыслей и слов, накопленных за долгие годы, и принялся за продолжение именно «Тихой тетради». И увидел: новые страницы обладали совершенно другой степенью свободы и самодостаточности.

Так родилась необычная книга-тетрадь. Со свободным изложением того, что сверкает и гаснет в сумерках моего заслуженного возраста, в мыслях и воспоминаниях о людях и событиях, пробудивших мои собственные размышления. Книга-тетрадь, сюжет в которой — моя жизнь...

Следуя традиции, предлагаю читателям «Вестника» познакомиться с фрагментами из этой «Тетради», которая готовится к изданию в той же «Молодой гвардии», где была опубликована и книга «Закат солнца вручную».

В заключение еще несколько слов.

Я учился в школе небольшого шахтерского поселка. В его центре возвышался террикон из породы и круглосуточно гремело грузовое депо Дроново.

Шла Отечественная война. В годы оккупации Донбасса наша школа служила немецким солдатам конюшней. После освобождения, но еще в военное время, классные комнаты очистили от навоза, и я стал учеником 1-го класса «А». Не стал бы сообщать эту биографическую подробность, если бы не одно обстоятельство. А именно: из этой средней школы, никому не известной и ничем не примечательной, припорошенной угольной и породной пылью, в 1953–1955 годы в жизнь вышли весьма успешные люди: только наш выпуск дал впоследствии Донбассу 5 управляющих гигантскими промышленными предприятиями: Украине — 2 министров и 3 заместителей, Советскому Союзу — контр-адмирала, командующего одним из военно-морских флотов, выдающегося летчика страны, добившегося своей мечты — летать в искрах Северного сияния и погибшего в его ослепительном свете над островом Диксон; уже в новой России в 1990-е годы и начале 2000-х годов — прошедшего безупречный служебный путь генерал-полковника, заместителя директора ФСБ России, руководителя Департамента контрразведки страны...

Они были моими соседями по партам, по дворам, по садам и мокрым от осенних дождей заборам... Выпускники нашей маленькой школы маленького поселка необъятной страны, помеченного «звездочкой» только на карте нашей юности. Да еще и официальным названием — и нашего поселка, и нашей шахты, и нашей школы — «Красная звезда».

...Избежать большого пожара можно, только погасив малый. Лучше всех это знают лесники. А хуже всех — политики.

...Два знаковых пророка человечества — Иоанн Богослов и Мишель Нострадамус — так и остаются неразгаданными и непонятными до конца. Тысячи ученых мира пытаются распознать замыслы, видения и откровения пророков, но никто не допускает мысли о том, что большинство, если не все, из них уже давно сбылись, реализовались в разных местах и по многу раз, а точнее — каждодневно.

Почему бы и нет?

Если это наконец признать — многое из того, что казалось непонятным — прояснится. И тогда исторические пророки обретут наконец свое истинное, а не мифическое величие.

...Неразборчивая история равнодушно пропускает на свою почетную полку и убийцу миллионов, и гения, одарившего миллионы духовными или технологическими богатствами. Примеров — не счесть. Но две ярчайшие звезды Европы — Наполеон и Паганини, осветившие таким разным светом одно и то же историческое время, представляют наиболее впечатляющий пример. Паганини плыл в историю на волнах гениальной музыки, а Наполеон — по рекам пролитой им же крови. Теперь они на равных.

...Опора науки — убедительные опровержения.

...Девиз новых ученых: как можно громче декларировать гипотезу, проверить на практике которую будет невозможно еще как минимум пару столетий.

...Мир стар. Даже Ветхий завет — свод примеров из прошлого.

...Если ты хочешь, чтобы было по-твоему, надо противостоять всему миру.

...Единственная могила, способная вместить сразу всех и все — время.

...Ничто так не искажает сути вещей, как острое зрение.

...Большая страна или великая, лучше всех знают общественные деятели: если страна своя — значит великая.

...Искусственный разум доволен: жизнь его создателя прожита не зря.

...Простой грек, современник Перикла, не знал, что живет в эпоху наивысшего расцвета человечества.

...История мстит трижды: когда ее замалчивают, когда искажают и когда собираются повторить.

...Три неоспоримых титана человечества: Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэль — эпигоны автора первого наскального рисунка. В творчестве, как и во всем, кто-то бывает первым, а кто-то лучшим.

...Ржавчина не грозит золоту. Черные тучи не чернят неба. Злое слово не ранит сумасшедшего. Мир исключений подмят миром правил. Но именно так еще древние поняли, что исключение — суть правил.

...Точные знания опустошают душу поэта.

... Самый прекрасный путь из ниоткуда в никуда — жизнь.

...Известный ученый-генетик Френсис Коллинз утверждал: «Между верой в Бога и наукой противоречий нет». Известный ученый-физик Виталий Гинзбург заявлял: «Научное мышление и вера в Бога совершенно несовместимы». Никому не известный лесник из сибирской Кедровки говорил: «Мы у Бога не получились. И теперь ему уже не до нас».

...Наука не только часть жизни, но и одно из ее оправданий.

...Кельты не знали, что они смертны. Римляне знали и извели кельтов.

...Пискаревское кладбище. Снегопад. Белые холмы под снегом. Вдоль холмов будешь идти всю жизнь, если прошел мимо них хоть один раз.

...Ядерное, лазерное, химическое, стрелковое оружие — ничто по сравнению с оружием, которым человек на заре веков победил тьму пещеры, темноту ночи, сумерки первой хижины. Имя оружия — лучина. С нее началось, ею длится.

Фитиль, факел, свеча, лампа, прожектор — дети и высокомерные пасынки лучины. Сколько бы их не было и какими бы они не были — лучина остается рядом. И в XXI веке ее волшебный свет служит еще многим людям и не только в глухих уголках Филиппин, Конго или Лаоса. В Московской области тоже. Землю обустроить не так-то просто. Денег не хватает даже на лазерное оружие.

...Полезно все — даже власть.

У истины нет тени. Правде и лжи укрыться негде.

...Все самое главное в жизни человека определяется задолго до его рождения. «Почему?» — вопрос к ДНК. «Зачем?» — вопрос к небу.

...Лев — украшение прерий и трагедия антилопы. В человеческом словаре это обозначается словами дуализм жизни.

...Если бы цивилизация началась не с земледелия, а с нанотехнологий, человечество так бы никогда и не узнало вкуса настоящего хлеба. Ведь даже сегодня его можно уже только вспоминать.

...Лучший источник нравственной силы — готовность помогать слабым.

...Даже самые гениальные изобретения с годами становятся игрушками. Игрушки и через столетия остаются игрушками.

...Есть только два нетленных общечеловеческих понятия — рай и ад. Друг друга они не переживут. Но пережить историю смогут. И что? Где еще во всей вселенной можно будет найти столь простодушных, подвластных великим и скудным легендам и пророчествам существ, какими были люди? Ведь главное жилище и ада и рая — человек. Его душа. А человек в конечной точке существования вселенной после Большого Хлопка исчезнет окончательно. Как и его внутренний мир, с его легендарными постояльцами — адом и раем. Зачем же тогда переживать историю? Не разумнее ли очистить ее от мракобесия?

...Солдаты и врачи знают: ни одна война не заканчивается с последним выстрелом.

...Смерть — наибольшее расстояние, которое возможно между людьми. Ход времени не меняет этого расстояния ни в миг смерти, ни спустя века.

...Бабочка живет три дня, но зато в полете.

...Тот, кто много знает, никогда не знает того малого, что необходимо знать в данный момент.

...Безжизненные тела Галактики не могли образоваться без живой предыстории.

...Некоторые народы Африки уже питаются насекомыми. ООН предупреждает, что вскоре и большая часть населения Земли, исчерпав продовольственные ресурсы, так же будет вынуждена перейти на подобное питание. Штрих: Иоанн Креститель всю жизнь питался медом и акридами, т. е. саранчой. Это и был библейский сигнал будущему, к которому мы приближаемся. Чему же тут удивляться?

...Если бы у высоких гуманистических идеалов не было простых и естественных опор в реальной жизни, они бы давно развеялись, подобно чудесной пыльце крыльев крапивницы.

...Второй всемирный потоп необходим. Первый не научил ничему. Хаос становится нормой, норма — стандартом, а стандарт приближает конец истории.

...Ничто так не усложняет жизнь, как цель.

...Смысл слов теряется по мере того, как нарастает их количество.

...Выдающийся европейский драматург XX века Бертольт Брехт был похоронен, согласно его воле, в стальном гробу. Желание защитить свою первую смерть от второй оказалось сильнее неоспоримого факта, известного людям с начала истории. А именно: гроб не защищает от земли.

...Подвижность ртути и скованность свинца — суть поиска и догмы.

...Порядка в мире могло бы быть намного больше, если бы мир не пытался улучшить идеальную форму куриного яйца.

...Законы, по которым живут небесные тела, более-менее понятны. Не понятно другое: кто законы эти придумал и кто их так надолго утвердил.

...Лучший источник нравственной силы — готовность помогать слабым.

...Не приедаются три вещи: хлеб, вода и соль. Не забывается одна: рука, протянутая в час беды.

...Величие пирамиды Хеопса — неизлечимая болезнь человеческого духа, терзаемого гипертрофированным тщеславием и упоением безграничной властью над теми, кого можно губить миллионами. Вот и все объяснения бессмысленного каменного величия.

...Мир станет по-настоящему цивилизованным, когда научатся хоронить своих мертвецов вместе с их безумными идеями.

...Гонки по кругу: изучением человеческого мозга занимается другой человеческий мозг. И не факт, что равного достоинства.

...Три самые могучие мировые религии родились в пустыне. В лесных районах планеты родились пилы, топоры и капканы.

...Человеческая история проворачивается бездарно и натужно. Гремящие кладбища мегаполисов, опутанные электрическими цепями, покрытые мхом невежества и пороков, со скрежетом перемалывают поколение за поколениями и возвращают мир к первозданному хаосу. Религия надеется на новое пришествие. Но второго пришествия не будет. Создатель, судя по всему, уже давно создает что-то новое и как можно дальше от Земли.

...Фридрих Ницше полагал, что человек — это зрелище. Посмотреть и в самом деле есть на что. Не прощай нас, Господи!

Елена КОМЛЕВА

## ГЕОЛОГИЯ, ГОРНОЕ ДЕЛО И ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ

Забыть о Балтийской впору.  
Копорье — к Сосновому Бору.  
Над Челябинском — взрыв.  
В Томске — «Прорыв».  
В Красноярске — «Зарыв».  
На Ордынке — «Нарыв»?!

*Народная мудрость  
в комментариях на сайте  
«Проатом»*

В данной статье, в контексте соотнесения ядерной и горно-геологической тематик, речь идет о высокоэнергетических материалах ядерной отрасли, подлежащих в тех или иных обстоятельствах захоронению/подземной изоляции. Под ними понимается совокупность твердых/отвержденных радиоактивных отходов высокого уровня активности, отработавшего ядерного топлива и демонтированного боезапаса — делящихся ядерных материалов оружейного качества. Такое объединение ядерных материалов аналогично широко и достаточно давно применяемым высокоэнергетическим конденсированным системам (наукоград Бийск: ракетное топливо, боеприпасы, газогенерирующие субстанции)<sup>1</sup>, работающим на основе химических реакций. Для химических систем-аналогов есть и «выверенные кровью» регламенты (в том числе, снятия с эксплуатации).

Составляющие рассматриваемой ядерной совокупности в разной степени и в зависимости от разных условий могут оказаться в земных недрах. Методологически полезно выделение по признаку запасенной энергии именно ядерной группы, имеющей аналог в химической отрасли. Это облегчает анализ ситуаций с возможностью переноса оценок и прогнозов, хотя и с оговорками, от одних материалов к другим (как внутри группы, так и между группами). Не исключен перенос в сферу захоронения ядерных материалов и некоторых технических решений из области химических систем-аналогов. Например, способов и средств воздействия на подземное пространство с целью получения природно-промышленной среды с заданными свойствами (прежде всего, для регулирования гидравлической проницаемости). Близость материалов внут-

<sup>1</sup> См., напр.: URL: <http://www.frpc.secna.ru/index.php>

ри ядерной группы в рассматриваемом контексте подтверждается и концепцией приведения при длительном хранении/захоронении оружейных материалов либо упаковок с ними (путем совмещения с высокоактивными отходами) к «стандарту отработавшего топлива», чтобы исключить несанкционированное использование оружейных материалов. С получающимся конгломератом из-за высокого уровня радиации невозможно работать без специфических средств защиты и оборудования.

Б. Никипелов [1], один из видных руководителей советской/российской ядерной/атомной отрасли прошлого, со ссылкой на Гегеля, этику и диалектику, отстаивает мнение, что запрет на международное разделение труда в гражданской ядерной сфере — это противоречие, которое будет преодолено историей. И будут созданы крупные международные хранилища радиоактивных отходов в Китае, Монголии, Казахстане, Канаде, России. Мысль верная. Перехватив инициативу, Финляндия уже строит (пройдя национальные разрешительные процедуры!) на своей территории и пока самостоятельно как бы такого рода объект «Онкало» на площадке Олкилуото. Как и на каких других площадках (нас интересуют, в первую очередь, российские) верную мысль правильно реализовать? Вот в чем суть. По аналогии с проектом Yucca Mountain стоимость только обоснования и строительства каждого хранилища (подземного)/могильника высокоактивных и долгоживущих отходов составит не менее ста миллиардов долларов. Такой объект, как и любой ядерный, будет формировать повышенное геополитическое внимание к региону размещения. Кроме того, существует мнение, что в будущем, возможно, нынешние отходы ядерной отрасли — ценное сырье, а их подземная изоляция — создание техногенных месторождений отложенного использования. Ведь все разнообразие элементного состава вещества Земли — результат когда-то и где-то произошедших ядерных реакций.

Можно сказать, что заканчивается своеобразный исторический этап развития ядерной отрасли. А именно, «интеллектуальный период» касательно наведения «после себя» порядка. Время преимущественно теоретических моделей. Моделей первого приближения, предназначавшихся для выбора и частичной апробации самых общих контуров пути, как завершать ядерные топливные циклы гражданской энергетики. Разомкнутый/открытый и замкнутый/закрытый циклы. Оба в разной мере, но не обходятся без отходов. Завершение первоначально предполагало захоронение тех или иных высокоактивных отходов исключительно собственными силами каждой ядерной страны отдельно. Безопасное захоронение таких материалов оказалось достаточно сложным делом, постоянно откладывалось и постепенно стало «ахиллесовой пятой»/«гирей на ногах» мировой ядерной энергетики. В СССР этот этап был еще и сокрыт от историков и широкой общественности. Времена изменились, но этот важный для общества процесс (в том числе и его прагматика) слабо документируется, имеет неустойчивый социально-политический характер, плохо снабжен нормами права, естественниками смежных отраслей и гуманитариями (для полноты картины) не изучается и, в итоге, по-прежнему недостаточно и недостоверно известен, полновесно не осмыслен, толково и надежно не регламентирован. А также во многом не управляем.

Ныне мы видим, что «интеллектуальный период» принес не только некоторые научно-методические и технические достижения, но и, действительно, сформировал международный вектор их внедрения. Установление баланса между разделением и объединением труда (соответственно, и ответственности) в ядерной сфере сейчас если и не окончательная реальность, то все ближе к этому. Человечество переходит от принципа национальных усилий по захоронению/вечной изоляции всего, что сейчас отнесено к отходам ядерной отрасли, к интернационализации этой деятельности. И постепенный переход к всеобъемлющей практике пока приурочен к России и Сибири. А. Глюксман еще в начале века писал о совпадении интересов некоторых политических сил России и Запада по поводу международного ядерного могильника на российской территории (тогда предпочтение отдавали Челябинску) и о финансировании «уже несколько лет» процесса сближения.

Важной составляющей нового этапа, где главным становится дело, должно быть научно-методическое (в том числе юридическое) сопровождение процесса, создание комплексной и без перекосов нормативной базы, чтобы это дело на международном уровне не превратилось в хаос либо в «игру в одни ворота». Чтобы «принцип дополнительности» в политике страны-лидера (учет рациональных и иррациональных аспектов действительности) не привел бы к негативным деформациям во взаимоотношениях с другими. Необходима согласованная всеми участниками международного процесса регламентация разных действий и параметров (от методологии выбора площадки до норм на ее характеристики) на разных (от межгосударственного до предприятия) уровнях. А также — достижение консенсуса при формировании интегрированных международных стандартов. На основе четкого понимания причин и следствий более ранних различных национальных подходов и целей.

Сближение в рамках темы ядерных отходов происходит на неудачном для российской атомной отрасли фоне резкого свертывания реального строительства Россией за рубежом и внутри страны новых АЭС, лихорадочных и зачастую сомнительных действий российского атомного менеджмента. Когда с системой принятия опасных и некомпетентных решений в Росатоме начинают не соглашаться полностью лояльные к отрасли в прошлом ее ветераны-профессионалы и в условиях, когда экономика России перестает быть российской, а обрабатывающая промышленность и машиностроение страны исчезают, но, по словам академика Н. Лаверова<sup>2</sup>, когда «США постоянно с нами советуется» по вопросам обращения с радиоактивными отходами и их захоронения. Это мнение выдающегося геолога, специалиста в сфере безопасности ядерных технологий, основоположника и руководителя российских исследований по геологической изоляции отработавших ядерных материалов, политического деятеля и управленца в нефтегазовом бизнесе.

Ядерная отрасль страны и мира в нынешних трактовках, особенно ее гражданская часть, находится на чрезвычайно важном, но с большой неопределенностью того или иного безупречного исхода, этапе (возможно, в тупике). По крайней мере, ядерная энергетика России должна без рывков, осторожно

<sup>2</sup> URL: <http://www.fontanka.ru/2013/06/24/138>

сменить технологическую платформу: уйти от конверсионных (ВВЭР, РБМК) к новым (каким?) реакторам.

Ядерное оружие в наступившем веке — оружие бедных, что, в некотором смысле, ставит его вне законов, формируемых современной мировой элитой. Которая сейчас практически монополично владеет эффективными видами неядерного оружия и социальными технологиями невоенного достижения своих целей. Впечатляющий результат применения таких социальных технологий — «постсоветское пространство». Не будем забывать в контексте будущего некоторые далеко не безобидные социально-технологические сценарии трансгуманизма, которые в целом, может, и в иной конкретике, но, несомненно, отзовутся усилением монополизма стран научно-технического и финансового авангарда. А также «первое кибероружие», перспективы которого уже отрабатываются, прежде всего, на ядерных объектах<sup>3</sup>. Проекты гражданской ядерной отрасли теряют свою жизнеобеспечивающую актуальность. «Сегодня актуальны лишь проблемы уничтожения запасов всех видов устаревшего ядерного оружия и проблемы окончательного захоронения отработавшего ядерного топлива».

Следует подчеркнуть, что, естественно, вектор на международные усилия по захоронению ядерных материалов пока предусматривает в основном энергетику. Однако можно предположить, что в дальнейшем не исключены такие усилия и применительно к некоторым проблемам военных. Исходная база к этому есть. Хранилище (пока наземное) оружейного российского плутония около Челябинска, построенное с помощью и по технологиям США. Процессы утилизации «всем миром» ядерных судов ВМФ РФ и рекультивация береговых баз. Сейчас международными усилиями Сирию избавляют от химического оружия массового поражения. В будущем, возможно, некоторые ослабленные, вне авангарда страны будут похожим, принудительно-добровольным, образом избавлены и от ядерного оружия, которое будет утилизировано международными усилиями, по международным технологиям и с применением международных подземных могильников. Первое такого рода предложение уже поступило во время встречи лидеров России и Израиля<sup>4</sup>.

Документы в связи с закрытием в США Yucca Mountain, разрешительные документы Финляндии относительно хранилища «Онкало», американско-российские Соглашение № 123 (2010 год) и Соглашение по ядерным НИР (2013 год), Директива ЕС по обращению с ядерными отходами (2011 год), материалы международного проекта ARIUS (а также конференций под эгидой МАГАТЭ 2002 и 2005 годов в Москве). Это основные исходные информационно-правовые вехи на пути создания крупных международных подземных объектов изоляции ядерных материалов и радиоактивных отходов. В том числе и в России.

Хотя политическая воля к созданию международных ядерных хранилищ/могильников достаточно определенно начинает проявляться многими странами и поддерживается МАГАТЭ, конкретные юридические, финансовые и экономические механизмы этого, как отмечалось, еще предстоит создать

<sup>3</sup> URL: <http://www.nuclearno.ru/text.asp?17591>

<sup>4</sup> URL: <http://www.vz.ru/news/2013/11/20/660589.html>

(Росатом запускает сравнительные правовые исследования на тему площадок для могильников<sup>5</sup>). В том числе, и по части сбалансирования в России интересов общефедеральных и того региона, где объект будет создаваться. Видимо, как аналог будет принята схема практической реализации Соглашения между МАГАТЭ и Россией (2010 год) о создании первого в мире международного банка свежего ядерного топлива. Приветствуется и критическая правовая позиция относительно международных хранилищ, способствующая полной оценке ситуации.

Необходимо также четко идентифицировать и укоренить социокультурные (светские и религиозные) основания и критерии таких действий. На базе православия, философского наследия Ф. Достоевского, с привлечением идей геозтики и других элементов духовно-гуманитарных начал безопасности. Как показано в моих ранних работах (в некоторых случаях плодотворно обращение к таким брендам, как «Медной горы Хозяйка», «Сампо», «Сампо-Лопарёнок»). Есть и другие ракурсы формирования в ядерном контексте необходимого «культурно-природного каркаса региона». А также «актуализации культурного и природного наследия» (термины Института социально-гуманитарных и политических наук САФУ им. М.В. Ломоносова). С целью социокультурного фундирования такого природно-социально-промышленного объекта, каковым должен быть ядерный могильник. Так называемый «индекс безопасности ядерных материалов» Фонда «Инициатива по предотвращению ядерной угрозы», для сравнения, предусматривает анализ условий хранения и обращения с ядерными материалами в странах мира не только в плоскости военно-технической, но и социокультурной — от прошлого к будущему. Примечательны в этой связи материалы и атмосфера общения на профессиональном сайте «Проатом», который допускает разностороннее рассмотрение ключевых для отрасли проблем. «Все как у людей»: от низкого до высокого. Однако, как говорил И. Сталин несколько по другому поводу: «Других... у меня для вас нет». Представляется, что о желаемом более высоком качестве человека и общества, по крайней мере, нужно думать. Но при регламентации действий по созданию международных ядерных могильников не стоит, прежде всего, забывать о антропосоциальной реальности.

Тем более, что уже можно говорить о нарушениях правовых норм (как и морально-нравственных, а также научных критериев обоснования). Например: «Строительство подземной лаборатории возле Красноярского горно-химического комбината, несомненно, является началом сооружения пункта геологического захоронения радиоактивных отходов без получения лицензии на такое строительство, то есть является строительством несанкционированного могильника высокоактивных отходов... При сооружении подземной лаборатории... образуется депрессионная воронка, естественный гидрогеологический режим (объект изучения. — *Е. К.*) будет нарушен... т.е. от лаборатории будет больше вреда, чем пользы» (комментарий Б. Серебрякова). Некоторые правовые инициативы в связи с могильником ГХК были переданы через В. Путина в адрес глав государств G-20 участниками Гражданского саммита «Группы двадцати».

<sup>5</sup> URL: <http://www.zakupki.rosatom.ru/1307220482014>

Даже при показательных акциях открытости специалистам и общественности не дают ответы на ключевые вопросы: почему именно Красноярский край, обстоятельства выбора, анализ других мест, критерии выбора, список ранее рассмотренных Росатомом (около 30 в 18 регионах!) площадок? Предполагается, что эти и другие вопросы не останутся все же без ответа. Известен «Эффект Селлафилда» как реакция общества на изменение в ходе работ декларируемого назначения подземной лаборатории. Без честных ответов на вопросы по Красноярску эффект может получить новое название. Некоторая информация к размышлениям по этому поводу приведена далее.

Площадку, которая была выбрана первоначально для одного объекта (наземного завода РТ-2 радиохимической переработки отработавшего ядерного топлива по несбывшимся тогда планам расширения ГХК<sup>6</sup>), целенаправленно «подогнали» под принципиально другой. Другой, прежде всего, по сроку существования (миллионы лет — могильник, десятки лет — завод). Понятно, что требования к площадкам и к обоснованию их надежности разные для завода и могильника. Есть и другие признаки лукавого «протаскивания» Росатомом нужного решения.

Выбранный вблизи Железногорска Нижнеканский массив гранито-гнейсов вскрыт едва ли десятью скважинами не глубже 700 м. Имеются обоснованные знаниями о генезисе этого типа пород принципиальные сомнения в их хороших гидроизолирующих свойствах. Нижнеканский массив является южной частью Енисейского кряжа — важнейшей золотоносной провинции России. Кроме того, граниты в последнее время преподносят геологам поразительные сюрпризы, невообразимые ранее. Месторождение «Белый тигр» знаменито гигантскими запасами нефти в гранитах на глубинах 1–3 км. Имеются и другие примеры нефти в кристаллических породах. Кстати, в породах Нижнеканского массива отмечали проявления углеводородов (Ф. Бакшт, Томск, устное сообщение). Для обоснования могильника ГХК эти факты важны двумя следствиями.

Во-первых, пришло время радикального пересмотра концепций поиска и разведки углеводородов. Во-вторых, доказано, что на глубинах в первые километры граниты могут иметь мощные зоны массопереноса, в том числе с направленностью движения газов и флюидов к земной поверхности. Именно обнаруженные в США (на основе советского опыта изучения пещер) Ю. Дублянским геологические индикаторы периодического появления глубинных вод у земной поверхности впоследствии стали главным аргументом при закрытии проекта Yucca Mountain. Кстати, гидротермальную историю изучали также относительно гранито-гнейсов Онкало (Олкилуото) и Канады. Работы Ю. Дублянского — это впечатляющий и достойный для подражания пример эффективного вхождения геолога «со стороны» в современную глобальную ядерную проблему.

А если под ГХК море нефти или воды? Будем потом, после эксплуатации «ядерного кластера», разведку вести — как Казахстан<sup>7</sup>. Германия уже обеспокоилась прогнозом наличия газа ниже подземной лаборатории «Горлебен»

<sup>6</sup> URL: <http://www.iapress-line.ru/dossier/item/10768-unik>

<sup>7</sup> URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/06/25/use>

на глубине 3 километра и соседством площадки с Эльбой. МАГАТЭ, кстати, рекомендует при обосновании площадки захоронения *доказать* отсутствие в ее недрах и вблизи полезных ископаемых, особенно высоколиквидных. Есть и глобальное третье следствие. Абиогенная нефть, как частный случай нефти в гранитах, позволит не принимать серьезно разговоры про принципиальную невозможность запасов углеводородов, скорое их исчерпание, и про неизбежность развития гражданской ядерной энергетики с применением опасной радиохимии.

Могильник за Уралом — исторически не первое предложение Минатома/Росатома. Кстати, первым (в 1985 году) было предложение о Кольском полуострове, а первое впечатление, как говорят, всегда самое верное. Какова судьба предыдущих, каждое из которых в свое время было «всесторонне обоснованным и единственно верным»? Почему «один на всех» могильник вот-вот будут строить вблизи Красноярска — географического центра России? Всесторонне ли обоснован этот вариант с учетом предыдущих и еще имеющихся сейчас вариантов?

А почему не построить два, но у границ (западной — Печенга и восточной — Краснокаменск)? Могильники у границ с серьезными соседями на несколько порядков повысят безопасность объектов. По крайней мере, о разрушениях в результате военных действий, диверсий и терактов, направляемых против России, можно будет не беспокоиться. Новинкой применительно к ядерным объектам следует считать «интеллектуальный терроризм изнутри» (комментарий Е. Катковского). Будем также крепко помнить о работе крылатых ракет по Югославии. Вовсю идет подготовка к подобному в Сирии. Но никто не решится потревожить таким образом совместно Россию и Китай или Россию и Норвегию, Финляндию, Швецию. Да и другие аспекты безопасности могильника будут выверены многократно, без лжи, в связи с жизненно важными интересами разных стран, не только Росатомом. Учитывая масштаб задачи и длительность качественного выбора, строительства, эксплуатации и мониторинга объекта, несомненно, что это мотивирует «навечно» международное сотрудничество в приграничье нынешней молодой поросли специалистов и будущих поколений.

В конце концов, если события к тому пойдут, у Печенги и Краснокаменска есть и потенциал глобального ядерного сдерживания аналогично широко известной идее реального и фантастического вариантов «Периметр» и «Машина Судного дня» — никаких уязвимых средств ответной доставки не надо. «Ядерный остров» в границах родного мне Мурманска, как и хранилище на сто лет в Сайда-Губе, видимо, задумка Росатома «из той же серии». Но, надо отметить, не в самый раз придумано: слабо, слабо... Не учли настораживающую трассу событий с АПЛ «Комсомолец», «Курск», «Екатеринбург». По части защиты безопасности страны и региона этот как бы остров не только многократно хуже, чем вариант Печенги, но и, скорей всего, подрывает ее. Береговые базы и судоремонтные заводы ВМФ России, прилегающие акватории в пору называть «Новыми Бермудами».

Единственный, которому сейчас можно безоговорочно верить, предположительный ответ Росатома применительно к Железногорску — здесь действует и будет все же расширено радиохимическое производство ГХК с целью

«одним махом» покрыть все формируемые РФ такого рода потребности. Вот так: главное — обеспечить решение сиюминутной, не вполне очевидной задачи по развитию ГХК. Могильник лишь необходимое дополнение для этого, а не самостоятельная сложнейшая проблема! Радиохимический завод для гражданских целей «определяет сознание», а не потребность правильно, всесторонне и надежно обосновать решение по вечной изоляции отходов. Кроме того, одновременно госкорпорация запускает амбициозный проект «Прорыв», который призван сформировать новый для России и мира облик отрасли и предусматривает, видимо, опасную радиохимическую переработку при каждой АЭС нового поколения непосредственно на площадках этих станций. Кроме того, Росатом обрабатывает технологии консервации/захоронения хранилищ жидких радиоактивных отходов Сибирского химического комбината (Томск) непосредственно на месте их расположения и обещает тиражировать эти технологии на других. Что за стратегическое противоречие — раздвоение сознания? К тому же, замечу, радиохимические технологии решаются применить в промышленных масштабах гражданской отрасли далеко не все ядерные страны. Россию не смущают «странные метеориты», осваивающие маршруты над ее территорией.

*(Окончание следует)*

Анна КОРТУНОВА

## ОКНО ОВЕРТОНА: НИЧТО НЕ ИСТИННО И ВСЕ ДОЗВОЛЕНО<sup>1</sup>

Тематика управления массовым сознанием и общественным мнением всегда была одной из популярных в социальных науках, как только они приобрели широкое распространение. Подобная манипуляция может приобретать разные формы — как духовное, так и психологическое воздействие; оно может быть открыто выражаемо через авторитеты или же скрыто и системно. Важную функцию в донесении идей и мнений всегда выполняют СМИ, однако не они являются основным инструментом.

Огромную роль в распространении новых общественных мнений играют так называемые «мозговые центры», «фабрики мысли» — то есть аналитические центры — негосударственные некоммерческие научно-исследовательские организации, которые занимаются экспертизой по большей части в гуманитарных областях науки<sup>2</sup>. Эти «мозговые центры» формулируют, изучают и развивают идеи, которые на данный момент времени еще не являются политически реальными. В результате исследований и анализа идеи, которые еще вчера являлись рискованными, сегодня становятся безопасной темой для обсуждения

Существуют самые разные, выделенные в отдельные явления методы манипуляций, о которых можно найти подробную информацию в Интернете, такие как: использование слухов и «сарафанного радио», создание лжесобытий и мистификаций, метод фрагментации, «метод Геббельса» (многократные повторы), метод «страшилок»<sup>3</sup> и многие другие. Однако последний год и, особенно последние месяцы, широкое обсуждение получила так называемая концепция «Окна Овертона».

Концепция «Окна Овертона» была разработана американским ученым-социологом Джозефом Овертоном, бывшим вице-президентом Макинского центра публичной политики в середине 1990-х годов<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Цитата Хасана ибн Саббаха, исмаилитского деятеля XI века и основателя государства низаритов.

<sup>2</sup> URL: [http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Аналитический\\_центр](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Аналитический_центр)

<sup>3</sup> URL: [http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Манипуляция\\_массовым\\_сознанием](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Манипуляция_массовым_сознанием)

<sup>4</sup> URL: <http://www.mackinac.org/bio.aspx?ID=12>

Это окно политически приемлемых установок определяется не предпочтениями политиков, а скорее теми идеями, которые они могут поддержать, при этом рассчитывая на переизбрание. Следовательно, это окно изменяется, включая новые идеи или исключая старые не тогда, когда идеи меняются среди политиков, но когда идеи меняются в обществе, которое их избирает<sup>5</sup>.

Чтобы понять, как это действует, представьте отрезок координат. На обоих его концах находятся радикальные политические действия по любому конкретному вопросу. Между концами лежит градация применяемой политики, от самого левого к самому правому. Координаты представляют собой полный политический спектр для решения определенного вопроса. Смысл Окна Овертона заключается в том, что только одна позиция на этом политическом спектре является возможной в любой момент времени. Вне зависимости от того, насколько активно ведут кампанию аналитические центры или другие группы, только инициативы внутри этого «окошка» политически возможного встретят успех. Почему так происходит?

Политики ограничены идеями, даже если у них нет персонального интереса. То, чего они могут добиться, законопроекты, которые они поддерживают при достижении политического успеха, ограничены набором идей, которыми располагают их избиратели. Успех политика во многом обусловлен тем, насколько глубоко их понимание и применение идей и идеалов тех, кто их избирает.

Вдобавок к зависимости от идей, которые формируют границы политического климата, политики также стараются добиться лучшего политического результата для самих себя<sup>6</sup>. Таким образом, они ограничивают себя действиями внутри «окна» идей, одобренных электоратом. Они могут желать добра для тех, кто их избирает, и даже добра для страны и нации, однако, разрабатывая наилучший, по их мнению, политический курс, большинство всегда будет учитывать свое политическое будущее. Это и есть суть концепции Окна Овертона.

Что произойдет, если исследование «мозгового центра» и принципы рациональной политики предложат конкретную идею, лежащую вне Окна Овертона? Окно будет сдвинуто. Так как общественные идеи, направления и предположения формируют политически возможное и создают «окно», перемена мнений политиков и людей в общем сдвинет его. Движение «окна» политически возможного делает ранее непрактичные политические направления популярными и законоприемлемыми.

Точно так же политические стратегии, которые когда-то были допустимыми, становятся политически неприемлемыми, когда «окно» сдвигается с них. Аналитические центры могут формировать общественное мнение и сдвигать Окно Овертона путем прививания законодателям и общественности рациональной политики, создавая образ того, как дела *могли бы* обстоять, приводя исследования и доводы и вовлекая людей в замену идей.

<sup>5</sup> Видеопрезентация Макинского центра об истории теории Окна Овертона. — URL: [http://www.youtube.com/watch?v=fYvziEG5dU0&feature=player\\_embedded](http://www.youtube.com/watch?v=fYvziEG5dU0&feature=player_embedded)

<sup>6</sup> Фундаментальная теория общественного выбора, изложенная в книге Дж. Бьюкенинга и Г. Таллока «Расчет согласия», объясняющая тот факт, что политики, как и мы, могут поддаваться желаниям, слабостям и самоудовлетворяющим интересам.

Лучше всего идею Окна Овертона можно суммировать цитатой экономиста Милтона Фридмана: «Это наша главная функция: разрабатывать альтернативы существующим политическим направлениям, чтобы поддерживать их живыми и доступными до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным»<sup>7</sup>.

Когда «окно» политических возможностей движется по спектру, невозможное становится желаемым, а просто желаемое становится крайне необходимым. Это и есть настоящее влияние скрытых механизмов — формирование политического климата для будущего законодательства и дебатов.

При этом действует довольно интересная закономерность: как только процент людей с непоколебимым единым мнением достигает десяти процентов, их идеи в любом случае перенимаются большинством. То есть дальше прогресс распространения идей не продвигается. Более того, обычно люди, не разделяющие мнение «доминирующего меньшинства» чувствуют себя неловко.

Исследователи Политического института Ренсселира проводили исследования социальных сетей для того, чтобы глубже понимать развивающееся Интернет-сообщество. Это исследование помогло показать, как распространяется то или иное мнение. Соавтор исследования Гиорги Корнисс поясняет: «Существуют очевидные ситуации, когда надо знать, как распространить то или иное мнение или же, наоборот, подавить распространение какого-то мнения. Иногда надо быстро убедить жителей целого города покинуть его перед тем, как придёт смерч, или необходимо распространить новую информацию для предотвращения заболеваний в деревне»<sup>8</sup>.

Однако концепция будет звучать не так красиво, если рассмотреть ее действие с точки зрения социума и горячих общественно-социальных тем. Окно Овертона может быть сдвинуто ложными идеями, искажениями и недопониманием, так как оно отражает то, во что верит общество. Даже ошибки могут сдвигать это «окно». Ложная вера в то, что в Ираке должно находиться оружие массового уничтожения, способствовало поддержке той войны.

Так, совершенно чуждые и неприемлемые обществом идеи могут быть и были подняты из свалки общественного презрения, отмыты в семи водах и законодательно закреплены. В пределах этого «окна» любую, изначально самую дикую идею могут или не могут широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться законодательно закрепить. Окно движется и, совершенно чуждое морали, совершенно «немыслимое» и отвергаемое, становится «актуальной политикой», то есть широко обсуждаемым, принимаемым массовым сознанием и закрепленным в законах.

Нельзя назвать это «промыванием мозгов» или пиаром, это куда более эффективные и более тонкие технологии, действующие системно и незаметно для общества. Чтобы понять эту технологию, можно предложить следующую последовательность действий как схему того, как это работает:

---

<sup>7</sup> Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2006. — 240 с.

<sup>8</sup> Меньшинство побеждает большинство: обнаружен переломный момент в распространении идей. — URL: <http://www.sciencedaily.com/releases/2011/07/110725190044.htm>

- 1) Стадия немислимого (табу).
- 2) Стадия радикального (люди начинают думать, что это смело).
- 3) Стадия принятия (люди начинают принимать это за альтернативу, ученые изучают явление).
- 4) Стадия оощуцаемого (люди начинают широко обсуждать идею).
- 5) Стадия популяризации (появляются мнения: а почему бы и нет?).
- 6) Политическое принятие (появляется закон, идея становится общественно допустимой).

Этот процесс можно рассматривать с разных точек зрения. Положительные его эффекты мы можем наблюдать, например, в изменившемся за последнее столетие отношении к женщинам, бывшим ранее намного более ограниченными в правах и свободах; в отношении к афроамериканскому населению; к религии (научный атеизм в СССР по сравнению с популярной РПЦ, набирающей обороты в медиа, шоу-бизнесе и политике); к сексуальным меньшинствам, вокруг которых последнее время разгорается шумиха. Примеров может быть множество.

Однако, как и на все в этом мире, на явление Окна Овертона можно взглянуть с обратной стороны, рассматривая его как технологию разрушения общественных институтов, уничтожения человечности и культурных устоев, прививания морально недопустимых идей. Узаконили гомосексуализм — недолго и до узаконивания педофилии<sup>9</sup>, а там и до каннибализма<sup>10</sup>. Почему бы и нет? У нас ведь свобода слова, слова многозначны, а смысл может быть субъективен. Чем больше говорят о радикальном, мерзком и запретном, тем более приличным оно становится, незаметно устаканиваясь в общественном сознании.

Тем не менее, на любое действие всегда найдется противодействие. Действие направлено от кого-то и для чего-то, а значит необходима противная сторона, способная четко идентифицировать себя отдельной от массового помешательства и вести организованную контрпропаганду на экспертно-законодательном уровне. И против технологии можно применить ту же самую технологию — истиной может стать что угодно, если это умело подать и распиарить.

Это не более чем спор, только в больших масштабах, и, как и в споре, против противника в ход могут идти самые разные приемы. При этом доводы совершенно не обязательно должны быть верными и рациональными. Причем у обоих оппонентов.

Соответственно, к обозначенным ранее шести ступеням применения технологии можно предложить соответствующие методы противодействия:

На стадии изучения проблемы учеными можно применить известные шуточки про «британских ученых» и вообще любые лжефакты. Затем, когда начинают появляться альтернативные статьи, выражения, эвфемизмы, необходимо продолжать называть вещи своими именами, например, не «тру-

<sup>9</sup> Статья о дебатах на тему легализации педофилии. — URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=638189>

<sup>10</sup> URL: [http://ruskline.ru/opp/2014/01/18/mihail\\_hazin\\_predstavlyaet\\_o\\_manipulyacii\\_obwestvom\\_kak\\_navyazyvayut\\_samounichtozhenie/O\\_kanniibalizme](http://ruskline.ru/opp/2014/01/18/mihail_hazin_predstavlyaet_o_manipulyacii_obwestvom_kak_navyazyvayut_samounichtozhenie/O_kanniibalizme)

довая миграция», а «завоз рабов»<sup>11</sup>. В мире всегда найдется хоть одно противоположное мнение, понятие, жизненный случай, который можно не преминуть использовать в разгорающейся дискуссии. Кроме того, есть замечательный способ, раскрывающий тайну и делающий ее более непривлекательной, — раскрытие приема. Действует это просто: если много людей поймет обман, он перестанет работать.

В этом случае также помогает неоднородность общественного противостояния. То есть меньшинство всегда сплоченнее большинства, и даже группу из нескольких меньшинств куда проще направить в нужное русло, чем загнипнотизированную толпу<sup>12</sup>.

И здесь не в последнюю очередь, а можно сказать, в одну из первых, нужно упомянуть Интернет, социальные сети и блогосферы, которые не только оказывают большое влияние на развитие общественного мнения, а значит и на темы, которые вероятно могут попасть сначала в «мозговые центры», а затем и на политические дебаты, но и на формирование оппозиций и распространение противодействия.

Именно сфера Интернета может внести вклад как в расширение, так и в движение «окна» возможностей, именно там распространяется бесплатная информация, в которой истину не отличить от лжи, а ложь от истины. Это мир, описанный Олдосом Хаксли в книге «О дивный новый мир». Суть этого мира не в дефиците и подмене информации, а в ее избытке, где правда давно затерялась в тоннах бесполезных фактов, новостей и фотографий котиков.

Мнение одного человека чаще всего не имеет веса, однако уже десять процентов формируют привлекательную для остальных общественную точку зрения, которая так или иначе, рано или поздно станет обсуждаться в экспертных кругах. Рамки морального и аморального рано или поздно сотрутся, переходя в новое состояние, становясь новым окном, через которое мы смотрим на мир.

Это тонкое переплетение человеческих умов и психик, в котором каждая сторона вносит свой вклад, как расширяя наши знания и возможности, так и увлекая в глубокое забвение, где традиции становятся лишь пережитком прошлого, а табу — признаком застоя ценностей и недемократичности. В этом мире возможно все, и истиной может стать даже самое ранее неммыслимое.

Если Бога нет — то все дозволено<sup>13</sup>?

---

<sup>11</sup> Как бить стекла в Окнах Овертона. URL: — <http://emdrone.livejournal.com/250563.html>

<sup>12</sup> Окно Овертона как оружие для правых. — URL: <http://www.ershoff83.livejournal.com/149701.html>

<sup>13</sup> *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы.

Владимир КАНТОР

## ХРИСТИАНСТВО КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА (ПО МОТИВАМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИЗГНАНИИ)

Чтобы говорить сегодня о христианстве (а о нем надо говорить), чтобы оценить перспективы одного из самых мощных и продуктивных явлений человеческого духа за последние пару тысяч лет, необходимо вдумывание в его роль в истории европейского человечества, в его кризисы и катастрофы.

### Европеизм как экспансия христианства

Христианство, усвоенное античностью (Древним Римом), явилось фундаментом возникшей и укрепившейся на основе принципа личности (личного вклада каждого человека в построение жизни) европейской цивилизации. Его энергичная сила в течение нескольких столетий переработала косный элемент варваров-завоевателей. Христианство структурировало и резко отделило Европу от других геополитических образований на земном шаре. По мнению русских мыслителей (С. Франк), само завоевание свободы и демократии, пришедшее поздно, было тем не менее инициировано христианскими смыслами.

Продвижение христианства на другие земли и материка каждый раз означало движение европейской цивилизации в ее новых модификациях (США, Латинская Америка, Канада, Австралия и т. д.). Однако основное ядро этой цивилизации, «*Corpus christianum*», оставалось там, где оно создавалось в течение столетий — с муками, страданиями святых, диким народным христианством (по сути, амальгамой с язычеством), крестовыми походами, смутами, церковными схизмами, реформацией и т. п., а именно — в Европе. Европейские кризисы поэтому оказывались всегда мировыми, захватывая всю христианскую Ойкумену и прилегающие к ней области.

Русь крестилась в X веке, войдя тем самым в европейское сообщество христианских народов. Это ясно почувствовал князь Владимир после крещения: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны»<sup>1</sup>. Как мы знаем, далее в результате геополитических противоре-

<sup>1</sup> Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. — М.: Худ. литература, 1978. — С. 133.

чий произошла схизма. Но в X веке схизма еще не оформилась окончательно, официальный раскол христианской церкви произошел в 1054 году. А к этому времени Киевская Русь стала законной частью европейского мира. «Киевщину, — писал русский историк А.Е. Пресняков, — знали на Западе, считали богатой и культурной страной и отнюдь не смотрели на нее свысока, как на варварскую окраину. В те времена молодое русское государство было хоть отдаленной и обособленной, но частью европейского мира, а Киев — существенным для него оплотом»<sup>2</sup>. Уже после схизмы на Русь приезжает вполне дружески от императора Генриха IV послом епископ трирский Бурхардт, в XI и XII веках продолжают династические браки с королевскими домами Западной Европы: скажем, Владимир Мономах женат на дочери англосаксонского короля Харальда, а Мстислав Великий — на дочери шведского короля. Да и церковь вполне свободна, она «не смешивалась с государством и стояла высоко над ним»<sup>3</sup>.

*Ситуация меняется в столетия татарского ига*, отрезавшего Русь от Западной Европы, тем самым укрепившего Схизму. *Русское, экуменическое по духу и пафосу православие, связывавшее Западную Европу и Константинополь*, превращается в националистическое, а с укреплением Москвы, с «московизацией Руси» (Г.П. Федотов), церковь получает статус автокефальной, но при этом полностью оказывается подчиненной верховной власти. Русское православное христианство отныне освящает все нужды и потребности государства, а потому, скажем, не препятствует становлению в XVII веке крепостного права. Православие, само перестав быть свободным, не могло отстаивать и свободу паствы. Все человеческие проблемы рассматривались только с точки зрения *государственно-церковной пользы*.

### Двойственная роль церкви

Огромную и двойственную, роль сыграла церковь (так сказать, институализованное христианство): с одной стороны, воспитательница народов в христианском духе, проводник христианских идей и интуиций в народную толщу, с другой — подмена первоначальных смыслов учения политически и корыстно выгодными теориями, догматизацией живой религиозной жизнью и союзом с сильными мира сего. В дальнейшем союз церкви и власти привел к попыткам восстановить первоначальные смыслы, к ересям и расколам, в конечном счете, к Реформации в Германии и старообрядчеству в России. Секуляризация была вызвана потребностью решить христианские проблемы вне церкви. Более того, поддержка церковью социально-экономического неравенства, ее беспомощность в решении социальных вопросов на фоне проходившей секуляризации привели ее к отторжению от народных нужд. В результате — первая страшная антихристианская революция в Европе (Франция, 1789), разбудившая в массовом человеке инстинкты зверя.

Кризис углублялся. Усиливается борьба уже не просто с церковью, а именно с христианством как фактором духовной и социальной жизни общества. Во

<sup>2</sup> Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. — М., 1993. — С. 380.

<sup>3</sup> Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. — СПб.: София, 1992. — С. 279.

второй половине XIX столетия прозвучало пророчество — «Бог умер» (Ницше) и «Если Бога нет, то все позволено» (Ф. Достоевский). Пророчество это предвещало небывалые катаклизмы, напоминавшие эпоху переселения народов, полную варваризацию населения («вплоть до антропофагии», как мрачно сетовал Достоевский). Церковь теряет контакт с духовной жизнью народа и интеллектуальной элитой, что пробуждает религиозную интуицию и попытки христиански воздействовать на публику вне и помимо церкви у ряда европейских мыслителей, не являвшихся священниками (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, Г. Федотов, Ф. Степун, С. Франк, Р. Рильке, Г. Марсель, П. Клодель, М. Унамуно и др.).

Их слово, однако, не было услышано. Победу в сознании масс одержали антихристианские идеократии.

### Тоталитаризм как язычество

Тоталитаризм, по сути своей, был антихристианским и, стало быть, антиевропейским движением, противопоставлявшим разуму мифологически устроенное сознание, опиравшимся на стихийные устремления масс жить в несвободе, без проблем (тип подобного миропонимания был угадан Достоевским в поэме о Великом Инквизиторе). По словам Гете, разумом живут единицы, личности, но именно их усилиями создается, крепится и структурируется материк европейской культуры. Любой иррационализм направлен на деструкцию личности, на деструкцию христианского откровения свободы и независимости человека, на размывание основ европейской жизни. Тоталитарные режимы, в сущности, возродили племенные, языческие идеи дохристианской почвы. В 1930 году Томас Манн в речи «Призыв к разуму» утверждал, что иррационализм XX века поднял на щит силы бессознательного, силы, творящие смутное, темное, он отверг дух, считая его убивающим жизнь, и в противовес ему восхвалял как истину жизни тьму души, материнско-нутряное, священно плодоносящий внутренний мир. Из этой религиозности в почитании природы, в сущности своей склонной к вакхической необузданности, многое было воспринято национал-социализмом.

Язычество, которое, по слову российских мыслителей, сохранялось не только в России, а также в Германии и других вроде бы цивилизованных странах, вполне доказало свою жизнеспособность и силу, девестернизируя и дегуманизируя европейское сознание. «Есть в современной европейской литературе какая-то злость на развитие человеческого мозга. <...> С модой «на иррациональное» часто бывает связана готовность принести в жертву и по-мошеннически отшвырнуть достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком»<sup>4</sup>. Россия попала в этот общий поток, возникший после взрыва в Европе подсознательных, почвенно-языческих инстинктов, которые возжелали управлять историческим процессом, тем самым отрицая его надсубъективную силу и смысл.

Невероятное усилие русских писателей и мыслителей конца прошлого века по христианизации России было в значительной степени продиктовано

<sup>4</sup> Манн Т. Письмо Карлу Кереньи, 20 февраля 1934 года.

испугом, причину которого указал Достоевский, предъявив читателям угрозу «беса» Верховенского: «Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» Об этом же и тревога С.Н. Булгакова, беспокоившегося о недостаточной укорененности христианства в русском народе. Удар «неоязычества» в России был тем сильнее, что народная вера, как показали русские религиозные мыслители рубежа веков (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.), включала в себя на равных правах веру в Христа и во всякую почвенно-языческую нечисть («двоеверие»), то есть о преобладании Христа в сознании простолюдина говорить было рано.

Инициированные христианством принципы исторического развития человечества, по сути дела, отрицались в тех странах, где восторжествовали почвенные боги, превратившие даже интернациональные идеи в племенные.

### Русские европейцы против «заката Европы»

Противостояли этому шабашу разные силы, в том числе «русские европейцы», заметившие главное: удар по демократии связан, прежде всего, с ударом по подлинному христианству (при умении тоталитарных режимов использовать сервиллизм официальных церквей). И первое, что их насторожило в Европе XX века, — несоответствие представления о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем «Петровском окне»; ушел родной подоконник из -под локтей — ушло очарование пейзажа»<sup>5</sup>. Разумеется, этот социокультурный тип, противостоящий как крайнему западничеству, так и безумному почвенничеству, был уже распространен в русской культуре: отсчет можно вести от Пушкина, вспомнить и Чаадаева, и Тургенева, и Чехова, очень много людей этого типа оказалось в эмиграции — как забыть Бунина, Милюкова, Федотова, Вейдле!.. Европа тоже уже оказалась иной. Там наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Уже репетируются грандиозные спектакли уничтожения городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под убаюкивающие речи о мире дипломатов и филантропов. Все знают, что в будущей войне будут истребляться не армии, а народы. Женщины и дети теряют свою привилегию на жизнь. Разрушение материальных очагов и памятников культуры будет первою целью войны. <...> Путешествие по мирной Европе стало труднее, чем в средние века. «Европейский концерт», «республика ученых» и «corpus christianum» кажутся разрушенными до основания. <...> В Европе — насилие, в России — кровавый террор. В Европе — покушения на свободу, в России — каторжная тюрьма для всех. <...> Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы, прежде всего — свободы духа»<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Степун Ф. Мысли о России // Современные записки, 1923. Кн. 17. — С. 351.

<sup>6</sup> Федотов Г.П. Новый Град // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. — Paris: YMKA-PRESS, 1973. — С. 136–137, 139.

На что они рассчитывали? Голос их не был слышен ни в Европе, ни тем более в России. Они утверждали христианство как основу европейской цивилизации. И в ответ на заявления о закате демократической эпохи — веру в возможность демократии на основе христианства. Имеет смысл поставить рядом два высказывания Степуна (не раз при том говорившего о беспомощности демократии в России и Германии): «Я определенно и до конца отклоняю всякую идеократию коммунистического, фашистского, расистского или евразийского толка; т.е. всякое насильствие народной жизни. <...> Я глубоко убежден, что «идейно выдыхающийся» сейчас демократический парламентаризм Европы все же таит в себе более глубокую идею, чем пресловутая идеократия. Пусть современный западно-европейский парламентаризм представляет собою вырождение свободы, пусть современный буржуазный демократизм все больше и больше скатывается к мещанству. Идущий ему на смену идеократизм много хуже, ибо представляет собою нарождение насилия и явно тяготеет к большевицкому сатанизму»<sup>7</sup>. Противостоит же этому сатанизму *«Божье утверждение свободного человека, как религиозной основы истории»*. Демократия — не что иное, как политическая проекция этой верховной гуманистической веры четырех последних веков. Вместе со всей культурой гуманизма она утверждает *лицо* человека, как верховную ценность жизни, и форму автономии, как форму богопослушного делания»<sup>8</sup>.

Даже готовые идти на компромисс деятели культуры, верившие, что черт (т.е. зло), в конечном счете, может послужить благу, признавали, что режим этот не божеского, а дьявольского происхождения. Именно такое парадоксальное подтверждение дехристианизации страны показано в романе о визите дьявола в Советскую Россию. В гениальном сочинении М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Христос уже не Иисус, а Иешуа Га Ноцри, он просто добрый человек, хотя как-то и связан с высшими силами мироздания, и ему симпатизирует дьявол. Более того, нам дается и блистательно написанное жизнеописание Христа, но... в представлении дьявола, так сказать, евангелие от Воланда. *В этой стране* (отныне его епархии) *только в памяти дьявола остается образ Христа*. Народ же полностью дехристианизирован.

Оправдание Христа через дьявола — предел духовного падения культуры. У русских мыслителей были свои объяснения произошедшей катастрофы. Началось с Запада, который испытал явный кризис христианства (Ницше как симптом), но, быть может, и преодолел бы его, если бы некоторые разрушительно-атеистические идеи не подхватила Россия. В результате произошел распад российского национального сознания, ибо им не было усвоено на уровне, так сказать, «физиологии культуры», абсолютного, т.е., по Степуну, религиозного значения культурных ценностей и благ, что сказалось во всех сферах жизни. Оказалось, что народу на культуру наплевать.

<sup>7</sup> Степун Ф. Мысли о России. Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // Современные записки. — Париж, 1928. Кн. 35. — С. 367.

<sup>8</sup> Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. — Париж. 1924. Кн. 21. — С. 301. Курсив Ф. Степуна.

Но почему «закат России» наступил раньше «заката Запада», обещанного Шпенглером? Надо, однако, сказать, что закат наступил для всей Европы, и тут трудно считаться, где раньше. По мысли Франка, Федотова, Степуна, в России все же раньше, поскольку большевизм насаждал все ухваченное им с Запада с той силой веры, которой Запад был уже лишен. Культурное бессилие русской религиозности на поверку оказалось страшной разрушительной силой.

### Религиозная санкция культуры и демократии

Спасение демократии и свободы личности в одном — в придании культурным ценностям религиозной санкции. Но для этого и Церковь должна быть свободна, а не раздираться конфессиональными ссорами, тем более — не пачкаться сервильным угождением сильным мира сего. А для чувствующих себя христианами, писали русские мыслители, главное — *не предавать религиозного смысла свободы*.

Жить во имя религиозной свободы — значит сохранять чувство своего человеческого достоинства, не давая опустить себя до уровня скота, вола подъяремного. Но понятно, что почти невозможно сохранить чувство свободы при тоталитарно-фашистском режиме. Нужна демократия. Есть ли шанс восстановить ее в России — стране православной? Можно ли открыть глубинный смысл православия, не ограничиваясь обрядами и умением затеплить свечечку перед лампадкой (чем умилялись российские православные философы), как возможной силой для становления свободы и демократии?

Русские мыслители искали путей, которые позволили бы не просто оживить православие в России, но сделать его основой демократических изменений. Степун не раз говорил, что Россия может ждать от своих изгнанных мыслителей не организации вооруженной интервенции, а той идеологии, которая позволит ей существовать достойно. Для этого необходимо открытие путей, которые «приводят к многообразию христианских мирозерцаний, а тем самым и к многообразию решений тех или иных социально-политических вопросов»<sup>9</sup>. А уж многообразие политических мирозерцаний само требует демократической, а не тоталитарной организации политической жизни.

Это был идейный шанс. Но не туда смотрела Клио. Роль творцов идей, определявших судьбу человечества, досталась большевизму и фашизму. Русские европейцы, видевшие крах родившегося пять столетий назад в Возрождении христианского гуманизма, чувствовавшие надвигающееся новое Средневековье, вполне отдававшие себе отчет в неподлинности, игровом характере Серебряного века, который двусмысленно именовали «русским возрождением», но который привел к тоталитарному срыву, пытались найти идеологию, чтобы сызнова пробудить пафос подлинно всеевропейского Возрождения. Задача по-своему грандиозная. Но решать ее приходилось в ужасе войны и гибели людей, в зареве пожаров от горевших домов и книг, в очевидной перенасыщенности интеллектуального пространства смыслами, которым уже

<sup>9</sup> Степун Ф. О человеке «Нового Града» // Новый Град, 1932. № 3. — С. 18.

никто не верил. Они попали в ситуацию, как называл ее Степун, «никем почти не осознаваемой *метафизической инфляции*»<sup>10</sup>.

### Чему учит исторический опыт?

После крушения фашизма и большевизма Европа вернулась к построению и реконструкции «европейского дома». Но опыт, который вынесен из катастроф XX столетия, говорит нам о многом.

Человечество насчитывает не одну попытку построения универсалистских цивилизаций. Сейчас продолжается, пока наиболее успешное, построение новой мировой цивилизации, начало которой положено европейско-христианской культурой. Ее экстенсивное движение оказалось возможным в результате секуляризации «христианского мира» (отождествлявшегося до XV века с Европой). Сыграв свою роль воспитателя, христианство благотворно воздействовало на попавшую в поле его излучения человеческую ментальность, внушив гуманистические нормы поведения и морали. Казалось бы, что христианские смыслы вошли в европейскую цивилизацию, стали ее подпочвой, ибо без понимания христианской символики нельзя понять высших достижений ни литературы, ни живописи, ни музыки. Но опыт XX века показал, что речь шла именно о высоком искусстве, а почва оставалась вполне языческой. Восстание масс отвергло христианство, опершись на почвенных богов. Из «*Corpus christianum*» Европа в XX веке превратилась в сборище воскресших племенных религий (порой под видом самоновейших европейских теорий). Восторжествовало неоязычество, бесовщина в разных национальных обличьях.

Оказалось, что, упраздняя христианство, человечество поневоле лишает духа и все явления гуманистической культуры, выросшие на европейско-христианской почве, включая политику (крушение демократических институтов и т. п.).

<sup>10</sup> Степун Ф. Путь творческой революции // Сочинения. Вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В.К. Кантора. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 430.

Ирина СИЗЕМСКАЯ

## ИДЕИ РУССКОГО МЕССИАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФСКОЙ МЫСЛИ<sup>1</sup>

XX век, вошедший в интеллектуальную историю человечества крушением многих социальных мифов, нельзя назвать временем мессианского сознания, хотя временем бурного развития национального самосознания, соотносящегося с некоторыми проявлениями последнего, можно. Еще Н.А. Бердяев отмечал, что «национализм и мессианизм не только соприкасаются, но часто и смешиваются, что национализм в своем «положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема, переливается в мессианизм»<sup>2</sup>. Поэтому объяснимо, почему сегодняшняя отечественная публицистика нередко возвращается к образу «Москва — Третий Рим», а инициаторов ретроспективы нисколько не смущает тот факт, что средневековое мышление было иным, как иной была и историческая реальность, вызвавшая к жизни этот образ и стоявшую за ним идею. Видимо, в афористичной формуле псковского инокa заключена какая-то особая притягательная сила, тревожащая умы уже не одно столетие.

Ниже предлагается рассмотреть мифологему «Москва — Третий Рим» в качестве своеобразного *пролога* русской историософской мысли, в историческом движении которой, по мнению автора, средневековая мифологема сыграла роль своеобразного катализатора идей, определивших ее смысловой вектор на достаточно длительный период времени. Представляется, что это обстоятельство во многом объясняет актуализацию интереса к ней на каждом новом витке нашей истории.

### «И станешь в славе ты чудесной...»

Вопрос о национальной идентичности, а именно с ним исходно связан образ Москвы как Третьего Рима, на разных этапах отечественной истории принимал различные значения и смыслы, но всегда оставался традиционным в своей актуальности. А если говорить о его философском осмыслении, то без преувеличения можно сказать, что русская философская мысль пробудилась именно на проблеме, «что есть Россия и какова ее судьба?». Достаточно

<sup>1</sup> Статья предоставлена редакцией журнала «Философия и культура».

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. Национализм и мессианизм // Н.А. Бердяев. Судьба России. Кризис искусства. — М., 2004. — С. 110.

вспомнить, что с вопроса «Откуда пошла земля русская?» начинается один из древнейших документов русской общественной мысли — летописный свод, вошедший в историографию как «Повесть временных лет»<sup>3</sup>. С этого момента мессианские идеи вошли в плоть национального самосознания<sup>4</sup>.

Зарождение и становление национального самосознания всегда происходит под влиянием встречи одного народа с другим, в какой бы форме она ни происходила, начиная от прямого военного столкновения, кончая торговыми, культурными, политическими контактами. Для русского народа такой первой значимой встречей явилось знакомство в IV–V веках с Византией.

Но если следовать исторической правде до конца, то следует признать, что контакты с Византией вплоть до XI века были более стабильными и основополагающими, чем с восточными соседями. Поэтому исходные ориентиры социально-политической жизни и общественной мысли во многом формировались под влиянием именно Византии. «Византийские идеи и чувство, — отмечал К.Н. Леонтьев, — сплотили в одно тело полудикую Русь»<sup>5</sup>, а византизм был воспринят, как *близкая славянству культура*. Того же мнения придерживался историк Т.Н. Грановский, авторитет которого в данном вопросе бесспорен<sup>6</sup>.

Свидетельством византийского влияния, конечно, стало и принятие в X веке Русью христианства, что, как хорошо известно, наложило неизгладимый временем отпечаток на все культурное развитие русского народа. С определенного времени собственное своеобразие начало осознаваться под знаком отношения к новой вере, а смысл этого отношения виделся в верности православию и идее о предназначении русского народа хранить чистоту этого вероучения. Одновременно антитеза «вселенское — национальное» трансформировалась в «православное-католическое», а со временем в «российское-европейское», существенно повлияв на проблемное поле философской рефлексии. Об этом спустя несколько столетий Вл. Соловьёв скажет:

*О Русь! В предвиденье высоком  
Ты мыслью гордой занята;  
Каким ты хочешь быть Востоком:  
Востоком Ксеркса иль Христа?  
(Ex oriente Lux, 1890)*

В своей классической форме русский мессианизм связан с мифологемой, сформулированной старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем в его посланиях сначала царскому дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину (около 1524

<sup>3</sup> См.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. — М., 1978.

<sup>4</sup> См.: Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. Гл. I–IV. — М., 1990; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. Лек. 1–2. — М., 1991.

<sup>5</sup> Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Избранное. — М., 1993. — С. 32.

<sup>6</sup> «Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов, но кроме этих отношений нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы славяне», — писал Грановский, отстаивая свой взгляд на историю Руси и ее отношений с Европой. — Грановский Т.Н. Латинская империя. Сочинения. — М., 1876. Т. 2. — С. 138.

года), а позже царю Ивану Васильевичу (около 1530 года), в которых он писал: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»<sup>7</sup>. В 1598 году эта формулировка была закреплена в официальном документе — в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора с участием константинопольского патриарха и греческого духовенства. С этого времени концепция «Москва — Третий Рим» на долгое время определила представления русского народа, а что еще важнее, власти и церкви, о его настоящем и будущем, о собственной исторической судьбе.

Идея Филофея, соединившая в себе черты весьма распространенной во всех христианских странах теории «Длящегося Рима», «нескончаемости» Римской державы вплоть до завершения земной истории человечества, вычленила в старой теории новый аспект: *роль Русского централизованного государства в европейской истории*, что отражало своеобразие социокультурных и политических реалий как Европы (духовное падение Византии, закрепленное в 1439 году Флорентийской унией, и захват в 1453 году турками Константинополя), так и Московской Руси. Победа на Куликовом поле положила начало формированию русского централизованного государства, удельно-местническая политика московских князей уступила место политике национально-державной, закрепившей ситуацию, при которой рядом с властью великого князя Московского не осталось других, сопоставимых с ней, политических сил. К началу царствования Ивана III изумленная Европа вдруг заметила к востоку от своих границ появление огромного государства, и стало очевидно, что с этим государством следует искать формы политического союза. Понятной стала и перспективность привлечения его в качестве союзника против Турции, непомерно распространившей к этому времени свое влияние на Востоке. Взамен Москве можно было предложить признание за ней права на византийское наследие и коронование Московского великого князя как христианского царя, что и было сделано. Иными словами, к середине XV века русское государство было готово демонстрировать свою силу, а Запад уже понял, что с этой силой придется считаться. Очевидным было и еще одно совпадение событий: «турки покончили с царством Константина, — писал Вл. Соловьев, — именно в то время, когда в Восточной Европе встал на ноги новый исторический деятель, способный принять ту задачу христианского царства, в исполнении которой Византия оказалась так жалко несостоятельной»<sup>8</sup>.

Можно сказать, что идея Филофея легла на подготовленную почву, явившись завершением круга идей, «носившихся в воздухе». Получив широкий общественный резонанс, она была воспринята властью и обществом в качестве *модели желаемого и ожидаемого развития страны*, заняв соответствующее место в складывающейся системе общественных представлений о национальной идентичности. Мысль о богоизбранности русского народа, на который пала Божия благодать, была пущена, что называется, в ход: родилась целая серия книжных Сказаний, Слов, Повестей, развивающих эту идею.

<sup>7</sup> Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половины XVI века. — М., 1984. — С. 452.

<sup>8</sup> Соловьев В.С. Византизм и Россия. Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М., 1989. — С. 566.

«Есть исторические лица, — писал в этой связи известный исследователь проблемы И. Кириллов, — творческий талант которых, впитав в себя достояние предков и углубившись в переживаемый момент, распускается дивным, ослепительно-ярким цветком, который затемняет собой предшествующее и последующее; именем подобных лиц называют эпохи, направления; таковым лицом в развитии идей богоизбранности русского народа является инок Филофей»<sup>9</sup>. Следует согласиться и с оценкой Э.Л. Радлова, назвавшего старца Филофея первым русским философом истории<sup>10</sup>.

Само появление мессианской идеи возможно только на религиозной почве. Религиозные корни мессианизма лежат в осознании народом себя избранником Божиим для спасения человечества. Для нашего рассмотрения проблемы важно отметить, что в интерпретации первоначально чисто религиозной идеи очень скоро произошло *смещение акцента* — с религиозного провиденциализма в сторону национально-идеологической апологетики. В контекст идеи вошла политическая составляющая в качестве довода в пользу усиления и централизации государственной (после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог) уже *царской* власти. Между идеями об историческом призвании Московского царства и об укреплении самодержавия стала проследиваться заметная связь.

В восприятии народа и самой власти Московский царь превращался во «вседержителя», ответственного лишь перед Богом, и потому ни с кем (в том числе и с церковью) не делящий вверенную ему власть.

Первоначально скрытая идеологическая интенция идеи была усвоена в качестве главного ориентира государственной политики, а провиденциалистское содержание было затуманено обоснованием *воли к могуществу*, мыслью, что утверждение православной веры требует не только силы духа, но и силы оружия. А поскольку и то, и другое осознавалось в качестве «наличествующих черт» собственного бытия, то Россия довольно скоро стала смотреть на себя, как на единственное царство, способное спасти для человечества христианскую веру в ее первозданности. В итоге произошла *национализация мессианской идеи*, что сыграло свою роль в развитии национального самосознания: его константой стало убеждение, что истинная вера там, где Русь. Москва возмнила себя «единственным в мире убежищем правой веры и истинного благочестия»<sup>11</sup>, следствием чего стала замена вселенско-христианского, для которого нет ни эллина, ни иудея (все равны перед Богом!), русско-православным. Одновременно произошел существенный сдвиг в национальном сознании. «В идее «русского Христа», — писал Е.Н. Трубецкой, — в одинаковой мере извращается и образ Христов, и русская национальная идея... Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть как следует Россию действительную и, что еще хуже, русскую национальную идею: духовный облик России хронически заслонялся фантастической грезой «народа-богоносца»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития русского мессианизма. — СПб, 1914. — С. 14.

<sup>10</sup> См.: Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии. — Петроград, 1922. — С. 87.

<sup>11</sup> Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская историософия. Антология / Ред.-сост. и авторы вводного очерка Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. — М., 2006. — С. 330–331.

<sup>12</sup> Там же. — С. 345.

В новой интерпретации мессианской идеи была и другая опасность, которую точно уловил Н.А. Бердяев. «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя, — писал он. — Империалистический соблазн входит в мессианское сознание»<sup>13</sup>. Правда, чтобы новый ценностный смысл филофеевой мифологемы смог найти практическую реализацию, потребовалось время и фигура Петра, утверждение на сцене европейской истории Российской империи со столицей в Санкт-Петербурге.

### Национальный мессианизм: ловушки и позитивные основания для философской рефлексии

Национальное самосознание и мессианизм противоположны по своей природе, происхождению и задачам. И потому, что последний в отличие от первого мистичен, и потому, что обращенный к явлению Христа Грядущего и его антиподу антихристу имеет апокалиптическую окраску, и потому, что, претендуя на универсальность (Христос пришел «для всех и для вся»), подчиняет национальный (партикулярный и заземленный) интерес устремлениями на спасение всего человечества. Мессианская идея может оторваться от религиозно-мистического основания и переживаться народом как духовно-культурное призвание (что и произойдет с мифологемой «Москва — Третий Рим» позже), но тогда мессианизм принимает форму *мессианства*, а это уже нечто иное. Главное же отличие национального самосознания от мессианизма связано с тем, что оно как положительная ценность индивидуального народного бытия, не претендующего на всеобщность, хотя на практике способного доходить до отрицания национальной самостоятельности другого народа, может быть укоренено на позитивной почве, — мессианская же идея никогда. Ибо она принадлежит к «другому порядку»: если национальное бытие есть природное бытие, за которое необходимо бороться, то мессианское призвание лежит вне природного процесса. Это «божественный огонь, в котором сгорает всякое земное устройство. Благоразумного мессианизма, т.е. хорошо устраивающего земные дела народа, быть не может. В мессианском сознании всегда есть исступленное обращение к чудесному, к катастрофическому разрыву в природном порядке, к абсолютному и конечному. Национализм же (национальное сознание. — *И.С.*) пребывает в природно-относительном, в историческом развитии»<sup>14</sup>. Мессианская идея восходит не к земному миру и идет не из него. Поэтому всякое смещение национальной идеи в сторону мессианизма (и обратно) неизбежно бывает «злостно» (Бердяев).

Но именно это и произошло с мифологемой «Москва — Третий Рим», что, с одной стороны, придало «русский окрас» идее о приходе на Землю Избавителя, а с другой, повлияло на вектор национального самосознания. Исходная идея оказалась жестко привязанной к одному народу, а философская (религиозная) мысль сориентировалась на эсхатологическую проблематику. Бердяев очень верно и чутко определил этот нерв отечественной историософской

<sup>13</sup> Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 49–50.

<sup>14</sup> Бердяев Н.А. Национализм и мессианизм // Бердяев Н.А. Судьба России. Кризис искусства. — М., 2004. — С. 114.

мысли: «Есть два преобразующих мифа, которые могут стать динамическими в жизни народа, — писал он, — миф о происхождении и миф о конце»<sup>15</sup>. Именно миф о конце вошел в плоть национального сознания, наложив свой отпечаток и на отечественный способ философствования.

Таким образом, произошло смешение христианской идеи с преступившим свои пределы национальным чувством народа. Это, впрочем, вполне объяснимо, ведь интенцией всякой формы национального мессианизма является стремление к единению вселенского с исторически-конкретным, судьбы мира (в нашем случае христианского) с судьбой своего (в нашем случае русского) народа. Последнее таит в себе не одну «ловушку» и для национального самосознания, и, что представляется еще важнее, для философской рефлексии. Всегда реальна возможность-опасность измены самой идее и связанные с ней неожиданные повороты в самосознании «народа-избранника».

Обратной стороной так осознаваемой исторической судьбы часто становился «отвлеченный и утопический национализм» (Бердяев) — явление специфически русское, незнакомое западному миру (западной культуре), уходящее своими истоками, без сомнения, к идее о жертвенном мессианском предназначении русского народа. В русском национальном самосознании такие настроения столь прочно укоренятся, что будут находить отзвук в разных исторических и социально-политических ситуациях, переживаемых страной<sup>16</sup>. С усвоением филофеевой мифологемы можно связать и особую «чувствительность» к учениям, близким по ценностной символике и социальным идеалам. В этой связи можно вспомнить, насколько быстро и органично вошли в ее контекст марксистские идеи, повлияв (хотя и ненадолго) на таких разных мыслителей, как П.Л. Лавров и С.Н. Булгаков, Н.К. Михайловский и П.Б. Струве.

Мессианское сознание с его идеей Царства Божия и народа-богоносца, призванного осуществить его пришествие, предопределяет характер взаимоотношений власти и общества. Противостояние последнего по отношению к первой воспринимается на уровне государственной идеологии как *недопустимая оппозиция*, разрушающая национальные основы идеи. Это с неизбежностью рождает *раскол внутри общественного сознания* на официальное, поддерживающее существующую власть, и оппозиционное, утверждая *социальную критику в качестве важнейшего направления и жанра философских изысканий*. Одним из следствий этого стало напряженное внимание со стороны философии к социальной проблематике, постоянный поиск Правды и социальной справедливости, ориентация на моральную проблематику, — своеобразный панморализм, как назвал эту черту В.В. Зеньковский. Привнесение в философскую рефлексию оценочного момента, по мнению Зеньковского, объясняет и другую черту отечественного способа философствования — невозможность разделить в его рамках теоретическую и практическую сферу, отвлеченную мысль и жизнь, обусловившую ту целостность философских поисков, к которой стремились и которая стала одним из главных вдохновений последних<sup>17</sup>.

<sup>15</sup> Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 70.

<sup>16</sup> Так, в XX веке они нашли выражение в готовности советского народа к интернациональному братству, положить свои интересы на алтарь общего пролетарского дела.

<sup>17</sup> См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Введение.

Московское царство, как известно, не осуществило идеи Москвы как Третьего Рима — она скрылась в недостижимом для осквернивших себя ересью Граде Китеже. Идее Филофея в том виде, как она была сформулирована иноком, было суждено сыграть роковую роль не только в церковном расколе XVII века, но и в трагическом расколе общества, в основу которого легло сомнение в святости русского самодержца и верности церкви исходным православным символам.

Именно через европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д. Но было бы несправедливо по отношению к собственным истокам философских поисков связывать пробуждение этих качеств только с интеллектуальным влиянием Европы. В общественном сознании эти качества воспринимались как те, без которых невозможно истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство. Вот почему можно сказать, что во многом именно в контексте проблемного поля «Европа — Россия», которое наполнялось ценностными смыслами, как мы отметили выше, в том числе и под влиянием трансформированной средневековой мифологемы, складывается историософский интерес к движущим силам истории. Под знаком этого интереса оформится идея, что личность, сознающая свое «историческое достоинство» (К.Д. Кавелин), есть необходимое условие духовного развития общества и истории.

Эта же идея будет стимулировать общественную мысль к критике исторического опыта как Европы, так и самой России, что найдет отражение в формировании специфической культурно-интеллектуальной ситуации. С одной стороны, очевидными станут преемственность идей европейского просвещения и влияние европейской мысли (Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, французских утопистов), с другой, интеллектуалы России всегда будут смотреть на Европу как бы «с другого берега», оберегая свои культурные традиции и ценности. Даже социально-экономическая отсталость страны станет рассматриваться как своеобразное национальное преимущество: Россия может строить свое будущее, не повторяя ошибок Европы, ибо она свободна «от бремени истории» (Герцен)<sup>18</sup>. Эта идея окажется весьма привлекательной на долгое время, несмотря на ее очевидную уязвимость. Ее влияние будет столь существенно, что когда традиционная культура к концу XIX века начнет терять свое господствующее положение, национальное самосознание окажется в состоянии некоторой растерянности перед задачей нового цивилизационно-культурного выбора. Похоже, что это состояние растерянности остается непреодоленным и по сей день, поскольку и в современных социально-политических условиях все еще не удается адекватно сформулировать свои идеалы и базовые ценности, т. е. осознать на уровне национального интереса свою специфику.

Итак, философский смысл средневековой мифологемы надолго определил ведущий мотив философских исканий: им стало выяснение отношения России к Западу на фоне поисков путей собственного культурного развития. Проб-

<sup>18</sup> К идее о преимуществах отсталых народов прибегнет и К. Маркс в известном письме к Вере Засулич, а еще позже она появится в виде идеи «прорыва слабого звена» в обосновании возможности победы пролетарской революции в России у В. Ленина. Ее отголоски звучат и сегодня среди тех, кто делает ставку на эффект «догоняющего развития».

лема «Россия — Европа» как *проблема Судьбы России* (ее места во всемирной истории) станет предметом философской рефлексии. При этом на каждом новом этапе ее осмысления она будет восстанавливать свой исходный актуальный смысл: особенность России заключается в сохранении чистоты христианской веры, которое она получила, восприняв православие от Византии. Но начальные идеи мессианизма станут «оживать» в одеяниях новых философских построений. В зависимости от исходных теоретических посылок они будут приобретать либо метаисторический характер (как идея об историческом предназначении России) — П.Я. Чаадаев, И.П. Киреевский, А.С. Хомяков, либо будут заявлять о себе в сциентистской форме (как проблема культурной миссии России в качестве особого исторического типа) — Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, либо найдут проявление в народнической модели российской истории по «формуле прогресса» — П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, либо примут вид эсхатологических поисков — Вл. Соловьёв, Н.С. Булгаков, Н.А. Бердяев. Особое место в этом ряду займут идеи почвенничества (М. и Ф. Достоевские, Н.Н. Страхов, Апп. Григорьев). Правда, ни одно из этих направлений не сможет в должной мере обосновать те ожидания-притязания на историческую исключительность России, которые изначально были заложены в идее псковского инока. Подводя определенный итог связанным с этими не оправдавшими себя ожиданиями-изысканиями собственным надеждам (учению о вселенской теократии), Вл. Соловьёв скажет с горечью и предостережением:

*И третий Рим лежит во прахе,  
а уж четвертому не быть.*  
(Панмонголизм, 1894)

«Не быть» — ибо в мире нет силы, способной соединить в исторической жизни божеское начало с человеческим, — так думал Вл. Соловьёв, а после него Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев.

Думается, время актуальности, как и определяющего влияния на умы идеи старца Филофея, ушло. Просто потому, что, прожив свою историю, она сегодня своим содержанием не вписывается в историческую целесообразность. Время империй уходит, а с ним уходит и время национального мессианизма. «Самый его фундамент по ветхости своей и узости пришел в негодность и стал окончательно неприемлем для современного религиозного сознания», — писал еще в 1912 году Е.Н. Трубецкой<sup>19</sup>. Но идея прочно вошла в интеллектуальную историю страны. Исчерпала ли она свои силы в качестве идеи-вдохновителя на новые историософские поиски и утверждение в народе веры в собственные силы при готовности идти вместе с другими народами?

Наверное, нет, ведь каждое новое поколение ищет свои смыслы в оставленном ему духовном наследстве. Дело только в том, чтобы это наследство философски адекватно интерпретировалось.

<sup>19</sup> Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская историософия. Антология / Ред.-сост. и авторы вводного очерка Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. — М., 2006. — С. 333.

## **ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

### **«И ТОПЯТ В ПРОПАСТИ ЗАБВЕНЬЯ...»**

**Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с. Тираж — 1500 экз.**



В отечественной и мировой литературе немало исследований посвящено революции 1905 года, Октябрьской революции, Первой мировой войне. Изучены самые темные аспекты этих исторических событий. Парадоксально, но в описании и анализе грандиозной катастрофы минувшего столетия нет такой обстоятельности и глубины. Неудивительно, что творческий гений историка Анатолия Ивановича Уткина обратился к этой теме и придал ей потрясающую наполненность. Казалось бы, что нового можно рассказать читателю о расколе Европы или о Брестском мире? Что еще можно вычитать из документов вековой давности? Но книга выдающегося российского историка А.И. Уткина (1944–2010) раскрывает драматические события Первой мировой войны с летописной обстоятельностью и едва ли не предельным погружением в документы, факты и события.

А.И. Уткин рассматривает предпосылки Первой мировой войны, ее ход, события на западном и других фронтах, историю российского участия в войне, связь войны и революции, Брестский мир, поражение Германии, интервенцию и Версаль. Обращаясь к сокровищнице многочисленных западных и российских источников, он разъясняет языком документов смысл и грандиозность последствий этой войны. Многие мыслители стремились проникнуть в истоки этих кровавых страниц человеческой истории. Греческие мыслители, в том числе Платон и Аристотель, полагали, что идея войны имеет обоснование в стремлении к справедливости. Н. Макиавелли считал, что война — неотъемлемый инструмент политического взаимодействия. Кант писал, что войны случаются из-за того, что монархи не могут достичь договоренности. Кальвин считал войну одним из проявлений божественной воли, как наказание и как урок. Апология войны представлена в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира». Ницше рассматривал войну как нормальное состояние человеческой истории.

В исследовании А.И. Уткина нет никакой апологии войны. Он раскрывает кошмарную изнанку этого исторического бедствия. Но при этом не прибегает к излишнему пафосу, к моральной дидактике. То, что недосказано, выражено в документах. Первая мировая война оценивается им как ключевая, но малоизвестная большинству людей. Она является во многом забытым в России

событием, оказавшим огромное влияние на дальнейший ход всей мировой истории. Ее смысл был вытеснен революционной поступью. И вот, по мнению А.И. Уткина, потерянная в обществе память о Первой мировой войне — причина непонимания многих последовавших процессов. Ее эхо звучит и сегодня, искаженное незнанием истинных событий того времени.

*«За четыре года, — пишет А.И. Уткин, — произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война придала современную форму национальному вопросу. Она вывела на арену общественной жизни массы народа, фактически не участвовавшие прежде в мировой истории. Она дала невиданный импульс технической революции. Она при этом открыла невиданные глубины гуманитарного падения, на которые оказался способным человек вопреки всем достижениям цивилизации. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, смяла все достижения столетия посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен. Она оставила после себя невиданное ослабление народов, выплеснувшееся в отчуждение 20-30-х годов и кровавую драму Второй мировой войны» (с. 5).*

К этим словам можно еще добавить, что Первая мировая война обнажила иррациональность общественных процессов. Западные исследователи пришли к убеждению, что войны не хотел никто, но народы набросились друг на друга под влиянием манипулятивной пропаганды. Так обозначился крах рационалистических представлений о ходе истории. Война перечеркнула классические схемы мышления о прогрессе и целях человечества.

Особое значение, считает А.И. Уткин, Первая мировая война имела для нашей страны. Базовым для понимания русской истории является признание того факта, что внутри русского народа существуют два народа. *«Правящий класс императорской России не обладал уверенностью в себе, ясным пониманием ситуации, энергией патриотического спасения, которая позволила, скажем, британской аристократии образовать союз с нарождающейся буржуазией, создать жесткую и прочную основу нации, не потерявшей самоуважения и в то же время восприимчивой к ценностям технической цивилизации. Российская аристократическая элита устремилась не к союзу с буржуазией, а за царем-самодержцем, делая для русской буржуазии дело реформирования России едва не безнадежным» (с. 7).*

В чем же проступает трагизм истории? Почему война может рассматриваться как поворотное событие не к лучшему исходу? Дело в том, что в 1914 году Европа стояла накануне невиданного периода процветания. Огромных достижений добилась наука, разворачивала свой немислимый ресурс техника. Однако эти расчеты на прогресс натолкнулись на амбиционные помыслы политиков. Уверенная в победе над неповоротливой, неорганизованной машиной России, Германия готовилась объявить ей войну. Вступление в войну, которая сокрушила миллионы судеб, не принесла желаемого результата ни одной из стран-участниц, произошло необычайно легко. Можно полагать, что наступило массовое политическое умопомрачение. Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией и основываясь на подспудном желании остановить Германию на ее пути к гегемонии в Европе.

При этом страны Антанты имели несомненное численное превосходство над войсками коалиции центральных держав. Безграничные ресурсы России вызывали трепет. Но быстро обнаружили слабые стороны русской армии. Начало войны и первые кровавые битвы вызвали к жизни новое чувство реализма, ощущение драматизма происходящего. Но авантюрный дух продолжал овладевать Германией. В целом же 1914 год стал годом несбывшихся ожиданий для всех. Государственные деятели воюющих стран в последние месяцы этого года потеряли контроль над ведением войны. Отсутствие согласия между обществом и правительством, не сумевшим подготовить Россию к войне, подорвало, как показал А.И. Уткин, позиции страны в союзе с Западом. Европа не сразу осознала степень катастрофы, которая постигла Россию. В то же время «славянская душа» снова показала традиционную необычайную легкость перехода от восторга союзнической лояльности к подозрению в отношении вчерашних кумиров.

А.И. Уткин детально анализирует возникшую идею окончательного ослабления России. Особое значение Германия придавала революционным силам, способным сокрушить государственный строй России. Германский империализм пришел к убеждению, что этот замысел можно реализовать посредством комбинации социальной и национальной революции. Мир по-прежнему трепетал перед гигантской силой германской военной машины.

Особенность исторического исследования А.И. Уткина заключается в том, что он вовсе не описывает события на фронтах. Перед нами глубокое аналитическое изучение экономических, социальных и психологических предпосылок катастрофы. *«С середины 1916 г. объединительным лозунгом российских «правых» противников войны с Германией стало спасение трона. Главный мотив сторонников прогерманской ориентации стал заключаться в том, что поддержка Россией демократических государств Запада приведет к посягательству страдающего населения на власть и дискредитированной армии — на царские устои»* (с. 271).

Война вызвала небывалое напряжение российской экономики. А.И. Уткин описывает трагическую участь последнего императора. Падение царя было молниеносным. Почему это случилось? Вывод историка лапидарен: задолго до того, как монарх был вынужден покинуть трон, многие тысячи, если не миллионы подданных русского царя пришли к внутреннему заключению, что царское правление не соответствует современным стандартам. Началась агония царского правительства, попавшего в нравственную и интеллектуальную западню. О революции в России мечтали три поколения русских людей. Россия с ее новыми социальными идеями все же далеко отстояла от Запада. К тому же набирал силу кризис западничества в России. Основа государственной организации — политическая власть — начинала ослабевать. Страна теряла единую волю, организацию и способность действовать. Началась самая трагическая для России эпоха.

Следует отметить, что характерный для книги стиль изложения напоминает подчас язык телеграфной хроники. Маленькие отрывки не завершаются итоговыми размышлениями. Но обстоятельность фактов подводит к глубоким выводам. *«Россия проснулась от многовекового сна феодализма, но искать общий язык с ней становилось все тяжелее. Огромная страна всту-*

*пила в фазу внутреннего борения... В истории русского народа периодически прослеживается одна явственная и прискорбная черта — стремление в час рокового выбора предоставляться воле событий» (с. 382).*

Автор монографии показывает, что большевики ожидали от перехода к новому политико-экономическому строю обещанных теорией благоприятных экономических последствий, рывка в экономическом развитии. Трагедией же Временного правительства А.И. Уткин считает неспособность отождествлять себя с движением за мир в России. Оно предпочло расколу с Западом свою политическую смерть. В чем причины краха России? А.И. Уткин видит их в изоляции страны от индустриального мира, в крушении транспортной системы, уменьшении численности промышленных рабочих, увеличении стоимости продукции из-за роста цен на первичное сырье, ухудшении жизни в городах. Запад не осознал глубины той пропасти, в которую угодила Россия.

Автор монографии пишет о том, что мнение о свободе рук у большевиков едва ли справедливо. *«Уже на ранней стадии они ощутили, что при всем желании расстаться с царистским прошлым Россия живет в исторических обстоятельствах, складывающихся столетиями, что вокруг революционного Петрограда не политический вакуум, а подверженная колоссальной инерции совокупность обстоятельств. Европоцентризм не мог уйти как чуждый дым на русском пепелище. Система образования, содержимое библиотек — да и само российское мировосприятие не позволяло сделать обрыв животворных связей мгновенным» (с. 463).*

Книга написана ярким языком. Глубина анализа соединяется в ней с точностью слова, которое подтверждает непреложность оценок. Да, Первая мировая война представляет собой явление колоссального регресса в мировой истории. Она оборвала нить, которая не прерывалась так жестоко со времен Ренессанса. Рухнули надежды на разрешимость всех человеческих проблем. Сникла вера в будущее человечества. Пленка цивилизации стала восприниматься отныне как весьма хрупкая, наступило время крушения всяческих иллюзий. Представление о том, что «человечество выше нации», было растоптано самым внушительным образом. Высшей ценностью оказался национализм. Наука была рекрутирована для организации массового убийства.

Начался век революций — социальных, научных, геополитических, экономических, мировоззренческих...

*Эльвира Спирина*

## СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

**О монографии Э.О. Касаева «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития» [автор предисловия — академик РАН Н.П. Лаверов]. — М.: Международные отношения, 2013. — 182, [2] с. Тираж — 1000 экз.**



Перед нами книга «Катар в XXI веке». Ее автор — Эльдар Касаев — является весьма известным российским востоковедом, посвятившим значительную часть своих двухсот пятидесяти научных работ изучению экономических проблем эмирата.

До недавнего времени Катару в отечественной арабистике не уделялось достаточного внимания. Считалось, что эта относительно небольшая по площади и населению страна не игра-

ет существенной роли ни в экономике региона, ни в его политике, являясь лишь послушным орудием в руках всемогущих Вашингтона и Лондона. Однако последние события на Ближнем Востоке, которые с легкой руки СМИ получили название «арабская весна», заставили исследователей более внимательно взглянуть на международное положение Дохи.

Сегодняшний Катар — это отнюдь не «забытый» эмират, затерявшийся где-то на периферии Аравийской пустыни и живущий подачками транснациональных нефтегазовых гигантов. Эта монархия активно участвует в мировых политических и экономических процессах и имеет лобби в столицах Старого и Нового Света. Катар — претендент на региональное лидерство и один из крупнейших инвесторов в европейскую экономику (в кругах арабских юмористов не так давно даже ходила шутка о том, что британский принц Уильям и его супруга Кейт Мидлтон назовут первенца не иначе как Катар Эйрвейз).

Монография Эльдара Касаева является в некотором роде уникальной. Впервые в научной литературе сделана успешная попытка проанализировать становление экономической мощи Катара, благодаря которой он превратился из «лающей мыши» (как презрительно называли эмират до недавнего времени его «великие» соседи) в весомого актора региональной политики.

В данном контексте актуальность и своевременность труда Эльдара Касаева сомнений не вызывает. Автор проделал кропотливую исследовательскую

работу, изучив и систематизировав большое количество источников, научной литературы и периодики. Весьма полезным подспорьем стала для автора дипломатическая служба в Катаре, во время которой он получил возможность пообщаться с официальными представителями Дохи — политиками, дипломатами, бизнесменами. Итоги этих бесед стали важным источником информации.

В книге «Катар в XXI веке» содержится подробнейший анализ основных показателей государственной экономики. При этом следует отметить, что автор не заостряет внимание читателя лишь на исследовании углеводородного сегмента катарского хозяйства. Он посвящает множество страниц анализу строительного сектора, финансовых возможностей эмирата и местного рынка труда.

Как представляется, важнейшими и интереснейшими главами работы Эльдара Касаева являются те, которые затрагивают отношения Катара с Соединенными Штатами и европейскими странами. На основании богатого фактического материала автор показывает стремительное взаимопроникновение капиталов, исследует проблему сращивания катарской и западной политических и предпринимательских элит через обоюдное финансирование крупных инвестиционных проектов как в самом эмирате, так и в Европе и США.

В канву своего исследования автор органично подверстывает размышления относительно перспектив так называемой «сланцевой революции» и развития в ее контексте индустрии производства сжиженного природного газа (СПГ). Основываясь на анализе долгосрочных договоров поставки катарского СПГ в США, а также на соображениях экологической безопасности, Эльдар Касаев приходит к выводу, что сланцевый бум может в конечном итоге оказаться фикцией и Соединенные Штаты сами на него не очень рассчитывают. При этом шумиха вокруг «сланца» создается Вашингтоном целенаправленно, дабы поколебать позиции России на международных газовых рынках.

Книга содержит весьма ценный фактический материал, собранный автором в буквальном смысле по крупицам. Этот материал может быть полезен не только теоретикам-востоковедам, но и практикам-бизнесменам, желающим войти на арабийский рынок и закрепиться на нем. Особенно полезной в этой связи представляется та часть работы, которая посвящена анализу законодательства в области привлечения иностранных инвестиций. Автор детально описывает процедуру заключения государственных контрактов, подробно рассказывает о нюансах функционирования иностранного бизнеса в Катаре.

Несомненными достоинствами работы Эльдара Касаева являются простотой, доходчивый язык и отменная структурированность текста. Книгу «Катар в XXI веке» попросту легко читать, она не перегружена с целью «набивания» объема ненужными фактами. К недостаткам монографии стоит отнести, во-первых, то, что автор, подробно рассказав о деловых контактах Катара с США, не уделил должного внимания изучению взаимозависимости катарской и американской финансовых элит. Прояснение данного вопроса дало бы исследователям понимание лоббистских возможностей правящей семьи Ааль Тани и степени ее влияния на Белый дом (в контексте недавних событий на Ближнем Востоке проблема архинасущая). А во-вторых — в разделе, посвя-

ценном отношении эмирата с Европой, обойдена вниманием Франция, которая является не только импортером катарского СПГ, но и одним из важнейших внешних рынков инвестирования эмирата.

Вышеперечисленные отдельные недостатки, без которых не обходится ни один научный труд, ни в коем случае не умаляют заслуг Эльдара Касаева, который, по меткому выражению академика Николая Лаверова, восполнил образовавшийся вокруг эмирата информационно-аналитический вакуум.

Нельзя не отметить, что книга «Катар в XXI веке» вышла именно в тот момент, когда российское академическое и экспертное сообщество проявляет к эмирату повышенный интерес, начиная наконец-то понимать, что на Ближнем Востоке появилась новая, весьма влиятельная сила, готовая активным образом участвовать в региональных и глобальных политико-экономических процессах. Перефразируя Максима Горького, можно сказать — своевременные мысли и своевременная книга.

*Сергей Демиденко*

# SUMMARY

## EDITOR'S PAGE

*Vagif Guseynov.* «OLD NEW» PROBLEMS

To Russia, the year of 2013 came to the end with no significant changes. Its main outcome, as many observers agree, is the fact that almost all the long-term problems the country faced at the beginning of the year are still unresolved. The list of all of them has remained, in fact, completely the same, but some new and old new problems had appeared.

The worst of them was the double act of terrorism in Volgograd. War of terror is still going on in Russia. The terrorist threat seems to be the most acute one for our country today.

The other grave problem is the economic stagnation which the country has to suffer. These threats combined might result in cumulative effect that had the potential of ruining the country. It is to counter these threats at what the authorities have primarily to be focused.

## PRESSING TOPICS

*Yury Markov.* THE PHENOMENON OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL AGGRESSION

The article reveals dangerous contradiction between science and economic interests and moral principles. Society in its present form too often makes science «achievements» too dangerous. There are reasons to speak about the growing commercialization of science, including medicine. Ignoring the man with his spiritual and moral requests done next intolerant.

*Pavel Gurevich.* CRUELTY FRINGED MERCY

The society's social health depends not just on the order, but on the mercy, too. While making punishments more severe, narrowing the freedom, the authorities in power should not be forgetful of the pole of the socium that is associated with compassion, mercy, and reasonable forgiveness to all. The social philosophy has already revealed long ago, how prompt to swift changing is the society anxious just in preserving the existing order. Various restraints would become a sort of law and the inexorable punishment of those who «deviated» cause the cancer tumor of cruelty.

The cruelty changes its appearance, expands the area it covers. The aggressive prohibitive policy, the anti-gay law, restricting freedom in the Internet, the law on foreign agents, the antihuman Dima Yakovlev law. Indifference to the others' sufferings. The mercy is being called for by the monopolistic corporations, primarily the energy ones. The authorities instantly respond to their «torments» providing them with budget funds. But who, in the whole country, are anxious because of many citizens' misery of life due to the common food and cloth price rocketing? By official data, in the previous year the country's salaries went up by 3,6% on the average. According to the experts of the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology, each third Russia's citizen would not make the ends meet unless supported by the state.

St. John Chrysostom was fair to say, «The rich and well-fed, who look indifferently at the hungry and poor and give them no help, are equal to murderers». Certainly, those are also equal to criminals, who, having been able to assist at least one victim of the crimes of this world, pay no heed to the human sufferings, being busy just with the well-being of their own.

*Boris Chernyshev.* ON PRIORITY TASKS AND THE PRINCIPAL LINK IN THE POLITICS  
(the Russian theory of scientific decision-making and the experience of history)

Each new generation has to move along by try-and-error method prior to learn to correctly choose the primary tasks in solving the problems of social development.

The «new» methods of the analysis of problem situations, appeared by the beginning of the 21<sup>st</sup> century, and cramming for intuition are able just to supplement the process of learning the essence of the «current» history events, but they are not to solve the problem of the scientifically substantiated choice of priority problems in the governance. Inherited from the Soviet past and borrowed West European basics for determining the priority (main) tasks in the politics have completely discredited themselves and cannot provide for the further steady development of the Russian society. The sooner the country's authorities in power learn this lesson of the past experience, the sooner they restore the role and value of the concrete historical analysis of political situations to work out the major governmental decisions, the faster, by V. Klyuchevsky's image-bearing expression, we will learn to live by own mind instead of replacing it with the West European one.

## THE ISSUE'S MAIN TOPIC

### *Oksana V. Ghaman-Golutvina.* THE METAPHYSICAL DIMENSIONS OF THE RUSSIAN ELITE TRANSFORMATIONS. Part III

Is there some ground to hope that the current decline of both the Russian elite and Russian society is a temporary occurrence? And where are we to find the salvational lever that would serve as a tool to overcome the stagnation? These questions are unlikely to be answered unequivocally, for the answers, in many respects, depend upon the scan point.

It is possible to break the vicious circle by means of institutional transformations. Experience of the countries that have successfully overcome a similar vicious circle proves, that the way to good society goes through establishing the right institutions.

The experience of the successful states shows, the Archimedean lever might well be the factor of effective leadership creating effective institutions. There are no ground to believe the Russian case being an exception to the rules.

## GEOPOLITICS

### *Vladimir Dergachev.* STRUGGLE FOR EURASIA. TECTONIC GEOPOLITICAL TRANSFORMATION

Moscow's new integration project is to establish the Euroasian economic alliance. And sooner or later it would be necessary to have a long-term strategy to meet the challenges at the western and eastern frontiers of the Great Euroasian steppe. The time has come to outline the new contours of tectonic geopolitical transformation of the continent of Eurasia from London to Shanghai, where there have appeared a new powerful geopolitical actor from the Celestial.

## FOREIGN AFFAIRS

### *James M. Acton (USA).* CONVENTIONAL PROMPT GLOBAL STRIKE AND RUSSIA

In the last few months, senior Russian officials have repeatedly expressed concern about a U.S. program to develop fast, long-range, high-precision, non-nuclear weapons. The Commander of Russia's Strategic Rocket Forces, Lt. Gen. Sergei Karakaev, announced that, as a direct response to CPGS, Russia would «develop a preliminary design» for a new rail-mounted intercontinental ballistic missile. Moreover, there is also evidence that Russia is conducting research into its own CPGS-like weapons.

Russia and the United States should be pragmatic and focus on confidence-building measures. Declarations of acquisition plans, reciprocal data exchanges, joint studies, inspections and launch notifications could all help build mutual security. The first step in this process must be discussions so that Moscow and Washington can come to some sort of joint understanding about the implications of strategic conventional weapons for strategic stability.

### *Ernest Sultanov.* WHAT TO DO WITH THE ENERGY: ON CHOOSING THE RUSSIAN FOREIGN POLICY STRATEGY

Vladimir Putin's coming to power had coincided with the start of a new period of the oil price growth in the world markets. In their turn, the high prices for energy resources had played the important role in maintenance of socio-political stability in Russia. To Moscow, supporting this stability became one of the priorities that determined its foreign policy as well.

### *Eldar Kasayev.* THE ARAB OIL AND GAS: RESUME TO RUSSIA

Today, the Arab countries' energy policy is one of the most popular subjects to discuss among the international experts. Russia is not an exception, on the contrary, our state is closely watching the situation in the Near and Middle East. After all, the region is of a greatest importance to Moscow not just because of the foreign political but also the foreign economic reasons. Nevertheless, even the permanent «watching» the twists and turns of the Arab life much too often gives no expected positive result. The reason is that each state among the variety of the Arabian East countries has the specifics of its own.

*Informational File*

### *Nina Petrova.* ABOUT NEW PHASE IN THE RUSSIAN'S ASIA POLITICS

Russia's strategy in the Pacific has to meet, at least, the three major tasks — to provide for protection of the state security along its eastern frontiers; to realize the potential in cooperating with the APR countries ATR to serve the modernisation and development of the whole Russia; to provide for a decent standard of living to the population of the country's eastern territories.

The article treats the suggestions to implement the strategic partnership with Republic of Korea in the most favourable way not just for the Russian party, but for the South Korean as well, with the aim to preserve peace and stability in the North-East Asia.

## ECONOMICS & FINANCE

*Valery Paulman.* WE'RE STUCK WHICHEVER WAY WE TURN

The global economic crisis, started in 2007, is still at the fifth stage of its development. Its specific is that all the negative factors, generated at the previous stages of the crisis, came into effect simultaneously, in many sectors of economy, to make each other go deeper and more strengthened. In various countries of the world the crisis reveals itself differently, but, in general, the complex of its consequences, as a rule, has the negative tendency everywhere.

*Andrey Konoplyanik.* THE «DOMINO EFFECTS» OF THE AMERICAN SHALE REVOLUTION

The discussion on the nature and consequences of the Shale Revolution in the USA is actively going on. Some people do not question the very American phenomenon itself, but do not believe in its global nature and/or consequences, pointing at the disappointments (the outcome of the overrated expectations which had not come true?) in development of shale-hydrocarbons anywhere else in the world, but the USA. Others, including our country-fellows, on the contrary, claim that Russia and Gazprom had overslept such a revolution, and we should rush forth urgently in a pursuit of developing the shale resources not to lag behind other countries. The author of the article makes a try to look into the problem.

*Debut*

*Lyudmila Oleinik.* JORDAN: OUT OF THE ACCESS ZONE

The revolutionary sentiments of the Arab Spring have been superseded with the harsh realities: the blood-shed fightings in Egypt after a disastrous year of the Muslim Brothers rule; partitioning the once united Libya between various tribes; the civil war in Syria. The Arab World has been exhausted by huge human losses, while the Islamic extremism confidently strengthens its presence in the region. Besides the Persian Gulf oil kingdoms, just a few managed to withstand under the assault of the «Spring fever» — Morocco, Algeria, and tiny Jordan. The article attempts to explain how King Abdullah II of Jordan manages to keep the stability in his Hashimite kingdom.

## THE «ROUND TABLE»

DO WE REALLY NEED AN IDEOLOGY?

The participants in the discussion are Academician of the Russian Academy of Education, Professor L. P. Buyeva, and Principal Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy I. V. Yegorova, Dr.Sc. (Philosophy). The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The authorities in power cannot secure the grandeur of their own without an ideology, the mass are in need for it, too. With no ideology a country cannot solve the historical problems it faces. Thereby, the following questions were under the discussion —

1. What is the historical destiny of an ideology?
2. What role it plays in the contemporary world?
3. What would the conservative ideology bring in to us, having been taken on board today?

## PUBLICATIONS

*Gennady Bocharov.* FROM THE QUIET NOTEBOOK

The book of my reminiscences, the *Sunsetting Manually*, published some years ago by the Molodaya Gvardiya Publishing House, was concluded by the chapter titled the Quiet Notebook.

'Quiet' — because it contained no ferocious wars, nor grandiose calamities, nor destructive battles of ideas. There are almost no facts, but just feelings — in reflections and thoughts of what is real and important.

In part, they were included into the book, but a bigger part had just subsided in sketch-books. This book out of notebook is going to be published by the same Publishing House soon. The author calls the Vestnik reader's attention to the extracts from the book — notes, phrases, flashes of odd thoughts, and the words accumulated for long years.

*Yelena Komleva.* GEOLOGY, MINING ENGINEERING AND NUCLEAR ENERGY

The article concerns of the nuclear industry high-energy materials to be buried/underground-isolated, in certain circumstance, in the context of correlating the nuclear and mountain-geological subject areas.

*Anna Kortunova.* THE OVERTON WINDOW:  
NOTHING IS TRUE, AND EVERYTHING IS PERMITTED

The Overton Window is a political theory worked out by the American sociologist Joseph Overton, who was the Vice-President of the Mackinac Center for Public Policy in the mid-1990s. The theory served to explain what the so-called «think tanks» or «thought factories» (that is, the analysis centers) have been doing, what activities all these non-governmental non-commercial research organizations engage in to grant their expertise, mainly, in the humanitarian sphere or liberal sciences. These «think tanks» voice, study and develop the ideas that are considered politically unacceptable for the moment. The outcome of an idea that just yesterday was thought risky to be discussed by politicians, is that today it is safe to be discussed.

The article treats the operating principle of the theory and its consequences.

*Philosophical club*

*Vladimir Kantor.* CHRISTIANITY VIEWED AS THE EUROPEAN PROBLEM  
(inspired by the Russian philosophy in exile)

Having played its role of the tutor, the Christianity has beneficially influenced the human mentality that had happened to be within the field of its emanation, having inspired humanistic norms of behavior and morals. The Christian meanings seemed to have entered the European civilization to become its subsoil, for without understanding the Christian symbols it is impossible to comprehend the highest achievements neither in literature, nor in painting, nor in music. But, as the experience of the 20<sup>th</sup> century had proved, it was the matter of just the finest arts, while the soil remained quite heathen.

Abolishing Christianity, the mankind willy-nilly deprives itself of the spirit and of all the phenomena of the humanistic culture that had grown on the European-Christian soil, including the politics (destructing democratic institutions, etc.).

*Irina Sizemskaya.* «MOSCOW AS THE THIRD ROME»:  
AT THE SOURCES OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF HISTORY

The article views the Moscow as the Third Rome mythologem as a peculiar prologue to the Russian historiosophical thought, in which historical development, according to the author, the medieval mythologem had played the role of some sort of catalyst of ideas that determined its semantic vector for quite a long period of time. The circumstance seems to explain much of the actualization of interest towards the historiosophy at each new turn of our history.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

AND SINK IT INTO THE OBLIVION ABYSS...

Utkin, A. I. The World War One.  
M.: Kulturnaya Revolyutsiya, 2013. 560 pp. (circulation 1,500 copies)

Anatoly Ivanovich Utkin, the historian, had addressed his creative genius to the subject of the 1905 Revolution, the October Revolution, the World War One. A. I. Utkin considered the WW1 prerequisites, its course, developments on the Western and other fronts, the history of Russia's participating in the war, connections between the war and revolution, the Brest Peace Treaty, the defeat of Germany, the intervention and Versailles. Having drawn from the treasury of numerous Western and Russian sources, he explained, in the language of documents, the essence and grandeur of that war consequences.

*Elvira Spirova, PhD*

REVIEW

About the monograph on Qatar in the 21<sup>st</sup> Century: Modern Trends and Forecasts of Economic Development by E.O. Kasayev [introductory article authored by Academician N. P. Laverov of the Russian Academy of Sciences]. — M: Mezhdunarodniye Otnosheniya, 2013. — 182, [2] c. Circulation 1,000 copies — ISBN 978-5-7133-1435-4

Eldar Kasayev's monograph is somewhat a unique one. It is the first time, when the scholarly writer has made a successful attempt to analyze the development of Qatar's economic power, that had transformed the country of a Barking Mouse (as the Emirate was contemptuously referred to by its «great» neighbours until recently) into the powerful actor in the regional politics.

## ОБ АВТОРАХ

**Бочаров Геннадий Николаевич** — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова; премии им. В. Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю. Гагарина, академика С. Королёва и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале 1990-х годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

**Гаман-Голутвина Оксана Викторовна** — доктор политических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Специалист в области изучения политических элит, политического лидерства, политической культуры и политического сознания. Автор монографий «Политические элиты России: вехи исторической эволюции»; «Бюрократия Российской империи», «Цивилизация. Культура. Личность» (в соавторстве); ответственный редактор книг «Самые влиятельные люди России-2003», «Властные элиты современной России». Автор более 150 научных работ.

**Гуревич Павел Семёнович** — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования». Автор многочисленных монографий, школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Философское толкование человека» (2012), «Философская интерпретация человека» (2013).

**Гусейнов Вагиф Алиовсатович** — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соре-

дактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

**Дергачёв Владимир Александрович** (*Украина*) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук, основатель Интернет-портала «Институт геополитики». На основе разрабатываемой профессором Дергачёвым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010–2012, www.dergachev.ru). Персональный сайт: www.dergachev.farlep.net

**Кантор Владимир Карлович** — окончил филологический факультет Московского государственного университета (1969), затем аспирантуру Института истории искусств (1973). С 1974 года работает в журнале «Вопросы философии», в настоящее время входит в редколлегия. С 2003 года — профессор философского факультета Национально-исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ).

Лауреат литературной стипендии фонда Генриха Бёлля (1992). По версии известного французского журнала *Le Nouvel Observateur* (2005) В. Кантор входит в список 25 крупнейших мыслителей современного мира («25 grands penseurs du monde entier»). Дважды лауреат премии «Золотая Вышка» (2009, 2013) НИУ-ВШЭ за достижения в науке.

**Касаев Эльдар Османович** — юрист-международник, специалист по инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Родился 20 января 1985 года в Москве. После окончания Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России находился на дипломатической службе в Катаре, затем занимал должность научного сотрудника Центра ситуационного анализа РАН. Автор более 220 научных и аналитических статей. Автор монографии «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития» (2013) и брошюры «Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей» (2013). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и иностранного бизнеса в ТЭК государств БВСА. Участвует в ситуационных анализах, а также других исследовательских проектах по заказу российских нефтегазовых компаний и политических структур. Регулярно выступает гостем аналитической программы «Панорама» телеканала «Русия аль-Яум», арабская редакция RT (ранее — Russia Today).

**Комлева Елена Владимировна** — научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН).

Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

**Конопляник Андрей Александрович** — доктор экономических наук, профессор, является экономистом-энергетиком по образованию (основные сферы профессиональной деятельности — экономика энергетики, эволюция мировых энергетических рынков, законодательство в области

энергетики и инвестиций, финансирование энергетических проектов). Получил образование и защитил диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук (1978) и доктора экономических наук (1995) в области экономических проблем мировой энергетики в Государственной Академии управления, г. Москва. Получил звание профессора в Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина (2012) по кафедре «Международный нефтегазовый бизнес».

**Кортунова Анна Сергеевна** — выпускница НИУ-ВШЭ (2012), студия Парк Продакшн.

**Марков Юрий Геннадьевич** — доктор философских наук, профессор. Сфера интересов — социальная экология и экологическое право, социально-экономические проблемы, этика, философия естествознания. В указанных областях опубликовано 240 научных работ. В настоящее время интересы сосредоточены на вопросах создания эффективных социально-экономических структур, исключающих духовно-нравственную деградацию общества и экологический кризис.

Выпускник механико-математического факультета (отделение астрономии) МГУ им. М.В. Ломоносова, где окончил также аспирантуру и докторантуру (философский факультет). Избран академиком Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

**Олейник Людмила** — выпускница НИУ ВШЭ (2012), магистрант Тель-Авивского университета. Сфера интересов — ближневосточное урегулирование, палестинский вопрос.

**Паульман Валерий Фёдорович** (*Эстония*) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР.

С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба. В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР.

Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

**Сиземская Ирина Николаевна** — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук. Автор ряда книг и более 250 научных статей, в том числе по истории отечественной философии: «Русская философия истории» (в соавт.) (1997), «Три модели развития России» (в соавт.) (2000), «Российские ритмы социальной истории» (в соавт.) (2004), а также нескольких антологий — «Поэзия как жанр русской философии» (2007) и др.

**Спирова Эльвира Маратовна** — доктор философских наук, и.о. старшего научного сотрудника сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук. Член Российского философского общества. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии, в том числе «Знак и символ: психолого-философское обоснование» (М., 2011), «Философско-антропологическое содержание символа» (М., 2012).

Заместитель главного редактора журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования».

**Султанов Эрнест Шамильевич** — кандидат юридических наук (МГИМО). Специалист по арабскому фольклору и европейской кухне. Подготовил к публикации книгу «Записки оккупанта из Италии».

**Чернышёв Борис Васильевич** — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строи-

тельных отрядов, заведующим отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года — на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года — на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В.И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 года среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений.

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

**Эктон Джеймс М. (США)** — старший сотрудник программы «Ядерная политика» Фонда Карнеги. Физик по образованию, специализируется на проблемах сдерживания, разоружения, нераспространения и ядерной энергии. Входит в состав Тройственной комиссии по сокращению вызовов. В прошлом был членом Международной группы по расщепляющимся материалам и сопредседателем рабочей группы «Следующее поколение» по американо-российскому контролю за вооружениями (2010–2011). Он представил фактологические свидетельства в Экспертный совет по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН и высокопрестижной (Blue Ribbon) Комиссии по ядерному будущему Америки.

Публиковался в таких изданиях, как *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Foreign Affairs*, *International Herald Tribune*, *Jane's Intelligence Review*, *New York Times*, *Nonproliferation Review*, *Survival* и *Washington Quarterly*. Он появлялся на телеэкране в программах *State of the Union* (телеканал CNN), *Nightly News* (NBC), *Evening News* (CBS) и *NewsHour* (PBS).

## OUR AUTHORS

**ACTON James M.** — is a senior associate in the Nuclear Policy Program at the Carnegie Endowment. A physicist by training, Acton specializes in deterrence, disarmament, nonproliferation, and nuclear energy. His current research focuses on the implications of next-generation conventional weapons for both the nuclear disarmament process and international security more broadly.

Acton's publications span the field of nuclear policy. He is the author of two Adelphi books, *Deterrence During Disarmament: Deep Nuclear Reductions and International Security and Abolishing Nuclear Weapons* (with George Perkovich). He wrote, with Mark Hibbs, «Why Fukushima Was Preventable», a groundbreaking study into the accident's root causes. And his analysis on proliferation threats, including Iran and North Korea, has been widely disseminated by major journals, newspapers, and websites.

Acton is a member of the Trilateral Commission on Challenges to Deep Cuts. He is a former member of the International Panel on Fissile Materials and was co-chair of the Next Generation Working Group on U.S.-Russian arms control (2010–2011). He has provided evidence to the UN Secretary General's Advisory Board on Disarmament Matters and the Blue Ribbon Commission on America's Nuclear Future.

Acton has published in the *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Foreign Affairs*, the *International Herald Tribune*, *Jane's Intelligence Review*, the *New York Times*, *Nonproliferation Review*, *Survival*, and *Washington Quarterly*. He has appeared on CNN's *State of the Union*, NBC *Nightly News*, CBS *Evening News* and PBS *NewsHour*.

**BOCHAROV Gennady N.** — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rossyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen.

Early in 1990s, *The Russian Roulette*. the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

**CHERNYSHEV Boris V.** — Dr.Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N. G. Chernyshevskiy Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (Komsomol) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union

Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute. Authored the monographs on The Interpretation of the Historical Experience in V. I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18<sup>th</sup> to 20<sup>th</sup> Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18<sup>th</sup> to early 21<sup>st</sup> Centuries; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18<sup>th</sup> to early 21<sup>st</sup> centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making. Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

**DERGACHEV Vladimir A.** (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics, the founder of the Institute of Geopolitics internet portal. On the basis of the geopolitical theory on the Big Multidimensional Spaces, developed by professor Dergachev, a series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, focused on formation of analytical thinking were published. Authored 40 books, including Geopolitics (2000, 2004); Geoeconomy (2002); The Civilization Geopolitics: Geophilosophy (2004); Religion Studies (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); The International Economic Relations (2005); Global Studies (2005), The Geopolitical Dictionary-Directory (2009), Geopolitics. Geophilosophy. Geoeconomy in 27 volumes (the electronic edition on CD, 2009), the Geopolitical Encyclopaedia (2010–2012, www.dergachev.ru). Personal site www.dergachev.farlep.net

**GAMAN-GOLUTVINA Oksana V.** — D Dr.Sc. (Politicalology), professor at the RF President's Academy of State Service. The expert in studying political elites, political leadership, political culture and political consciousness. Authored such monographs as the Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones; the Bureaucracy in the Russian Empire; the Civilization. Culture. Personality (in co-authorship). Was managing editor of the book publications the Russia's Most Influential People — 2003; the Power Elites of Contemporary Russia. In total, published more than 150 scientific works.

**GUSEYNOV Vagif A.** — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold (2008). Co-edited and published the monographs on The Iraq Crisis and Development of the New World Order» (Moscow, 2004); The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006). Co-authored, co-edited and published books on Russia-Great Britain: Another Cooling (2007); The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization (2007); The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992-2008) (2008); Russia in Changing World (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP (2002); Russia's Competitiveness under Globalization (2006); The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future (2007); Russia and the World: New Epoch (2008); The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

**KANTOR Vladimir Karlovich** — graduated from the M.V. Lomonosov Moscow State University (Department of Philology)(1969), completed postgraduate causes at the Institute of History of Arts (1973). Since 1974, works in the *Voprosy Filosofii (Philosophy Matters)* journal, now being its Board member. Since 2003, is a professor of the Philosophical Department at the Research University — Higher School of Economics (RU-HSE).

In 2005, *Le Nouvel Observateur* magazine (France) included him in its list of the 25 great thinkers of the world (*25 grands penseurs du monde entier*). Twice won the RU-HSE Special Prize of The *Golden Vyshka* (2009, 2013) for the academic achievements.

**KASAYEV Eldar O.** — lawyer on international affairs, expert in investing into power engineering of the Mid-Eastern and African (MEA) countries. Born on 20<sup>th</sup> January, 1985, in Moscow. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (2008). Had been in the diplomatic service at Russia's Embassy in Qatar (2010-11). Worked as the researcher in the Center for Situation Analysis, Russian Academy of Science. Authored over 220 scientific and analytical works and articles. Author of a monograph «Qatar in XXI century: Modern tendencies and prospects of economic development» (2013) and a brochure «Russia and Turkey: modern state and possible scenario of economic relations' development» (2013). Research interests include studying legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian and international business activities in the fuel-and-energy complex of the MEA countries. Is going to present the MGIMO International Law Chair with the dissertation for the degree of Candidate of Science (Law). Takes part in situational analysis process as well as in others research projects initiated by Russian oil companies and political structures. Regularly takes part in analytical TV-program «Panorama», Rusiya Al-Yaum Channel.

**KOMLEVA Elena V.** — the researcher at the University of Dortmund, Germany, the postgraduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

**KONOPLYANIK Andrey Alexandrovich** — Dr.Sc. (Economics), Professor of the International Oil&Gas Business Chair at the Gubkin State University of Oil&Gas (since 2012), expert in energy engineering economics. Graduated from the State Academy of Governance (Moscow) and completed post-graduate cause in economics (1978) and post-doctorate cause in the world energy engineering economics (1995) there.

The key occupational interests include energy engineering economics, evolution of world energy markets, energy and investment law, funding the energy projects.

**KORTUNOVA Anna Sergeevna** — High School of Economics (2012), Park Production Studio

**MARKOV Yuri Gennadievich** — Dr.Sc. (Philosophy), professor, authored 240 scientific works. Graduated from the M.V. Lomonosov Moscow State University, at which had also completed his post-graduate and post-doctorate causes (Department of Philosophy).

The sphere of research interests covers social ecology and ecological law, socio-economic problems, ethics, philosophy of natural science. Currently, focused at establishing effective socio-economic patterns that exclude the society's spiritual and moral degradation and ecological crisis.

Elected member of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts (St.-Petersburg).

**OLEINIK Ludmila** — High School of Economics (2012), undergraduate Tel-Aviv University, competent in Middle East settlement, Palestinian problem

**PAULMAN Valery Fedorovich (Estonia)** — Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March-November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny.

**SIZEMSKAYA Irina Nikolaievna** — Dr.Sc. (Philosophy), Chief Researcher of the Social Philosophy Sector at the Federal State-Financed Scientific Establishment of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. Authored a number of books and over 250 scientific entries, including on history of the Russian philosophy, namely, *The Russian Philosophy of History* (co-authored) (1997), the *Three Models of Russia's Development* (co-authored) (2000), *The Russian Rhythms in the Social History* (co-authored) (2004), as well as compiled several anthologies on the *Poetry As the Genre of the Russian Philosophy* (2007), etc.

**SPIROVA Elvira Maratovna** — Dr.Sc. (Philosophy), is acting Senior Researcher of the History of Anthropological Teachings at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. The Russian Philosophical Society member. Authored a number of scientific works on political psychology and philosophical anthropology, including the *Sign and Symbol: Psychological and Philosophical substantiation* (M., 2011), *The Philosophical and Anthropological Substance of Symbol* (M., 2012).

The deputy editor-in-chief of the *Filosofiya i kultura* (Philosophy and Culture), *Psikhologiya i psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics), *Pedagogika i obrazovaniye* (Pedagogics and Education), *Filologiya: nauchniye issledovaniya* (Philology: Scientific Researches) journals.

**SULTANOV Ernest Shamilevich** — Cand. Sc. (Law) (The RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University). Expert in the Arabian folklore and the European cuisine. Wrote the book of An Invader's Letters From Italy that is ready to be published.

*Институт стратегических оценок и анализа  
Бюро социально-экономической информации*

## **ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ**

**№ 1(55)**

*Перевод с английского — Владимира Мисюченко*

*Корректурa А.Панюгиной  
Верстка Л.Листвина*

*Издание зарегистрировано в Министерстве РФ  
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций  
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года*

*Адрес редакции:  
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1  
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88  
Факс: (495) 911-92-77  
[www.isoa.ru](http://www.isoa.ru)  
E-mail: [info@isoa.ru](mailto:info@isoa.ru)*

*Тираж 1200 экз. Цена свободная*

*Подписано в печать 17.02.2014 г. Формат 70×100/16.  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ №*

*Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».*

*ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ  
в Объединенном каталоге  
«Пресса России» — 44351, 44339.  
Электронный адрес подписки в Интернете:  
[www.presscafe.ru](http://www.presscafe.ru)*

*ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:*

*через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.  
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;  
факс +7 495 681-37-98.  
E-mail: [info@periodicals.ru](mailto:info@periodicals.ru)  
<http://www.periodicals.ru>*

*SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD*

*Via MK-Periodika or its partners:  
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;  
fax: +7 495 681-37-98  
E-mail: [info@periodicals.ru](mailto:info@periodicals.ru)  
<http://www.periodicals.ru>*

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА  
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.  
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: [info@isoa.ru](mailto:info@isoa.ru)

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,  
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке



Извещение	Форма № ПД-4
	<b>ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»</b> (наименование получателя платежа) <b>ИНН 7718163808</b> (ИНН получателя платежа) № <b>р/с 40702810900000080011</b> (номер счета получателя платежа) <b>в АКБ «Росевробанк» г. Москва</b> (наименование банка и банковские реквизиты) <b>к/с № 3010181080000000777 в отделении</b> <b>2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777</b>
Кассир	<b>Подписка на журнал</b> <b>"Вестник аналитики"</b> (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
	<b>ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»</b> (наименование получателя платежа) <b>ИНН 7718163808</b> (ИНН получателя платежа) № <b>р/с 40702810900000080011</b> (номер счета получателя платежа) <b>в АКБ «Росевробанк» г. Москва</b> (наименование банка и банковские реквизиты) <b>к/с № 3010181080000000777 в отделении</b> <b>2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777</b>
Квитанция	<b>Подписка на журнал</b> <b>"Вестник аналитики"</b> (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Кассир	